

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР**Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук**

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации **ПИ № ФС 77-21093** от 19 мая 2005 г.)

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
соискание ученой степени доктора наук (ред. 01.01.2018 г.)
по направлению 07.00.00 — исторические науки и археология*

2018**Ежеквартальное издание****№ 4****Основан в 2001 г.****Проблемным советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»****Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»*****Редакционная коллегия***

доктор исторических наук, профессор **В. С. Меметов** (*главный редактор*)

доктор политических наук, профессор **Ю. М. Воронов**

доктор философских наук, профессор **Г. С. Смирнов**

доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**

(*заместитель главного редактора*)

доктор исторических наук, доцент **Д. А. Смирнов**

кандидат исторических наук **А. К. Калинин**

доктор исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**

кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**

(*ответственный секретарь*)

*Издается НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

*Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России»
41533

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, 2018
© ФГБОУ ВО «Ивановский государственный
университет», 2018

ISSN 1993-3959

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation of the Law
on Mass Communication and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License *ИИ № ФС 77-21093* on 19.05.2005)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidates of Sciences dissertations (issued on 01.01.2018)
in the field 07.00.00 — of historical sciences and archeology*

2018

Quarterly

№ 4

**Founded in 2001 by the Council «Intelligentsia. Culture. Power»
of the Russian Federation**

Founded by Ivanovo State University

Editor-in-Chief Prof. **Valery S. Memetov**, Dr. of History

Editorial Board

Prof. **Yury Voronov**, Dr. of Politics

Prof. **Grigory Smirnov**, Dr. of Philosophy

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of History (*Deputy Editor-in-Chief*)

Assoc. Prof. **Dmitriy Smirnov**, Dr. of History

Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Dr. of History

Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at Ivanovo State University*

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

*The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.ceeol.com*

Subscription index
in the «Press of RF» catalogue
41533

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at Ivanovo State University, 2018

© Ivanovo State University, 2018

Редакционный совет

- В. С. Меметов** Ивановский государственный университет
(*председатель Редакционного совета*)
- Ю. М. Воронов** Ивановский государственный политехнический университет
- А. А. Данилов** Институт Всеобщей истории РАН
- О. В. Золотарёв** Сыктывкарский государственный университет
им. Питирима Сорокина
- И. В. Кондаков** Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
- Г. В. Корзенко** Институт истории Национальной Академии наук
Беларуси (Минск)
- Г. Н. Кочешков** Ярославский государственный педагогический университет
- И. В. Купцова** Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
- В. А. Мансуров** Институт социологии РАН (Москва)
- И. И. Осинский** Бурятский государственный университет (Улан-Удэ)
- С. Н. Полторацк** Санкт-Петербургский государственный университет
телекоммуникаций
- Д. И. Польшвинный** Ивановский государственный университет
- В. А. Порозов** Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
- Е. М. Раскатова** Ивановский государственный химико-технологический университет
- А. В. Репников** Российский государственный архив социально-политической истории (Москва)
- В. Г. Рыженко** Омский государственный университет
- И. В. Сибиряков** Южно-Уральский государственный университет
(Челябинск)
- Ф. Х. Соколова** Северный (Арктический) федеральный университет
им. М. В. Ломоносова (Архангельск)
- А. А. Соловьёв** Костромской государственный технологический университет
- В. Л. Соскин** Новосибирский государственный университет

Editorial board

- V. S. Memetov** Ivanovo State University
(*Chairman of the Editorial Board*)
- Yu. M. Voronov** Ivanovo State Polytechnical University
- A. A. Danilov** Institute of General History of the Russian Academy
of Sciences
- O. V. Zolotaryov** Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin
- G. N. Kocheshkov** Yaroslavl State Pedagogical Institute
- I. V. Kondakov** Russian State Humanitarian University (Moscow)
- G. V. Korzenko** Institute of History of the National Academy of Sciences
of Belarus (Minsk)
- I. V. Kuptsova** Moscow State University named after M. V. Lomonosov
- V. A. Mansurov** Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences
- I. I. Osinsky** Buryat State University (Ulan-Ude)
- S. N. Poltorak** St. Petersburg State University of Telecommunications
- D. I. Polyvyanny** Ivanovo State University
- V. A. Porozov** Perm State Humanitarian Pedagogical University
- E. M. Raskatova** Ivanovo State University of Chemistry and Technology
- A. V. Repnikov** Russian State Archive of Social and Political History
- V. G. Ryzhenko** Omsk State University
- I. V. Sibiriyakov** South Ural State University (Chelyabinsk)
- F. H. Sokolova** Northern (Arctic) Federal University
named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk)
- A. A. Solovyev** Kostroma State Technological Institute
- V. L. Soskin** Novosibirsk State University

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Баженев А. М., Мартынова Т. М.* Тема «Интеллигенция и война» в контексте художественной литературы 9
- Кислицын С. В.* Модель внешнеполитической идеологии американского неоконсерватизма 19

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

- Воронов Ю. М., Ерова Т. В., Рожкова А. С.* Мудрость толпы: дискурсивные стратегии и нарративы 43

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Калистратов А. Ю., Черноперов В. Л.* Образы-представления о Черном континенте и африканцах у германского колониального офицера Рудольфа Ганссера 62
- Костякова Ю. Б.* Сибирский областник Н. М. Ядринцев о «коренной» и «пришлой» сибирской интеллигенции (По письмам к Г. Н. Потанину за 1872—1873 гг.) 83
- Иеромонах Тихон (Захаров), Иванов Ю. А.* «Шуйский» период Иоакима Шартомского — подвижника благочестия и иконописца XVII века 96

ИСТОРИОГРАФИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Козляков В. Е.* Великая российская (русская) революция и судьбы интеллигенции Беларуси: некоторые аспекты историографии вопроса 106

ДЕБЮТ

<i>Мазалецкая Е. Н.</i> Вклад городской интеллигенции в сохранение архитектурного наследия Рыбинска в 1960—80-е годы	127

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

<i>Усманов С. М.</i> Актуальное свидетельство богослова и мыслителя	136
<i>Аннотации</i>	142
<i>Содержание журнала за 2018 год</i>	160
<i>Информация для авторов</i>	164

CONTENTS

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Bazhenov A. M., Martynova T. M.* The topic «Intelligentsia and War» in the context of fiction 9
- Kislitsyn S. V.* Model of the foreign policy ideology of the American neoconservatism 19

INTELLIGENTSIA IN MODERN SOCIETY

- Voronov Y. M., Erova T. V., Rozhkova A. S.* Wisdom of the crowd: discursive strategies and norms 43

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Kalistratov A. Y., Chernopyorov V. L.* Images and Understanding of the Dark Continent and the African people in the writings of German colonial officer Rudolf Hansser 62
- Kostyakova Yu. B.* On views of Siberian regionalist N. M. Yadrintsev about «indigenous» and «new» Siberian intelligentsia (According to the letters to G. N. Potanin for the period of 1872—1873) 83
- Hieromonk Tikhon (Zakharov), Ivanov Yu. A.* «Shuya» period of Joachim Shartomsky — ascetic of piety and icon painter of the XVII century 96

HISTORIOGRAPHY OF INTELLIGENTSIA

- Kazliakou U. Ye.* The Great Russian Revolution and the Fates of Belarusian intelligentsia: Some Aspects of the Question of Historiography 106

DEBUT

<i>Mazaletskaya E. N.</i> The contribution of the urban intellectual society to the preservation of the architectural heritage of Rybinsk in the 1960—1980s	127

MAKING CONCLUSIONS

<i>Usmanov S. M.</i> Actual evidence of the theologian and thinker	136
<i>Annotations</i>	151
<i>List of articles published in the journal in 2018</i>	160
<i>Information for authors</i>	164

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 83.3(0)-3

А. М. Баженов, Т. М. Мартынова

ТЕМА «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВОЙНА» В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Введение

Война — это социальное явление, представляющее собой одну из форм разрешения общественно-политических противоречий между государствами, народами, нациями, классами и социальными группами средствами вооруженного насилия. В связи с этим нелишне вспомнить П. А. Сорокина, который занимался разработкой социологии войны. Его позицию можно выразить фразой: «Уметь понимать войну, чтобы знать, как ее не допустить»¹. Вступление человечества во второй половине XX столетия в ядерный век существенным образом изменило как содержание войн, так и отношение к ним мирового сообщества.

Художественное отражение Тридцатилетней войны (1618—1648)

Тем не менее, необходимость исследования феномена войны остается в повестке дня, и произведения художественной литературы являются важным средством осмысления этого явления.

© Баженов А. М., Мартынова Т. М., 2018

Баженов Анатолий Матвеевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социологии и политологии Тульского государственного университета. bajenov.anatol@yandex.ru

Мартынова Татьяна Михайловна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социологии и политологии Тульского государственного университета. Emartynovatm60@yandex.ru

Думается, достойное место здесь занимает роман «Симплициссимус» немецкого писателя Ганса Якоба Кристофа Гриммельсгаузена (1621—1676). Конечно, в XVII столетии не существовало понятия интеллигенции, но Гриммельсгаузен был известным представителем образованного слоя тогдашнего общества. Его произведение — это своеобразное и неповторимое полотно, полное горечи и юмора, отразившее бедствия и ужасы Тридцатилетней войны. Она опустошила среднюю Европу, и прежде всего Германию. Война подорвала социальные силы бюргерства и крестьянства, вызвала глубокий политический, экономический и культурный упадок. Многие деревни, особенно в Тюрингии и Гессене, вымерли или были брошены и исчезли с лица земли. Поля заросли кустарником или превратились в болота. Одичавшие крестьяне прятались в лесах, питались травой и падалью. Рудники и шахты оказались заброшенными, города захирели и обезлюдели. В стране свирепствовали ландскнехты, служившие тому, кто платит и дает возможность грабить и бесчинствовать.

Повествование в романе ведется от имени главного героя — Симплиция Симплициссимуса, который принадлежал к образованному сословию. Во время войны он попадает в разные ситуации, в том числе в плен к одной из враждующих группировок. Он рассказывает: «Земля, у которой в обычае покрывать мертвых, тогда сама была покрыта мертвыми телами, кои все лежали на свой лад: головы, потерявшие своих природных хозяев, и, напротив того, тела, коим недоставало голов; у иных же прежалостным и ужасающим образом вываливались внутренности, а у иных разможжены черепа, так что и мозги разбрызгало. Там можно было видеть безжизненные тела, лишенные всей собственной крови, и, напротив, живых, облитых чужою кровью. Там лежали оторванные руки, на коих еще шевелились пальцы, как если бы они всё еще хотели участвовать в схватке: напротив того, молодцы, которые еще не пролили ни капли крови, давали стрелкача. Там валялись отделенные от тела бедра, кои, будучи освобождены от тяжести туловища, которое они поддерживали, были, однако ж, тяжелее, чем прежде. Там можно было видеть изуверченных солдат, просивших ускорить им смерть, невзирая на то, что они и так были к ней близки; напротив того, находились другие, которые молили о даровании им жизни. В итоге сие было нечто иное, как прежалостное и прежалкое зрелище!»²

Новаторский подход Л. Н. Толстого в анализе Отечественной войны 1812 года

Одним из выдающихся произведений, посвященных теме войны и интеллигенции, является роман-эпопея «Война и мир» Л. Н. Толстого. Эпическое начало в романе русского классика создает те невидимые нити, которые связывают в единое композиционное целое картины войны и мира. Точно так же как «война» означает не одни военные действия враждующих армий, но и воинственную враждебность людей, в мирной жизни разделенных социальными и нравственными барьерами, понятие «мир» раскрывается в произведении в своих самых разнообразных значениях.

Мир и война идут рядом, переплетаются и обуславливают друг друга. В общей концепции романа мир отрицает войну, потому что содержание и потребность мира — труд и счастье, свободное, естественное и потому радостное проявление личности, а содержание и потребность войны — разобщение людей, разрушение, смерть и горе. Весь ужас необходимости убийства на войне становится ясен Николаю Ростову во время рукопашной схватки с французскими драгунами в местечке Островне. Автор подводит читателя к мысли о противоестественности войны. Это умозаключение утверждается через восприятие произошедшей схватки Николаем Ростовым: «В то же мгновение, как он сделал это, всё оживление Ростова вдруг исчезло. Офицер упал не столько от удара саблей, который только слегка разрезал ему руку выше локтя, сколько от толчка лошади и от страха. Ростов, сдержав лошадь, отыскивал глазами своего врага, чтобы увидеть, кого он победил. Драгунский французский офицер одной ногой прыгал на земле, другой зацепился в стремени. Он, испуганно шурясь, как будто ожидая всякую секунду нового удара, сморщившись, с выражением ужаса взглянул снизу вверх на Ростова. Лицо его бледное и забрызганное грязью, белокурое, молодое, с дырочкой на подбородке и светлыми голубыми глазами, было самое не для поля сражения, не вражеское лицо, а самое простое комнатное лицо»³.

Рассказывать правду о войне очень трудно. Новаторство Л. Н. Толстого в этой области связано не только с тем, что он показал человека на войне, но, главным образом, с тем, что, развенчав

ложную, он первым открыл подлинную героику войны, представил войну как будничное дело и одновременно как испытание всех душевных сил человека в момент их наивысшего напряжения.

Накануне Бородинской битвы Андрей Болконский делится своими заветными мыслями с Пьером Безуховым: «Война не любовь, а самое гадкое дело в жизни, и надо понимать это и не играть в войну. Надо принимать строго и серьезно эту страшную необходимость. Всё в этом: откинуть ложь, и война так война, а не игрушка. А то война — это любимая забава праздных и легкомысленных людей...»⁴

Своеобразным аккордом, завершающим войны Наполеона Бонапарта, служат слова французского писателя Франсуа де Шатобриана. В своей знаменитой книге «Замогильные записки» он пишет: «После двадцати пяти лет, проведенных в сражениях, гул орудий внезапно стихает по всей Европе; Александр покидает Францию, оставив нам шедевры искусств и свободу, запечатленную в Хартии, свободу, которой мы обязаны его просвещенному влиянию. Государь, могущественный вдвойне, самодержец силою меча и силою религии, он один из всех европейских монархов понял, что Франция достигла того уровня цивилизации, при котором стране потребна свободная конституция»⁵.

Художественный анализ событий Первой мировой войны

Тема Первой мировой войны нашла отражение в произведениях многих выдающихся писателей. Ее анализ основывается на произведениях писателей, которые удостоены звания лауреата Нобелевской премии по литературе. К истории этой войны важно обратиться еще и потому, что в 2018 году исполнилось сто лет со дня ее окончания. Одним из лучших произведений, посвященных Первой мировой войне, является роман Эриха Марии Ремарка «На западном фронте без перемен», который был опубликован в 1929 году. Это произведение о «потерянном поколении», о молодых немцах, которых без всякого смысла заставили умирать на никому не нужной войне. Ремарк писал о том, что испытал сам. В ноябре 1916 года со школьной скамьи его призвали в кайзеровскую армию. Он был тяжело ранен. Вместе со своими героями

автор пытается осмыслить происходящее на фронте. Пауль Боймер, от его имени ведется повествование, находясь в лазарете, размышляет: «Кажется непостижимым, что к этим изодранным в клочья телам приставлены человеческие лица, еще живущие обычной, повседневной жизнью. А ведь это только один лазарет, только одно его отделение! Их сотни тысяч в Германии, сотни тысяч во Франции, сотни тысяч в России. Как же бессмысленно всё то, что написано, сделано и передумано людьми, если на свете возможны такие вещи! До какой же степени лжива и никчемна наша тысячелетняя цивилизация, если она даже не смогла предотвратить эти потоки крови, если она допустила, чтобы на свете существовали сотни тысяч таких вот застенков. Лишь в лазарете видишь воочию, что такое война»⁶.

Роман Ремарка «На западном фронте без перемен» был представлен к Нобелевской премии по литературе. В 1930 году это произведение было экранизировано американским режиссером Льюисом Майлстоуном. Четвертого декабря 1930 года в Берлине состоялась премьера фильма. Но последующая его демонстрация в кинотеатре срывалась нацистами, а затем была запрещена по их требованию, так как фильм оскорблял «чувства ветеранов войны».

Другим произведением, посвященным Первой мировой войне, является роман Эрнеста Хемингуэя «Прощай, оружие!», тоже изданный в 1929 году. В него писатель вложил всю свою ненависть к бессмысленной и жестокой войне. Он изображает события, которые происходили на Итальянском фронте Первой мировой войны. Главный герой романа — американский лейтенант Фредерик Генри, служащий в санитарном отряде. Как известно, Италия вела военные действия против австро-венгерских войск. И если в начале романа Генри не очень задумывается над смыслом происходящего (Хемингуэй показывает, что итальянские шоферы, служащие с ним в одной части, понимают этот смысл гораздо лучше), то последующие события изменяют его представления о войне. Он не хочет оказаться жертвой бессмысленного, ничем не оправданного убийства.

Фредерик вместе с четырьмя водителями санитарных машин попадает под минометный обстрел. В результате атаки один водитель оказывается убитым, а у самого лейтенанта ранены

ноги. В процессе работы над романом «Прощай, оружие!» Э. Хемингуэй опирался на свой военный опыт. Писатель находился на Итальянском фронте, 8 июля 1918 года был ранен. Король Италии наградил Э. Хемингуэя серебряной медалью «За воинскую доблесть» и «Военным крестом». Отношение к войне так излагается в предисловии: «Я принимал участие во многих войнах, поэтому я, конечно, пристрастен в этом вопросе, надеюсь, даже очень пристрастен. Но автор этой книги пришел к сознательному убеждению, что те, кто сражается на войне, — самые замечательные люди, и чем ближе к передовой, тем более замечательных людей там встречаешь; зато те, кто затевает, разжигает и ведет войну, — свиньи, думающие только об экономической конкуренции и о том, что на этом можно нажиться. Я считаю, что все, кто наживается на войне и кто способствует ее разжиганию, должны быть расстреляны в первый же день военных действий доверенными представителями честных граждан своей страны, которых они посылают сражаться»⁷.

Роман Э. Хемингуэя «Прощай, оружие!» заканчивается гибелью любимой женщины Фредерика Генри — Кэтрин Баркли. «Вот чем всё кончается. Смертью. Не знаешь даже, к чему всё это. Не успеваешь узнать. Тебя просто швыряют в жизнь и говорят тебе правила, и в первый же раз, когда тебя застанут врасплох, тебя убьют. Или убьют ни за что, как Аймо. Или заразят сифилисом, как Ринальди. Но рано или поздно тебя убьют. В этом можешь быть уверен. Сиди и жди, и тебя убьют»⁸. В 1954 году Эрнест Хемингуэй получил Нобелевскую премию по литературе.

Изображение Второй мировой войны лауреатами Нобелевской премии по литературе

Тема войны раскрывается во многих произведениях немецкого писателя, лауреата Нобелевской премии по литературе (1972) Генриха Белля. Он был непосредственным участником Второй мировой войны. Г. Белль испытывал чувство вины и стыда за то, что — не по своей воле — участвовал в войне, в том числе с 1943 года на Восточном фронте. Он этого никогда не скрывал, в своих произведениях и в личных беседах откровенно

говорил об этом. Г. Белль никогда не пытался оправдаться, снять с себя тяжкое бремя вины и всегда разделял ответственность за преступления гитлеровского рейха, хотя от всей души ненавидел и Гитлера и его рейх.

«Войну, — вспоминал Г. Белль, — я прошел пехотинцем на различных полях военных действий между Кап Грине и дорогой на Керчь, был четыре раза ранен. Тем не менее война явилась мне как чудовищная машинерия скуки, которую нацисты делали еще скучнее, чем она есть от природы: кровавая, бесконечная скука, которая не прерывалась ничем, кроме писем от моей жены и родителей и ранениями, которые я приветствовал, потому что они как-никак означали отпуск»⁹.

Человек не имеет права прятаться от ответственности, заклоняться словом «приказ». Он обязан противостоять преступному режиму. Тема непричастности к насилию, стремление сохранить свою индивидуальность и «невинность души» — одна из главных в творчестве Г. Белля. Писатель делал всё возможное, чтобы развенчать войну. Его герои — те самые «понурые», «удрученные» люди, которых погнали на бойню. В рассказе «Генерал стоял на холме...» он пишет: «Нет более зоркого и неподкупного наблюдателя, нежели грязный фронтовой солдат, который день и ночь сидит в своем окопчике. Война ведь трезвое, хладнокровное предприятие. Недостаток военного материала обычно чем-то восполняется, да хоть бы одной только фанатичной верой в ложную идею. Но когда противник превосходит тебя по силам и численности, то армию кормят пустыми фразами и отвлеченной болтовней, офицеры что-то внушают измученным солдатам, а сами краснеют и смущаются, их самих корбит от этого топорного цинизма и чудовищного вранья. Вот тогда война превращается просто в бойню, в мясорубку, без единого проблеска надежды или радости. Единственное, что объединяет еще этих измученных людей, это их общее страдание. Страдание, смысл и оправдание которого сомнительны, после того как был распят Иисус Христос»¹⁰.

Прозрение, утеря иллюзий, ощущение собственной виновности, попытки связать воедино причины и следствия катастрофы — таково ощущение героя рассказа. Г. Белль считал, что роль литературы — не конформистское одобрение всего, что делает власть, а, напротив, критика этой власти. Любую власть всегда

найдется за что критиковать. За высоконравственную позицию Г. Белля при жизни называли «совестью нации».

Тема войны пронизывает творчество лауреата Нобелевской премии по литературе (1999) немецкого писателя Гюнтера Грасса. Ей посвящен самый известный его роман «Жестяной барабан»¹¹. В этом же ключе написана последняя книга «Луковица памяти». Г. Грасс никогда не скрывал своего прошлого, связанного с нацистским режимом в Германии. Он состоял в детской и юношеской нацистских организациях, был одурманен национал-социалистическим воспитанием и пропагандой. В семнадцать лет его призвали в войска СС. Это произошло в последние месяцы войны. Правду о преступлениях фашизма и их чудовищных масштабах он осмыслил с трудом. В книге «Луковица памяти» Г. Грасс пишет: «Какая сумятица в головах под короткой стрижкой. Только что образ шестнадцатилетнего рядового Имперской службы труда казался совершенно четким, а теперь он начинает расплываться по краям. Не то чтобы этот образ стал мне теперь чужим, однако возникает чувство, будто мое одетое в тогдашнюю форму Я хотело бы спрятаться. Оно готово отказаться даже от собственной тени, лишь бы воспользоваться произвольным толкованием категорий денацификации, чтобы попасть в разряд “незначительно виноватых”»¹².

Похожие ситуации в поведении своих соотечественников после разгрома фашизма отмечает и немецкий писатель Виктор Клемперер¹³.

Особое место среди произведений, посвященных Великой Отечественной войне, занимают книги лауреата Нобелевской премии по литературе 2015 года Светланы Алексиевич. В своей нобелевской лекции 7 декабря 2015 года она говорила о том, что война идет слишком давно — если не на полях боя, то в головах — и что пора с этим заканчивать. Между силой и достоинством неплохо бы выбирать достоинство, но мы выбираем силу. О пагубности такого выбора свидетельствует история Второй мировой войны. В книге «У войны не женское лицо» С. Алексиевич приводит рассказ санинструктора Марии Петровны Смирновой (Кухарской), которая была награждена высшим знаком Международного Красного Креста — золотой медалью «Флоренс Найтингейл». Вот один из эпизодов ее подвига: «Двадцать пятого

декабря сорок второго года наша триста тридцать третья дивизия пятьдесят шестой армии заняла высоту на подступах к Сталинграду. Немцы решили ее во что бы то ни стало вернуть. Завязался бой. На нас пошли немецкие танки, но их остановила артиллерия. Немцы откатились назад, на ничейной земле остался раненый лейтенант, артиллерист Костя Худов. Санитаров, которые пытались вынести его, убило. Поползли две овчарки-санитарки (я их там увидела впервые), но их тоже убило. И тогда я, сняв ушанку, встала во весь рост, сначала тихо, а потом всё громче запела нашу любимую довоенную песню “Я на подвиг тебя провожала”. Умолкло всё с обеих сторон — и с нашей, и с немецкой. Подошла к Косте, нагнулась, положила на санки-волокуши и повезла к нашим. Иду, а сама думаю: “Только бы не в спину, пусть лучше в голову стреляют”. Но не раздалось ни одного выстрела, пока не дошла до наших...»¹⁴

Всего из-под огня Мария Смирнова вынесла четыреста восемьдесят одного раненого. Кто-то из журналистов подсчитал: целый стрелковый батальон.

Логическим продолжением книги о женщинах на войне стало произведение С. Алексиевич о детях «Последние свидетели».

Выводы

1. Война — это социальное явление, представляющее собой одну из форм разрешения общественно-политических противоречий между государствами, народами, нациями, классами и социальными группами средствами вооруженного насилия.

2. Сегодня, как никогда, актуальны слова П. А. Сорокина: «Уметь понимать войну, чтобы знать, как ее не допустить».

3. Произведения художественной литературы являются важным средством осмысления феномена войны.

4. Интеллигенция имеет к этому процессу самое непосредственное отношение.

5. Поворотным моментом в истории народов Европы была Тридцатилетняя война, события которой запечатлел в своем романе «Симплициссимус» Г. Я. К. Гриммельсгаузен.

6. Наиболее сильно талант Л. Н. Толстого проявился при изображении картин Отечественной войны 1812 года.

7. Свои лучшие произведения Э. М. Ремарк и Э. Хемингуэй посвятили Первой мировой войне.

8. Огромный вклад в осмысление Второй мировой войны внесли писатели — лауреаты Нобелевской премии: Г. Белль, Г. Грасс и С. Алексиевич.

9. Всех названных авторов объединяет стремление помочь человечеству извлечь уроки и предотвратить последующие войны.

Примечания

- ¹ Цит. по: *Кротов П. П.* От войны к миру: у истоков теории созидательного альтруизма Питирима Сорокина. Сыктывкар; Вологда, 2011. С. 19.
- ² *Гриммельсгаузен Г. Я. К.* Симплициссимус. М., 1976. С. 163—164.
- ³ *Толстой Л. Н.* Война и мир : том третий // Собр. соч. М., 1962. Т. 6. С. 297.
- ⁴ Там же. С. 239—240.
- ⁵ *Шатобриан Ф.-Р. де.* Замогильные записки. М., 1995. С. 259.
- ⁶ *Ремарк Э. М.* На западном фронте без перемен. Тула, 1988. С. 173.
- ⁷ *Хемингуэй Э.* Рассказы ; Прощай, оружие! ; Пятая колонна ; Старик и море. М., 1972. С. 273.
- ⁸ Там же. С. 514.
- ⁹ Цит. по: *Млечина И.* Совесть нации // Новая газета. 2017. № 140. С. 22.
- ¹⁰ *Белль Г.* Генерал стоял на холме... // Иностранная литература. 2017. № 12. С. 176—177.
- ¹¹ *Грасс Г.* Жестяной барабан // Иностранная литература. 1995. № 11.
- ¹² *Грасс Г.* Луковица памяти : главы из книги // Иностранная литература. 2008. № 3. С. 55.
- ¹³ См.: *Клемперер В.* И вот я сижу между всеми стульями // Иностранная литература. 2017. № 9.
- ¹⁴ *Алексиевич С. А.* У войны не женское лицо... : документальная проза. М., 1988. С. 59.

References

1. *Aleksievich S. A.* U voyny ne zhenskoe litso... : dokumentalnaya proza. M., 1988.
2. *Bell G.* General stoyal na kholme... // Inostrannaya literatura. 2017. № 12.
3. *Grass G.* Lukovitsa pamyati : glavy iz knigi // Inostrannaya literatura. 2008. № 3.

4. *Grass G. Zhestyanyoy baraban // Inostrannaya literatura. 1995. № 11.*
5. *Grimmelsgauzen G. Ya. K. Simplitissimus. M., 1976.*
6. *Kheminguey E. Rasskazy ; Proshchay, oruzhie! ; Pyataya colonna ; Starik i more. M., 1972.*
7. *Klemperer V. I vot ya sizhu mezhdu vsemi stulyami // Inostrannaya literatura. 2017. № 9.*
8. *Krotov P. P. Ot voyny k miru : u istokov teorii sozidatel'nogo altruizma Pitirima Sorokina. Syktyvkar ; Vologda, 2011.*
9. *Mlechina I. Sovest natsii // Novaya gazeta. 2017. № 140.*
10. *Remark E. M. Na zapadnom fronte bez peremen. Tula, 1988.*
11. *Shatobrian F.-R. de. Zamogilnye zapiski. M., 1995.*
12. *Tolstoy L. N. Voyna i mir : tom tretiy // Tolstoy L. N. Sobr. soch. M., 1962. T. 6.*

ББК 66.4(7Coe)

С. В. Кислицын

МОДЕЛЬ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ АМЕРИКАНСКОГО НЕОКОНСЕРВАТИЗМА

Введение

Неоконсерватизм традиционно остается одним из наиболее популярных идеологических течений внутри Республиканской партии США. Его влияние наиболее отчетливо может быть прослежено в деятельности администраций Рональда Рейгана (1981—1989) и Джорджа Буша-младшего (2001—2009). В сфере внешней политики и политики безопасности неоконсерваторы традиционно стоят на позиции так называемой «твердой линии». На завершающем этапе «холодной войны» они выступали за продолжение гонки вооружений и крайне скептически относились к политике Перестройки в СССР, считая ее тактическим маневром.

© Кислицын С. В., 2018

Кислицын Сергей Владимирович — научный сотрудник Центра североамериканских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН. skislitsyn@imemo.ru

После распада Советского Союза неоконсерваторы отстаивали идею американской глобальной гегемонии и необходимости для Соединенных Штатов роли «мирового полицейского». После терактов 11 сентября 2001 г. они были одними из наиболее активных сторонников проведения военных операций в Афганистане и Ираке, которые представлялись не только как элемент борьбы с терроризмом, но и как начало амбициозного проекта по демократизации Ближнего Востока путем силы. Несмотря на происходящие глобальные перемены и тот шквал критики, который обрушился на «неоконов» как на архитекторов внешнеполитического курса администрации Буша-младшего, представители этого течения сохраняют веру в идею «Американского века».

В своих внешнеполитических подходах неоконсерватизм представляет идеологию интегративного типа, совмещающую основы политического реализма и либерализма. Исходя из этих двух парадигм им было выработано свое видение международных отношений, проблем глобальной безопасности, применения военной силы и т. д. Базовые принципы неоконсерватизма не подвергаются ревизии со стороны его носителей. Идея американского глобального лидерства, выдвинутая ими в начале 1990-х гг., спустя четверть века обосновывается практически с тех же самых позиций.

Цель и задачи исследования

Неоконсерватизму посвящено большое количество российской и зарубежной научной литературы. В то же время задача построения модели его внешнеполитической идеологии в отечественной науке не ставилась. Любые события, происходящие в мире, неоконсерватизм трактует согласно установкам и подходам, сформировавшимся в сознании его идеологов и сторонников. И если эта идеология статична, то прикладная стратегия, предлагаемая непосредственно на ее основе, будет отталкиваться от уже накопленного политико-психологического опыта. В процессе своего развития идеология принимает парадигмальные, теоретические черты и становится своего рода матрицей для распределения информации, получаемой в ходе последующего социально-политического опыта и выработки практических подходов.

Если научные теории по мере поступления новых эмпирических данных подвергаются пересмотру, то идеология стремится к подстраиванию реальности в согласии со своими базовыми принципами. В то же время ее эвристическая модель может быть выстроена через классические уровни анализа теории международных отношений: определение сути международных отношений и их субъектов в тех идейных формах, которые интегрированы в данную идеологию, определение причин конфликтов, возможностей взаимодействия с другими субъектами и путей достижения желаемых долгосрочных и сверхдолгосрочных целей.

Исследование, описанное в данной статье, проведено в рамках историко-системного метода, подразумевающего решение нескольких главных задач: изучение элементов, составляющих данную идеологию, анализ характера отношений между ними, изучение взаимодействия построенной модели с внешней средой. Для реализации поставленной цели глава разделена на две части: первая посвящена самому внешнеполитическому мышлению неоконсерватизма, вторая отображает восприятие им реальных политических событий. Это позволяет создать модель внешнеполитического мышления американского неоконсерватизма и проверить ее работоспособность, а также вероятность эволюции данной идеологии.

I. Модель внешнеполитической идеологии американского неоконсерватизма

1. Неоконсерватизм и реализм: природа международных отношений и национальные интересы

С точки зрения неоконсерватизма ключевыми участниками мировой политики являются национальные государства, борьба между которыми выполняет роль двигателя истории¹. Подобно реалистам, «неоконсерваты» полагают, что человечество существует «в анархическом мире Гоббса», где международное право не является надежным и достижение интересов государства возможно преимущественно за счет его военной мощи². Соответственно, наиболее стабильной «валютой» в международных отношениях является сила — это было актуально как во времена Римской империи, так и на современном этапе. Не может существовать

стабильного порядка без лидера, способного и готового к его защите. Несмотря на возможные злоупотребления, военная сила, по мнению неоконсерваторов, остается универсальным инструментом в решении вопросов — «даже тех, на которые она не может ответить»³.

Неоконсерваторы полагают, что однополярность является наиболее стабильной системой мироустройства. Не баланс сил или принципы коллективной безопасности, а наличие глобального гегемона могут сделать мир безопаснее. Исходя из идеи об универсальности американских общественно-политических принципов, сторонники течения полагают, что роль такого лидера должны выполнять Соединенные Штаты. В свою очередь слабые демократические государства должны тяготеть к союзу с США, а не пытаться создать некий противовес⁴. Однако стоит отметить, что этот принцип не распространяется на автократии.

Многополярность представляется неоконсерваторам крайне конфликтной и нестабильной системой. Стремящиеся к ней страны, такие как Россия или Китай, не готовы брать на себя ответственность за поддержание безопасности, и у них нет возможности для равноправного партнерства с Соединенными Штатами. Ввиду этого, еще в середине 1990-х гг. неоконсерваторы выдвигали идею о «благосклонной гегемонии» США. Они предостерегали: если «однополярный момент» будет упущен, мир вновь вернется к тому состоянию, в котором он находился перед началом Первой мировой войны⁵. Таким образом, национальный интерес США — сохранение глобальной гегемонии столь долго, сколько это возможно.

С точки зрения неоконсерватизма «национальные интересы» не могут быть отделены от внутривнутриполитических задач государства. Его сторонниками отрицается идея реалистов о том, что национальные интересы должны быть деидеологизированы и основаны на принятии рациональных решений с целью сохранения безопасности и суверенитета. Наоборот, он не ограничивается прагматичной задачей самосохранения. Одна из его важнейших миссий — достижение долгосрочной внешнеполитической и идеологической цели. Более того, коллективное осознание «национальных интересов» — одно из ключевых условий выживания общества, способствующее объединению его членов.

Неоконсерваторы полагают, что социальный порядок, основанный на эгоистических принципах, не жизнеспособен. Чем сильнее личностная ориентация внутри общества, тем менее оно приспособлено к выживанию. Неготовность к выработке коллективных целей лишает его живучести и препятствует защите от внешних угроз. Эгоизм опасен тем, что он приводит к эрозии общественных интересов, стиранию принципов общественной нравственности и приверженности к общим ценностям. Это подрывает возможность коллективной защиты и порождает внешнеполитическое безразличие. Однако наличие понятных внешнеполитических целей способно оказывать оздоровительный эффект⁶ и содействовать развитию социума.

В то же время неоконсерваторы также отмечают, что общество неспособно осознать свои цели самостоятельно. Ему необходим некий стандартный моральный кодекс, который легко понять, соблюсти и передать последующим поколениям. Поскольку общество не может сказать, что ему на самом деле нужно, образованная политическая элита должна указать верное направление. Она же, в свою очередь, должна основываться на строгих моральных суждениях о добре и зле⁷. Это открывает еще одну характерную деталь неоконсерватизма — условное деление мира на «черное и белое», преобладание бинарных подходов. Например, отмечая недостатки коммунизма, для них более характерен ответ не о низкой эффективности этой системы, а о том, что это «тирания и зло по сути»⁸.

Важными аспектами для формирования и поддержки национальных интересов неоконсерватизм также признает наличие в обществе патриотизма и национализма. Тем более, что для американской культуры эти чувства особенные и уникальные. Неоконсерваторы отмечают, что американский национализм никогда не был таким же, как «кровно-территориальный» национализм Европы, для них характерно признание «исключительности государства, основанного на универсальных принципах... расширении рубежей, принятии иммигрантов и продвижении свободы по всему миру...»⁹.

С точки зрения неоконсерватизма, американские национальные интересы — это видение будущего миропорядка в соответствии с этими ценностями и принципами. Соответственно,

следуя такой логике, продвижение демократии как часть «мускулистого патриотизма», основанного на «свободе и величии», выглядит для неоконсерваторов обоснованным. Странники течения всегда поддерживали тезис президента Рональда Рейгана «мир путем силы» и его отказ от «ограничений американского могущества, навязывавшихся внутривнутриполитическими реалиями»¹⁰. Главная угроза, с которой могут столкнуться Соединенные Штаты, исходит не от международного терроризма или стран, оспаривающих американское господство. Ее суть состоит в скупости и безразличии, которые однажды могут привести к коллапсу демократического мира. В этой связи выстраивается и понимание взаимосвязи общественных и национальных интересов как одного целого: спасая мир от тирании, США спасают себя от социального разложения¹¹.

2. Неоконсерватизм и либерализм: проблема демократического мира

Зачастую неоконсервативные подходы к вопросам внешней политики воспринимаются как некая экстремальная версия либеральной парадигмы «на стероидах»¹², следующая идеям распространения демократии и американского влияния силовым путем. Подобные подходы представляются несколько поверхностными, тем более ввиду специфического отношения неоконсерватизма к либеральным идеям.

В основе либеральной внешнеполитической парадигмы можно выделить несколько базовых принципов: 1) демократии являются основой мира; 2) свободная торговля и социально-экономический обмен укрепляют международное сотрудничество и способствуют подрыву тираний и олигополий; 3) международное право и наднациональные организации должны содействовать укреплению мира; 4) стабильный мир должен основываться на принципах коллективной безопасности; 5) подобные прогрессивные явления возможны, потому что мир движется по пути поступательного развития; 6) американские ценности и принципы универсальны, поскольку основаны на идеях естественного права. Следовательно, США находятся в авангарде прогресса и должны способствовать приведению остального мира к этим базовым идеалам.

Схожесть идей неоконсерватизма и вильсонизма может быть ограничена лишь несколькими пунктами — увязыванием внешней политики государства с характером правящего режима, важностью распространения демократии как американского национального интереса и идеи американского морального лидерства.

Как и представители либеральной парадигмы, неоконсерваторы полагают, что распространение демократии служит укреплению международной безопасности, а внешнеполитический курс государства зависит от его внутренней формы правления. Автократии, по их мнению, видят мир в стиле XIX века, с позиций сфер влияния и геополитики. Если демократии стремятся к мирному развитию и интеграции, то автократии отстаивают принцип суверенной неприкосновенности, апеллируя при этом к международному праву¹³. Но они не стремятся к его соблюдению, а пользуются им как прикрытием для реализации собственных интересов. Это еще раз убеждает неоконсерваторов в их скептицизме по отношению к идее правового регулирования международных конфликтов. Одним из любимых примеров здесь служит Россия. Ее стремление к созданию полицентричного мира трактуется как попытка пересмотра порядка, сложившегося после «холодной войны», и получения собственных сфер влияния. Наибольшим вызовом является то, что Россия, будучи относительно слабой в политическом и экономическом аспектах, готова к использованию военной силы. В свою очередь отказавшаяся от идеи «жесткой силы» Европа не может противостоять агрессивному соседу, играющему по правилам XIX века¹⁴.

Неоконсерваторы в целом поддерживают тезис о том, что демократия способствует укреплению мира, однако в вопросах ее продвижения они расходятся с представителями либеральной парадигмы. С их точки зрения, демократии имеют определенные недостатки, угрожающие собственной безопасности. В частности, пацифизм отнюдь не приносит пользы. Выбирая «масло вместо пушек», они провоцируют диктатуры на различные, в том числе и военные, авантюры. Миролюбие не допустимо в анархичном мире, а отсутствие непосредственной угрозы позволяет сосредоточиться на собственном комфорте, вследствие чего происходит потеря национальных интересов¹⁵. Примером чрезмерной замкнутости на внутренних проблемах при отсутствии сторонних угроз

для неоконсерваторов является Европа. Во время «холодной войны» она не была способна устоять перед лицом коммунистической угрозы, ввиду чего оказалась под защитой Соединенных Штатов. Это, в свою очередь, привело к тому, что американская поддержка стала восприниматься как норма. Забыв про обеспечение своей безопасности, европейцы сосредоточились на внутреннем благополучии.

Автократии же действуют решительнее, поскольку «терять им и так нечего», следовательно, именно они формируют международную повестку. Жесткий внутривластный контроль позволяет проводить агрессивную внешнюю политику, которая, в свою очередь, оправдывает внутреннее положение. В этом заключаются их преимущества перед демократиями, у которых «моральные» факторы преобладают над материальными¹⁶.

Важной составляющей либеральной парадигмы является идея о положительном влиянии торговых связей на международную безопасность, что также отрицается неоконсерватизмом. Сторонники течения отмечают, что, сотрудничая с автократиями, бизнес только способствует их укреплению. Так, еще во время «холодной войны» Н. Подгорец упрекал американских предпринимателей за «большую любовь к торговле, нежели отвращение к коммунизму»¹⁷. У. Кристал и Р. Кейган полагают, что США не стоит действовать в стиле Арманда Хаммера¹⁸, имея дело «с каждым государством, вне зависимости от его режима»¹⁹. Свободная торговля, обогащая диктатуры и предоставляя им рычаги влияния, не способствует их демократизации. Наглядным примером здесь выступает Китай. Не желая встраиваться в так называемый «либеральный миропорядок», он конкурирует с Соединенными Штатами в политической и экономической сферах, стремясь к усилению своего влияния в Азии и мире²⁰.

Говоря об идеологически враждебных отношениях между демократиями и автократиями, неоконсерваторы полагают, что в XXI веке должна произойти новая битва идеологий. Как в прошлом столетии демократический мир во главе с США победил коммунизм, так теперь перед ним стоит новый вызов в лице диктатур и «воинственного исламизма» как третьей стороны конфликта. Стоит отметить, что борьбу с последним один из вдохновителей неоконсерватизма Норман Подгорец охарактеризовал

как «Четвертую мировую войну». Такое обозначение исходит из логики, что итоги Второй мировой ознаменовали победу над фашизмом, а «Третьей мировой» была «холодная война», закончившаяся поражением коммунизма. Борьба же в рамках «Четвертой мировой» есть не что иное, как борьба за распространение демократии.

3. Наднациональные институты и международные организации

Для неоконсерватизма характерно скептическое отношение к международным организациям и международному праву. Эффективность этих институтов иллюзорна, а демократии, оставшиеся без либерального защитника-гегемона, не могут безопасно существовать в анархичном мире, где правила и законы ненадежны²¹. Одним из излюбленных объектов критики неоконсерваторов выступает Организация Объединенных Наций. По их мнению, ООН, переживающая «кризис легитимности»²², доказала собственную недееспособность. Будучи «монументом американского идеализма», она была создана для поддержания мира, но не смогла контролировать своих же участников. Например — воспрепятствовать началу «холодной войны». Кроме того, ООН является внешнеполитическим инструментом для отдельных стран-участниц, использующих миротворческие миссии в собственных интересах²³.

Неоконсерваторы своеобразно подходят к вопросу легитимности Организации Объединенных Наций. С точки зрения Джона Болтона, проблема заключается в принципе «одно государство — один голос»²⁴ и в праве вето у постоянных членов Совета Безопасности (СБ), поскольку не все из них являются демократиями. Реформа СБ или увеличение количества его постоянных членов также видится в негативном ключе, поскольку это может «ослабить промышленно развитые демократии»²⁵. Не менее негативные оценки получает и Комиссия по правам человека. Являясь убежищем для «вопиющих нарушителей этих же прав» — Кубы, Ливии, Ирана и других, она позволяет им же выступать с докладами об ущемлении граждан в США и Израиле²⁶.

Еще одна острая проблема — распределение взносов между странами, входящими в ООН. Так, доля США в бюджете Организации за 2016 г. составила 22 % от всей суммы — наибольший

взнос среди прочих членов²⁷. Однако это не дает Америке никакого преимущества. Получается, что США платят значительно больше, чем кто-либо — для того чтобы их инициативы были заблокированы теми, кто вносит совершенно «тривиальные» суммы. В связи с этим у неоконсерваторов возникает вопрос: «Если было бы принято решение, что доля США в бюджете ООН должна составлять 99 %, а не 25 %, стал бы кто-либо серьезно утверждать, что мы поступим незаконно, предпочтя идти в одиночку?». Ввиду этого, для критиков Соединенных Штатов, желавших обвинить Америку в использовании финансовых рычагов на уровне, не доступном другим членам ООН, у неоконсерваторов есть один ответ: «Добро пожаловать в реальность»²⁸.

Впрочем, как полагает Болтон, некоторые подразделения ООН в своей работе всё же показывают эффективность. Всемирная продовольственная программа, Международная морская организация и Всемирный почтовый Союз выполняют свои функции без спорных политических вмешательств и серьезных нареканий²⁹. Таким образом, негативное отношение к ООН со стороны неоконсерватизма вызвано тем, что согласно устройству этой организации Соединенные Штаты не могут действовать в ее рамках единолично, а существующие консультативные органы и Совет Безопасности создают препятствия для продвижения собственной повестки.

Исходя из рассмотренных аспектов можно выделить следующие базовые тезисы, характерные для внешнеполитических подходов американского неоконсерватизма:

во-первых, по своей природе международные отношения анархичны, а решающим фактором межгосударственной политики остается военная сила, что доказывается историческим опытом;

во-вторых, международное право не может быть эффективным в рамках такой системы. Бесполезны и международные организации, поскольку они не могут быть действенным инструментом внешней политики и регулирования международных отношений;

в-третьих, внутренняя форма правления определяет внешнюю политику государства. Если демократии и могут составлять основу мирного развития, то автократии, ввиду относительной свободы в принятии решений, являются сильным дестабилизирующим фактором;

в-четвертых, помимо формы правления, важна взаимозависимость общественных и национальных интересов. Здоровое общество должно иметь и понимать свои внешнеполитические цели, что будет предостерегать его от внутреннего разложения. Этому же способствует наличие внешнего вызова;

в-пятых, Соединенные Штаты, будучи страной с «универсальными ценностями», основанными на принципах естественного права, имеющие наиболее мощные рычаги влияния и современные вооруженные силы, должны возглавить демократический мир в его борьбе за выживание.

Применение этих базисных тезисов происходит на фоне превалирования бинарных подходов, соответствующих восприятию субъектов мировой политики по принципу «демократии — автократии», а следовательно, и по логике «свой — чужой». В таком случае двусторонние отношения между разными типами государств являются игрой с нулевой суммой. Взаимовыгодными и долгосрочными они могут быть, если обе стороны являются демократиями.

При этом «универсальные ценности» либеральной демократии и их распространение выполняют вполне прагматичную задачу по идеологической и политической унификации, а следовательно, предполагаемому повышению международной безопасности при непосредственном американском руководстве и лидерстве. Неоконсерваторы, как правило, не ассоциируют правящий режим с местным населением и существующей культурой. Общество представляется готовым к собственной перестройке в случае передачи ему простых и доступных, лучших ценностей.

II. Практическое отображение неоконсервативной идеологии

Приведенная выше модель внешнеполитической идеологии неоконсерватизма сформировалась на рубеже XX—XXI вв., и с тех пор какие-либо изменения в ней не прослеживаются. Несмотря на перемены, которые затронули Соединенные Штаты и весь остальной мир в начале нового столетия, неоконсерватизм наглядно демонстрирует, что идеология, сталкиваясь с внешними вызовами, противоречащими ее установкам, стремится не к их пересмотру, а к подстраиванию к ним существующей реальности.

Для отображения неоконсервативной модели в практике и определения степени ее подвижности (способности к отклонению от базовых установок) следует проанализировать реакцию сторонников течения на некоторые международные кризисы постбиполярного периода.

Конфликты, происходившие после «холодной войны», с точки зрения неоконсервативной идеологии, были спровоцированы действиями диктатур и автократий. В таком свете выделялись кризисы, сопровождавшие распад Югославии (1991—2001), проблемы Ближнего Востока, трудности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Помимо опасности со стороны диктатур, было важно еще раз показать союзникам, и в первую очередь Европе, что Америка по-прежнему будет играть центральную роль и стремиться к расширению своего влияния.

1. Распад Югославии

Кризисы, происходившие на территории бывшей Югославии в 1990-е гг., во многом подходили для апробации американского лидерства. Вне зависимости от трудной межэтнической обстановки и тяжелых дезинтеграционных процессов внутри страны, неоконсерваторы ключевой проблемой видели деятельность югославского президента Слободана Милошевича. Для них он являлся диктатором, проводившим зверские этнические чистки. Впрочем, это во многом совпадало и с официальной позицией Вашингтона. То, каким образом мог бы быть разрешен конфликт на Балканах, должно было определить будущее НАТО и то, какую роль будут играть США в новой европейской системе безопасности³⁰. Всё представлялось достаточно просто — решение югославской проблемы силами Альянса обозначило бы необходимость его дальнейшего существования и развития. В этой связи неоконсерваторы приветствовали военные операции НАТО в Боснии и Герцеговине в 1995 г. и бомбардировки Югославии в 1999 г. Поскольку во всех случаях эти действия были инициированы американской стороной, при более осторожных подходах европейских партнеров, неоконсерваторами были сделаны выводы о том, что Европа является нерешительным союзником, не готовым к обеспечению и собственной безопасности. Впрочем, для неоконсерваторов военные операции не были полноценным

решением. Нормализовать обстановку могло только свержение «диктатора». Не существовало гарантий, что Милошевич не создал бы новых кризисов на Балканах, например в Черногории. Сотрудничество с ним, в виде подписания Дейтонских соглашений, создавало ситуацию, когда фактический диктатор превращался в ключевого миротворца³¹. Не могло быть уверенности и в том, что его приемник как-то изменит прежний курс. Следовательно, единственным выходом оставалась смена власти и избрание нового демократического правительства, вместе с новым определением юридического статуса бывших югославских республик³².

2. Демократизация Ближнего Востока

Параллельно с Югославским кризисом трудная ситуация складывалась и в Ираке. Режим Саддама Хусейна был обвинен в использовании и хранении оружия массового уничтожения, что повлекло за собой санкции ООН. Попытки установления международного контроля над процессом разоружения постоянно сталкивались с препятствиями со стороны правительства Хусейна. Это создавало конфликтные ситуации, вплоть до нанесения авиаударов силами НАТО.

С течением времени позиции неоконсерваторов приобретали всё более радикальные оттенки. Отмечая, что война в Персидском заливе 1991 г. не была доведена до конца (Хусейн остался у власти), они считали, что иракская проблема остается «крупнейшей со времен “холодной войны” угрозой», и безопасность первой половины XXI в. во многом зависела от ее решения³³. Сторонники течения весьма скептически относились к перспективам мирного разоружения Ирака и высказывались в пользу проведения полномасштабной военной операции. Отсутствие реального силового воздействия заставляло лишь надеяться, что «Саддам Хусейн не успеет кого-нибудь поднять на воздух»³⁴.

Но одним Ираком дело не заканчивалось. Неоконсерваторы верили, что смена режима в этой стране могла стать отправной точкой для демократизации всего ближневосточного региона, находящегося под гнетом и других диктатур. Эта идея стала наиболее амбициозным неоконсервативным проектом. Казалось, что необходим лишь повод. В сентябре 2000 г., ровно за год до терактов 11 сентября, в своем документе «Перестройка американской

обороны» неоконсервативная лоббистская организация «Проект нового американского века» отмечала, что для превращения США в глобального гегемона необходимо некое «катастрофическое и стимулирующее событие — наподобие нового Перл Харбора». Подобное событие определило бы не только внешнюю политику, но и внутреннее развитие Соединенных Штатов³⁵.

События 11 сентября 2001 г., разумеется, изменили привычную жизнь Соединенных Штатов. Они способствовали и трансформации внешней политики. Администрация Джорджа Буша-младшего, изначально выступавшая против агрессивного внешнеполитического курса, взяла на вооружение многие идеи, подготовленные неоконсервативными идеологами. Этому способствовало и большое количество ястребов в Белом доме, в Государственном департаменте и Министерстве обороны. Некоторые из них (Дик Чейни, Дональд Рамсфелд, Пол Вулфовиц, Ричард Перл, Эллиот Абрамс и др.) разделяли взгляды неоконсерваторов и участвовали в деятельности этого течения. Собственно, и сами неоконсерваторы признавали, что администрация сблизилась с ними во внешнеполитических подходах.

Лоббируя свою внешнеполитическую повестку, они выдвинули идею о необходимости борьбы с «исламофашизмом»³⁶ и стремились сопоставить эту борьбу со Второй мировой и «холодной» войнами. Ожидалось, что американское общество мобилизуется и станет относиться к борьбе с терроризмом и, в частности, к ведению войн в Афганистане и Ираке во многом как к вопросу самовыживания. Ввиду этого вполне естественным казалось и ограничение некоторых гражданских свобод, усиление контроля со стороны спецслужб, поскольку «частная жизнь требует общественной защиты»³⁷. Неоконсерваторы верили в то, что американское общество должно поддержать этот курс, вне зависимости от тех трудностей, с которыми оно может столкнуться.

3. Последствия войны в Ираке и неоконсервативная идеология

Известно, что попытка создания стабильной демократии в Ираке и тем более надежды на то, что это станет толчком для перестройки ближневосточных политических институтов, оказались ложными. Однако неоконсервативное сообщество не было

готово и не хотело воспринимать возникавшие трудности как признак утопичности выдвигавшихся идей. Уже в апреле 2003 г. неоконсервативный журнал *The Weekly Standard* провозгласил победу: «Битвы за Афганистан и Ирак были выиграны окончательно и благородно». Со свержением режимов талибов в Афганистане и С. Хусейна в Ираке «около 50 миллионов мусульман, освобожденных от зверских правительств» получили шанс «вести порядочную и нормальную жизнь»³⁸. Воодушевленные, как тогда казалось, быстрой и легкой победой (с момента начала военной операции до взятия Багдада прошел всего 21 день), неоконсерваторы продолжали развивать свои идеи. Например, М. Бут предположил, что США стоит пересмотреть свое отношение к союзникам в регионе, по сути — таким же диктаторам. В частности, это касалось Саудовской Аравии. Бут предлагал оккупировать ее нефтерождения и управлять ими в качестве «доверительного фонда для местных жителей»³⁹.

Развитие иракской военной кампании по негативному сценарию, увеличение военных потерь и общественное недовольство дискредитировали неоконсервативные идеи. Однако это не меняло неоконсервативных подходов. Странники течения заявляли, что единственным верным решением ввиду возникших военных трудностей было наращивание военного присутствия. Неготовность местного населения к насаждаемым политическим переменам трактовалась скорее как следствие многолетнего доминирования режима Саддама Хусейна — в стране оставались многочисленные сторонники партии Баас, на свободе оказались бывшие заключенные. Поэтому нужно было объяснить жителям Ирака важность их собственной инициативы в борьбе с нежелательными элементами и построении демократического общества. В противном случае Ирак снова мог бы оказаться под эмбарго или стать бесполетной зоной⁴⁰. Проблемы же сводились к недостатку военной силы. Р. Кейган отмечал, что Ираку требовались «не более умные планы, а большее количество американских войск» — чтобы любой план мог работать⁴¹.

Неудачная кампания в Ираке не привела к переосмыслению неоконсерваторами своих внешнеполитических подходов. Странники течения нашли объяснение в неправильном военном планировании, нехватке военных средств, или недостаточном

количестве времени для реализации поставленных целей. Ввиду этого идея применения военной силы как основного инструмента в продвижении демократии или борьбы со «странами-изгоями» не потеряла своей силы. Такие последствия войны в Ираке, как, например, появление ИГИЛ, совершенно нормальное явление для неоконсерватизма. У. Кристол отмечал, «когда ты возишься в реальном мире, ты производишь непреднамеренные эффекты и некоторые из них могут быть отрицательными»⁴².

В период, когда ИГИЛ еще находилась в стадии своего становления, неоконсерваторы также предлагали решить проблемы введением дополнительных вооруженных сил в Ирак. По их мнению, это могло бы убедить иракских суннитов не вступать в ее ряды⁴³.

Спустя 15 лет после атак на небоскребы в Нью-Йорке, неоконсерваторы по-прежнему верят в эффективность смены режимов и применения военной силы. Так, они отстаивают идею свержения президента Сирии Башара Асада, проведение военной операции против Ирана — вместо мирного урегулирования его ядерной программы⁴⁴. Какие-либо переговоры и подписание «ядерной сделки» представляется полной сдачей американских позиций в регионе⁴⁵.

4. Современные вызовы

Современные проблемы Ближнего Востока неоконсерваторы склонны отождествлять с последствиями внешнеполитического курса администрации Барака Обамы и недостаточным вовлечением американских сил. Сторонники течения отмечают, что его подходы основывались на тех самых, неприемлемых для них принципах: вере в баланс сил, «абстрактную международную систему» с местом для каждого государства и учетом его национальных интересов. Но, с точки зрения неоконсерваторов, это не может соответствовать действительности: «какой бы порядок ни существовал, он принадлежит той силе, которая его навязывает»⁴⁶. Такой силой, отмечают неоконсерваторы, стремится стать Россия, которая в отличие от администрации Обамы следует своим национальным интересам, не боясь использовать и военные ресурсы, что подтверждают события на Украине (с 2014 г.), в Сирии (с 2015 г.), конфликт с Грузией в 2008 г.

В глазах неоконсервативного сообщества Россия имеет образ ревизионистской державы, стремящейся к ослаблению американского лидерства и перестройке сложившейся системы безопасности. Однако здесь, понимая бесперспективность силовых подходов, неоконсерваторы следуют в общем с другими ястребами русле. Эффективной мерой представляется расширение и усиление НАТО путем включения в его состав Грузии и Украины, увеличение военного присутствия в Восточной Европе. Более того, как отмечают «неоконы», если бы это было сделано заранее, то таких конфликтов, как кризис на Украине или война в Абхазии и Южной Осетии, удалось бы избежать⁴⁷.

В случае с Китаем неоконсерваторы предполагают использование мягкой силы, пропаганды против коммунистического режима. Расширение свобод для китайского народа, полагают они, должно создать предпосылки для выстраивания благоприятных отношений с Соединенными Штатами⁴⁸. Впрочем, подобные идеи уже высказывались неоконсерваторами. Джошуа Муравчик выражал надежду, что каждая страна, становившаяся демократией, демонстрировала дружественное отношение к Соединенным Штатам. Так, перед самым распадом СССР он полагал, что «Советский Союз мог бы добавить почти неоспоримый вес для демократического лагеря. Как партнеры, нежели противники, Америка и Советский Союз, поддерживаемые демократическими Европой и Японией, могли бы установить новый мировой порядок, в котором гораздо реже нарушались бы мир и права человека»⁴⁹.

Таким образом, неоконсерваторы сохраняют веру в то, что население каких бы то ни было стран, в своей массе, готово к импорту американских демократических институтов, и что более характерно — шефству со стороны Соединенных Штатов. Основным же препятствием представляются автократии и находящиеся у власти диктаторские правительства, идеологически не принимающие демократические идеи. При их свержении и замене на проамериканские силы, местное население представляется готовым к собственной перестройке.

***

С течением времени неоконсервативная идеология всё менее адекватно воспринимает происходящие в мире процессы. Ее сторонники в условиях меняющегося мира по-прежнему требуют американского глобального лидерства. На данный момент их влияние на формирование республиканской внешнеполитической повестки меньше, нежели оно было во времена администрации Джорджа Буша-младшего. Так, «старая добрая партия» официально отказалась от идеи смены политических режимов силовым путем. В то же время идеи политического реализма, другого подхода, характерного для республиканцев, также не имеют какого-либо весомого преимущества. Не происходит и формирования иных, альтернативных парадигм или концепций.

Несмотря на то что некоторые представители неоконсерватизма присутствуют в администрации Дональда Трампа (например, советник президента по национальной безопасности Джон Болтон), основные идеологи политического течения находятся во внутрипартийной оппозиции к президенту. Противоречия затрагивают широкий спектр вопросов. В то же время неоконсерваторы полностью поддерживают любые проявления военной силы в политике нынешней администрации, будь то введение санкций против России, Ирана и КНДР, ракетные удары по Сирии в 2017 и 2018 гг. или использование сверхмощных неядерных зарядов в Афганистане.

Важно отметить, что неоконсерваторы по-прежнему сохраняют своих сторонников в Конгрессе США, среди них такие видные республиканские политики, как Марко Рубио, частично — Тед Круз и др.

Говоря о перспективах неоконсервативного влияния на американскую внешнюю политику, нельзя исключать исторический опыт. Наличие серьезного внешнеполитического вызова или кризиса национальной безопасности может вновь привлечь внимание американского политического истеблишмента к идеям этого течения. Оно по-прежнему имеет значительное количество своих адептов, совмещающих идеи идеализма с жестким внешнеполитическим курсом и верой в необходимость для Соединенных Штатов роли мирового полицейского.

Примечания

- ¹ *Kagan R.* The Return of History and the End of Dreams. N. Y., 2008. P. 3, 64.
- ² *Kagan R.* On power and weakness // Hoover Institution Policy Review. 2002. June and July. URL: <https://www.weeklystandard.com/william-kristol/september-11-2001-april-9-2003> (дата обращения: 03.02.2018).
- ³ *Kagan R.* Why America must lead // The Catalyst. 2016. № 1. Winter. URL: www.bushcenter.org/catalyst/leadership/why-america-must-lead (дата обращения: 22.01.2018).
- ⁴ *Schmidt B., Williams M.* The Bush doctrine and the Iraq war: neoconservatives versus realists // Security Studies. 2008. Vol. 17, № 2. P. 191—220.
- ⁵ *Krauthammer Ch.* The unipolar moment // Foreign Affairs. 1990—91. Vol. 70, № 1 : America and the World. P. 24.
- ⁶ *Williams M. C.* What is the national interest? The neoconservative challenge in IR theory // European Journal of International Relations. 2005. Vol. 11, № 3. P. 321.
- ⁷ *Павлов А. В.* Прагматичные наследники политической философии Лео Штрауса // История философии. М., 2008. Вып. 13. С. 98—109.
- ⁸ *Mann J.* Rise of the Vulcans: the History of Bush's War Cabinet. N. Y., 2004. P. 27.
- ⁹ *Kagan R., Kristol W.* Present Dangers: Crisis and Opportunity in America's Foreign and Defense Policy. San Francisco, 2000.
- ¹⁰ *Krauthammer Ch.* Op. cit.
- ¹¹ *Kristol W., Kagan R.* Toward a neo-Reaganite foreign policy // Foreign Affairs. 1996. July—August. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1996-07-01/toward-neo-reaganite-foreign-policy> (дата обращения: 03.02.2018).
- ¹² *Ikenberry G. J., Knock T. J., Slaughter A., Smith T.* The Crisis of American Foreign Policy: Wilsonianism in Twenty-First Century. New Jersey, 2009. P. 31.
- ¹³ *Kagan R.* The Return of History... P. 61—65.
- ¹⁴ *Boot M.* How a monstrous Putin beat the U. S. in Syria // The Los Angeles Times. 2016. March 15. URL: <http://www.latimes.com/opinion/op-ed/la-oe-boot-putin-removes-troops-from-syria-20160316-story.html> (дата обращения: 20.01.2018).
- ¹⁵ *Kagan D., Kagan F.* While America Sleeps: Self-Delusion, Military Weakness, and the Threat to Peace Today. N. Y., 2001. P. 4.
- ¹⁶ *Muravchik J.* Imperative for American Leadership: a Challenge to Neo-Isolationism. Washington, 1996. P. 56.
- ¹⁷ *Podhoretz N.* Neoconservatism: a eulogy // Commentary. 1996. March. URL: <https://www.commentarymagazine.com/articles/neoconservatism-a-eulogy> (дата обращения: 01.02.2018).

- ¹⁸ Арманд Хаммер — американский предприниматель, сотрудничал с советским правительством. В частности, при его участии был построен Центр международной торговли в Москве в 1980 г.
- ¹⁹ *Kagan R., Kristol W.* Op. cit.
- ²⁰ *Boot M.* Project for a New Chinese Century // *The Weekly Standard*. 2005. Vol. 11, № 4. P. 37.
- ²¹ *Kagan R.* Of Paradise and Power: America and Europe in the New World Order. N. Y., 2004. P. 3.
- ²² *Bolton J. R.* The UN crisis is about more than money // *Los Angeles Times*. 1997. April 13. URL: http://articles.latimes.com/1997-04-13/opinion/op-48352_1_legitimacy-crisis (дата обращения: 05.02.2018).
- ²³ *Muravchik J.* The Future of the United Nations : Understanding the Past to Chart a Way Forward. Washington, 2007. P. 1—5.
- ²⁴ *Bolton J. R.* The UN crisis...
- ²⁵ *Bolton J. R.* Seeking repairs the UN May not need // *Washington Times*. 1997. May 31. URL: <https://www.aei.org/publication/seeking-repairs-the-un-may-not-need> (дата обращения: 28.01.2018).
- ²⁶ *Bolton J. R.* The United Nations at 70 : how to fix a broken organization // *American Enterprise Institute*. 2014. September 9. URL: www.aei.org/publication/the-united-nations-at-70-how-to-fix-a-broken-organization/ (дата обращения: 28.01.2018).
- ²⁷ Assessment of member States' advances to the Working Capital Fund for the biennium 2016—2017 and contributions to the United Nations regular budget for 2016, Secretariat of United Nations. 2015. December 28. URL: www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=ST/ADM/SER.B/932 (дата обращения: 28.01.2018).
- ²⁸ *Bolton J. R.* The UN crisis...
- ²⁹ *Bolton J. R.* The UN doesn't work. Here's a fix // *The Boston Globe*. 2015. October 15. URL: <https://www.aei.org/publication/the-un-doesnt-work-heres-a-fix/> (дата обращения: 05.02.2018).
- ³⁰ *Tell D.* Bosnia: the republican challenge // *The Weekly Standard*. 1995. Vol. 1, № 13. December 11. P. 7.
- ³¹ *Gedmin J.* American weakness in the Balkans // *Present Dangers* / ed. by *R. Kagan, W. Kristol*. San Francisco, 2000. P. 183—186.
- ³² Letter to President Clinton on Milosevic // Project for the New American Century. 1998. September 11. URL: https://web.archive.org/web/20130509071848/http://www.newamericancentury.org/balkans_pdf_04.pdf (дата обращения: 01.02.2018).
- ³³ Letter to President Clinton on Iraq // Project of a New American Century. 1998. URL: <https://web.archive.org/web/20130609161938/http://www.newamericancentury.org/iraqclintonletter.htm> (дата обращения: 10.02.2018).

- ³⁴ *Kagan R.* Saddam wins — again // *The Weekly Standard*. 1999. January 4. URL: <http://www.weeklystandard.com/saddam-wins-again/article/11009> (дата обращения: 10.02.2018).
- ³⁵ *Rebuilding America's defenses* // Project for the New American Century. 2000. P. 51. URL: <http://www.informationclearinghouse.info/pdf/RebuildingAmericasDefenses.pdf> (дата обращения: 01.02.2018).
- ³⁶ *Podhoretz N.* The War against World War IV // *Commentary*. 2005. February 1. URL: <https://www.commentarymagazine.com/articles/the-war-against-world-war-iv/> (дата обращения: 15.02.2018).
- ³⁷ *Brooks D.* The age of conflict // *The Weekly Standard*. 2001. November 5. URL: <http://www.weeklystandard.com/the-age-of-conflict/article/1728> (дата обращения: 15.02.2018).
- ³⁸ *Kristol W.* September 11, 2001 — April 9, 2003 // *The Weekly Standard*. 2003. April 28. URL: <https://www.weeklystandard.com/william-kristol/september-11-2001-april-9-2003> (дата обращения: 03.02.2018).
- ³⁹ *Marshall J. M.* Practice to deceive // *Washington Monthly*. 2003. April. URL: <http://washingtonmonthly.com/features/2003/0304.marshall.html> (дата обращения: 15.02.2018).
- ⁴⁰ *Kristol W.* A very good deal — for Iran // *The Weekly Standard*. 2015. July 14. URL: http://www.weeklystandard.com/blogs/very-good-deal-iran_990662.html. (дата обращения: 07.02.2018).
- ⁴¹ *Kagan R.* Send more troops // *The New Republic*. 2006. November 27. URL: <http://carnegieendowment.org/2006/11/27/send-more-troops-pub-18884> (дата обращения: 16.02.2018).
- ⁴² *Bill Kristol: What's the harm in bombing ISIS and seeing what happens?* // *Mediaite*. 2014. August 26. URL: <http://www.mediaite.com/tv/bill-kristol-whats-the-harm-in-bombing-isis-and-seeing-what-happens/> (дата обращения: 05.02.2018).
- ⁴³ *Kristol W., Kagan R.* Toward a neo-Reaganite foreign policy.
- ⁴⁴ *Boot M.* The Iran threat // *Los Angeles Times*. 2011. December 1. URL: <http://maxboot.net/the-iran-threat/> (дата обращения: 06.02.2018).
- ⁴⁵ *Kristol W.* A very good deal — for Iran.
- ⁴⁶ *Boot M.* How a monstrous Putin...
- ⁴⁷ *Bolton J.* NATO is still the answer // *The Weekly Standard*. 2014. May 5. URL: <http://www.weeklystandard.com/nato-is-still-the-answer/article/787373> (дата обращения: 17.02.2018).
- ⁴⁸ *Blumenthal D., Inboden W.* Toward a free and democratic China // *The Weekly Standard*. 2015. May 18. URL: <http://www.weeklystandard.com/toward-a-free-and-democratic-china/article/941091> (дата обращения: 07.02.2018).
- ⁴⁹ *Muravchik J.* *Exporting Democracy*. Washington, 1992. P. XIII, 7.

References

1. Assessment of member States' advances to the Working Capital Fund for the biennium 2016—2017 and contributions to the United Nations regular budget for 2016, Secretariat of United Nations. 2015. December 28. URL: www.un.org/ga/search/view_doc.asp?symbol=ST/ADM/SER.B/932 (дата обращения: 28.01.2018).
2. Bill Kristol: What's the harm in bombing ISIS and seeing what happens? // Mediaite. 2014. August 26. URL: <http://www.mediaite.com/tv/bill-kristol-whats-the-harm-in-bombing-isis-and-seeing-what-happens/> (дата обращения: 05.02.2018).
3. *Blumenthal D., Inboden W.* Toward a free and democratic China // The Weekly Standard. 2015. May 18. URL: <http://www.weeklystandard.com/toward-a-free-and-democratic-china/article/941091> (дата обращения: 07.02.2018).
4. *Bolton J.* NATO is still the answer // The Weekly Standard. 2014. May 5. URL: <http://www.weeklystandard.com/nato-is-still-the-answer/article/787373> (дата обращения: 17.02.2018).
5. *Bolton J. R.* Seeking repairs the UN May not need // Washington Times. 1997. May 31. URL: <https://www.aei.org/publication/seeking-repairs-the-un-may-not-need> (дата обращения: 28.01.2018).
6. *Bolton J. R.* The UN crisis is about more than money // Los Angeles Times. 1997. April 13. URL: http://articles.latimes.com/1997-04-13/opinion/op-48352_1_legitimacy-crisis (дата обращения: 05.02.2018).
7. *Bolton J. R.* The UN doesn't work. Here's a fix // The Boston Globe. 2015. October 15. URL: <https://www.aei.org/publication/the-un-doesnt-work-heres-a-fix/> (дата обращения: 05.02.2018).
8. *Bolton J. R.* The United Nations at 70: how to fix a broken organization // American Enterprise Institute. 2014. September 9. URL: www.aei.org/publication/the-united-nations-at-70-how-to-fix-a-broken-organization/ (дата обращения: 28.01.2018).
9. *Boot M.* How a monstrous Putin beat the U.S. in Syria // The Los Angeles Times. 2016. March 15. URL: <http://www.latimes.com/opinion/op-ed/la-oe-boot-putin-removes-troops-from-syria-20160316-story.html> (дата обращения: 20.01.2018).
10. *Boot M.* Project for a New Chinese Century // The Weekly Standard. 2005. Vol. 11. № 4. October 10. P. 37.
11. *Boot M.* The Iran threat // Los Angeles Times. 2011. December 1. URL: <http://maxboot.net/the-iran-threat/> (дата обращения: 06.02.2018).

12. *Brooks D.* The age of conflict // *The Weekly Standard*. 2001. November 5. URL: <http://www.weeklystandard.com/the-age-of-conflict/article/1728> (дата обращения: 15.02.2018).
13. *Gedmin J.* American weakness in the Balkans // *Present Dangers* / ed. by R. Kagan, W. Kristol. San Francisco, 2000. P. 183—186.
14. *Ikenberry G. J., Knock T. J., Slaughter A., Smith T.* The Crisis of American Foreign Policy: Wilsonianism in Twenty-First Century. New Jersey, 2009.
15. *Kagan D., Kagan F.* While America Sleeps: Self-Delusion, Military Weakness, and the Threat to Peace Today. N. Y., 2001.
16. *Kagan R.* Of Paradise and Power: America and Europe in the New World Order. N. Y., 2004.
17. *Kagan R.* On power and weakness // *Hoover Institution Policy Review*. 2002. June and July. URL: <https://www.hoover.org/research/power-and-weakness> (дата обращения: 15.02.2018).
18. *Kagan R.* Saddam wins — again // *The Weekly Standard*. 1999. January 4. URL: <http://www.weeklystandard.com/saddam-wins-again/article/11009> (дата обращения: 10.02.2018).
19. *Kagan R.* Send more troops // *The New Republic*. 2006. November 27. URL: <http://carnegieendowment.org/2006/11/27/send-more-troops-pub-18884> (дата обращения: 16.02.2018).
20. *Kagan R.* The Return of History and the End of Dreams. N. Y., 2008.
21. *Kagan R.* Why America must lead // *The Catalyst*. 2016. № 1. Winter. URL: www.bushcenter.org/catalyst/leadership/why-america-must-lead (дата обращения: 22.01.2018).
22. *Kagan R., Kristol W.* *Present Dangers: Crisis and Opportunity in America's Foreign and Defense Policy*. San Francisco, 2000.
23. *Krauthammer Ch.* The unipolar moment // *Foreign Affairs*. 1990/91. Vol. 70, № 1 : America and the World. P. 23—33.
24. *Kristol W.* A very good deal — for Iran // *The Weekly Standard*. 2015. July 14. URL: http://www.weeklystandard.com/blogs/very-good-deal-iran_990662.html. (дата обращения: 07.02.2018).
25. *Kristol W.* September 11, 2001— April 9, 2003 // *The Weekly Standard*. 2003. April 28. URL: <https://www.weeklystandard.com/william-kristol/september-11-2001-april-9-2003> (дата обращения: 03.02.2018).
26. *Kristol W., Kagan R.* Toward a neo-Reaganite foreign policy // *Foreign Affairs*. 1996. July — August. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/1996-07-01/toward-neo-reaganite-foreign-policy> (дата обращения: 03.02.2018).
27. Letter to President Clinton on Iraq // *Project of a New American Century*, 1998. URL: <https://web.archive.org/web/20130609161938/>

- <http://www.newamericancentury.org/iraqclintonletter.htm> (дата обращения: 10.02.2018).
28. Letter to President Clinton on Milosevic // Project for the New American Century, 1998. September 11. URL: https://web.archive.org/web/20130509071848/http://www.newamericancentury.org/balkans_pdf_04.pdf (дата обращения: 01.02.2018).
  29. *Mann J.* Rise of the Vulcans: the history of Bush's War Cabinet. N. Y., 2004.
  30. *Marshall J. M.* Practice to deceive // Washington Monthly. 2003. April. URL: <http://washingtonmonthly.com/features/2003/0304.marshall.html> (дата обращения: 15.02.2018).
  31. *Muravchik J.* Exporting Democracy. Washington, 1992.
  32. *Muravchik J.* Imperative for American Leadership: a Challenge to Neo-Isolationism. Washington, 1996.
  33. *Muravchik J.* The Future of the United Nations: Understanding the Past to Chart a Way Forward. Washington, 2007.
  34. *Pavlov A. V.* Pragmatichnye nasledniki politicheskoy filosofii Leo Shtrausa // Istorija filosofii. M., 2008. Вып. 13.
  35. *Podhoretz N.* Neoconservatism: a eulogy // Commentary. 1996. March. URL: <https://www.commentarymagazine.com/articles/neoconservatism-a-eulogy> (дата обращения: 01.02.2018).
  36. *Podhoretz N.* The War against World War IV // Commentary. 2005. February 1. URL: <https://www.commentarymagazine.com/articles/the-war-against-world-war-iv/> (дата обращения: 15.02.2018).
  37. Rebuilding America's defenses // Project for the New American Century. 2000. URL: <http://www.informationclearinghouse.info/pdf/RebuildingAmericasDefenses.pdf> (дата обращения: 01.02.2018).
  38. *Schmidt B., Williams M.* The Bush doctrine and the Iraq war: neoconservatives versus realists // Security Studies. 2008. Vol. 17. № 2.
  39. *Tell D.* Bosnia: the republican challenge // The Weekly Standard. 1995. Vol. 1, № 13. December 11.
  40. *Williams M. C.* What is the national interest? The Neoconservative challenge in IR theory // European Journal of International Relations. 2005. Vol. 11, № 3.
  - 41.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

ББК 87.526

Ю. М. Воронов, Т. В. Ерова, А. С. Рожкова

МУДРОСТЬ ТОЛПЫ: ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И НАРРАТИВЫ

Введение

Современное социальное пространство в результате революционных изменений коммуникационных форм претерпело радикальную трансформацию. С одной стороны, глобализация и удаленная коммуникация расширили параметры традиционной локальности обитания, подрывая силу семейных, соседских и национальных связей, с другой — урбанизация, «муниципальная революция» усиливают мультифункциональную коммуникацию местных сообществ.

© Воронов Ю. М., Ерова Т. В., Рожкова А. С., 2018

Воронов Юрий Михайлович — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и естественно-научных дисциплин Ивановского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. voronov3227@mail.ru

Ерова Татьяна Венедиктовна — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин Ивановского филиала Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. weneditat@mail.ru

Рожкова Анна Сергеевна — магистрант Ивановского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. rozhkova.a.s@g.mail.com

Указанные противоречивые процессы заставляют социальных исследователей объяснять происходящие инновационные трансформации развития социума. В первую очередь обращается внимание на влияние информационных технологий, обосновываются концепты « сетевого », « информационного », « цифрового », « глобализованного » и других типов общества. Наиболее последовательно стратегия влияния информатизации и ее социальные последствия выражены в трудах М. Кастельса¹. Его видение социальных эффектов, вызванных сетевыми коммуникационными технологиями и Интернетом, в числе которых изменения содержания труда, финансовых трансакций, урбанистического пространства обитания и другие прогнозируемые тренды, нашло выражение в технологиях блокчейна, искусственного интеллекта, интернета вещей, « умного города ». В практиках современного менеджмента всё более укореняются системы партисипативного управления, адхократии и другие горизонтальные производственные коммуникации, позволяющие наиболее эффективно аккумулировать и использовать « копилку » коллективной мудрости. Сетевая организация труда устраняет жесткость иерархических вертикалей, функционирует командно, эффективно использует информацию и координацию действий каждого, игнорирует инструменты институционального насилия.

Гармония личного и общего

Важность координации и взаимодействия в обществе, использование коллективной мудрости в формировании атмосферы гармонии личного и общего интереса рассмотрены в многоплановом исследовании Д. Шуровьески « Мудрость толпы ». Ломая стереотипы негативных оценок слова « толпа », автор доказывает, что коллективный разум быстрее и лучше справляется с решением проблем. Главным условием при этом является согласованность поведения отдельных участников с остальными. Координация и взаимодействие становятся доминирующими процессами « мудрого » действия в интересах каждого и всех.

В мудрой толпе каждый владеет « искусством избегания », замедляя или ускоряя движение, поскольку точнейшим образом прогнозирует поведение окружающих². Интериоризация культурных

норм и правил позволяет координировать поведение людей в повседневной жизни без внешнего принуждения и руководства (ценообразование, распределение ресурсов, очереди и т. п.). «Люди... “наивные и неквалифицированные”, способны координировать свои действия во имя достижения комплексных, взаимовыгодных результатов, даже не зная с самого начала о том, какие это будут результаты или как их достичь»³.

Проблемы эффективного взаимодействия характерны для более сложного социального поведения, их решение требует значительно больше усилий, необходимы доверие и сотрудничество. Классическим примером проблемы сотрудничества Шуровьески считает систему уплаты налогов, которая «невыгодна для каждого, но прибыльна для всех»⁴. Называя доверие неотъемлемой частью бизнеса и «самым ценным социальным продуктом рыночных отношений», автор рассматривает развитие капитализма как эволюцию доверия и подчеркивает значение репутационного менеджмента. Таким образом, эффективное взаимодействие возможно, когда «каждому индивиду следует согласиться с более широким толкованием своей выгоды и отказаться от ориентации на краткосрочную максимизацию прибыли»⁵.

Не всякая толпа становится мудрой, она становится таковой при следующих условиях: многообразие и разнородность мнений, независимость интеллектуалов-интеллигентов, особый тип децентрализованного управления и агрегирование, объединение индивидуальных мнений в коллективное решение⁶.

Разнородность предполагает множественность вариантов выбора, она расширяет проблемное поле и подавляет деструктивные процессы, характерные для выработки общего мнения. Коллективное решение — результат споров и противоречий, а не соглашательства и компромисса. Шуровьески ссылается на эксперименты американского политолога С. Пейджа, которые убедительно продемонстрировали преимущества разнородного состава группы⁷. Группа из нескольких компетентных авторов и нескольких новичков всегда справлялась с заданием лучше группы из самых проницательных авторов. Интеллект участников был важен (участвовали в эксперименте только интеллектуалы), но на уровне группы, как выяснилось, высокий интеллектуальный потенциал не гарантировал эффективного решения. Толпа оказывается

мудрее интеллектуалов, поскольку думает «по-разному». Эксперты же, профессионалы и специалисты, думают одинаково, они хуже воспринимают новую, неординарную информацию, не обладают всесторонним видением проблемы. Сравнивая толпу и экспертное сообщество, автор отмечает низкий уровень межэкспертной согласованности, слабость экспертов в «калибровке решений», склонность к завышенной самооценке, игнорированию собственных ошибок. На стороне экспертов общественное сознание, которое склонно преувеличивать значение компетентности, подвержено магии авторитета, не доверяет усредненным рекомендациям, полагает, что настоящий интеллект свойственен лишь отдельной личности.

Коллективный интеллект противостоит не только экспертному, но и так называемому «групповому мышлению». В однородных группах трудно избежать опасности конформизма и сохранить независимость индивидуального мнения. Чем сплоченнее группа, тем активнее она подавляет сомнения и исключает разногласия.

Независимость мнений участников сообщества — второе условие реализации в толпе коллективного разума. Независимость мышления не означает полной изоляции индивидуума от общества, но предполагает активное сопротивление внешнему влиянию и тем самым гарантирует самостоятельность и относительную свободу высказывания. Мудрые коллективные решения возможны, когда устраняются индивидуальные ошибки, а информация становится действительно разносторонней. Успех обеспечивают участники с различным кругозором, которые способны при личных контактах оставаться независимыми друг от друга. При этом не исключаются такие личностные факторы, как заинтересованность, вовлеченность, пристрастность. «Вы можете быть, — подчеркивает Шуровьески, — предвзятым и иррациональным человеком, но оставаясь независимым, вы не снизите коллективную эффективность группы, членом которой являетесь»⁸. В связи с этим обсуждаются эффекты стадности, роль подражания в обществе, преимущества традиционного и рискованного поведения. Внимание автора привлекает феномен информационного каскада⁹, который может иметь как позитивную (например, распространение полезных нововведений), так и негативную

(ажитажный спрос, финансовые пузыри и т. п.) направленность. Индивидуум вовлечен в информационный каскад, если он принимает решение не только на основе собственной информации, но и с учетом поведения других людей. Это «стадный эффект», имитационное, подражательное поведение, которое может быть вполне разумным, поскольку социальное подражание есть «рациональная реакция на наши когнитивные ограничения»¹⁰. Но проблема заключается в том, что вместо суммирования всей наличной информации имеет место последовательность решений, принятых на основе случайной, некритично выбранной информации. Каскад утрачивает информативность, толпа — мудрость, коллективное решение оказывается неверным. Разумное подражание экономит усилия, снижает риски, продвигает полезное, но слепое копирование лишает группу коллективного разума.

Необходимым условием принятия мудрых решений является децентрализованная система координации действий. Подобные системы широко распространены в живой природе, эффективно действуют в общественной жизни, сетевых формах организации бизнеса, политики, культуры. Децентрализация поощряет независимость и ответственность агентов, углубляет их специализацию, повышает ценность индивидуального (неявного, личностного, частного) знания в коллективном и глобальном масштабах. Существенным недостатком децентрализованных систем является угроза дезорганизации, а также отсутствие гарантий того, что ценная информация частного характера станет всеобщим достоянием.

Проблема доступности частного знания решается путем агрегирования. Это важное условие подключения коллективного разума к поиску оптимальных решений. Децентрализованная система успешна, если будет достигнут баланс между частным и общим благодаря механизму агрегирования информации, поступающей от всех участников сообщества. Таким механизмом может быть группа экспертов, стейкхолдеров, сообщество экспериментаторов и т. п. Агрегирование как центростремительная сила противостоит центробежным тенденциям, при этом увеличивается общий объем информации, доступной для всех участников сообщества. Шуровьески называет агрегирование особой формой централизации, необходимой составляющей в рецептах коллективной мудрости¹¹. Используя метафоры основоположника

движения за открытое программное обеспечение Эрика Рэймонда, можно сказать, что «собор» не противостоит «базару», а встроен в децентрализованную систему и взаимодействует с ней¹². Это обстоятельство следует подчеркнуть, поскольку многие критики мудрой толпы «воюют с ветряными мельницами», упрощая исходную концепцию автора.

Обсуждая эффективность децентрализованных систем, Шуровьески приводит убедительный пример нелогичности мышления политиков и «возмущенной общественности». Мы живем в обществе риска, где предусмотрены циничные системы страхования. «Главная задача страховых компаний состоит в том, чтобы предугадать, когда умрет клиент... В этом есть нечто отталкивающее... но страховщики используют... аморальные по сути предположения во имя общественного блага»¹³.

Итак, мудрость толпы — это тип рациональности, которым обладает децентрализованное сообщество с неограниченным количеством разнородных и независимых участников, способное агрегировать частную информацию при выработке коллективных решений. Краудсорсинг/ноосорсинг — образ мудрой толпы вдохновляет теоретиков современного креатива: викиномики, массового сотрудничества, технологий краудсорсинга. Автор термина «краудсорсинг», американский журналист Джефф Хау, предсказывает революцию, которую совершит «толпа завтрашнего дня»¹⁴. Толпа, в его понимании, — это, главным образом, интернет-аудитория, сообщества пользователей глобальной сети, более миллиарда человек. Несмотря на скепсис относительно выражения «мудрость толпы»¹⁵, Хау дополняет концепцию Шуровьески еще одним условием. Необходимо как можно больше упростить задачу, подлежащую решению, разбить ее на части, структурировать алгоритм поиска ответа. Это требование связано не с «тупостью» толпы, а с разнородностью ее участников. Модульный подход в краудсорсинговых проектах обеспечивает доступность, максимальное продвижение задачи в толпу¹⁶. Механизм агрегирования информации подчинен принципу «благожелательного диктаторства», т. е. тесному сотрудничеству сообщества (базар) и руководящих лиц (собор)¹⁷. Результат сотрудничества подчинен «закону Старджона» (девяносто процентов всего есть мусор) и правилу интерактивных медиа (1:10:89). Из каждых ста

человек на данном сайте один что-то реально создает, десять человек голосуют за то, что он создает, а остальные являются пассивными потребителями созданного продукта¹⁸. Успешность краудсорсинговых проектов напрямую зависит от соблюдения этих условий.

Концепция «мудрой толпы» вызывает жесткую, хотя и не всегда корректную критику со стороны современных краудофобов: профессионалов, экспертов, исследователей Интернета. Например, гуру в области облачных технологий Николас Карр говорит о «невежестве толпы»¹⁹, приводя следующие аргументы. Модель «базара», массового сетевого производства имеет ограничения: это в большей степени модель оптимизации, а не изобретения, она эффективна при решении рутинных или узкоспециализированных задач. Участники толпы работают добровольно или за небольшое вознаграждение. Следовательно, мотивационный комплекс центрирован на заинтересованности, потребности в самореализации, а не на коммерческом интересе. Может ли эта мотивация иметь массовый характер? И наконец, мудрая толпа не столь эгалитарна и демократична, как ее представляют «краудофилы». Карр подчеркивает, следуя за Э. Реймондом, значение «собора», ответственного за фокусировку усилий и дисциплину в толпе. Именно поэтому он называет Википедию «глубоко ущербным продуктом»²⁰, которому не хватает «соборности». Ее администрация формируется не на принципах меритократии, а по формальности. Это снижает качество контента и конкурентоспособность ресурса в целом.

Наиболее известным критиком и страстным обличителем цифровой цивилизации, интернет-культуры, «благородного любительства» и «мудрой толпы» следует назвать Эндрю Кина, одного из пионеров Силиконовой Долины. Средоточие критики — идеология замены профессионалов большим количеством любителей, которая предвещает культурную катастрофу. Интернет усредняет мнения и устраняет ответственность, он помещает пользователей в паноптикум сервисов, создает селфи-центрированную культуру вуайеризма и нарциссизма, увеличивает пропасть между богатыми и бедными. Интернет создает «поле искривленной реальности», выдавая ложь за правду. И это главный философский вопрос, поставленный в цифровую повестку дня, который требует отдельного обстоятельного обсуждения²¹.

Технологии и человеческий капитал

Среди отечественных исследователей активно продвигает идею коллективного разума Б. Б. Славин, автор «Манифеста информационного общества», теоретик и практик в области информационных технологий. Его концепцию отличает исторический подход, осмысление фундаментальных реалий современности, техническая осведомленность. Основные положения этой концепции таковы.

Эволюция общества, экономики и социума может быть рассмотрена в связи с развитием человеческого капитала. Особые формы его организации соответствуют различным этапам общественного развития и маркированы технологическими революциями.

Технология инсорсинга (использование внутренних ресурсов) соответствует эпохе индустриализации мировой экономики, поскольку предполагает глубокую специализацию внутри предприятия. Отдельные производственные функции становятся профессиями, их легко алгоритмизировать, следовательно, возможны механизация и автоматизация производства.

Технология аутсорсинга (использование внешних ресурсов) соответствует постиндустриальной эре. Создаются высокотехнологичные предприятия, оказывающие монофункциональные услуги производителям товаров. Множество промежуточных сервисов формирует глобальную экономику услуг и систему взаимосвязанных предприятий. Аутсорсинг — это не просто технология экономии затрат при ведении бизнеса, «это идеология общества, перешедшего от жесткой конкуренции к созданию партнерской бизнес-среды»²².

«Краудсорсинг — это технология привлечения всего населения к решению общезначимых и творческих задач, включая контроль за деятельностью бизнеса и органов власти, на основе энтузиазма, добровольности и равноправного доступа к информации и участию»²³. Технической платформой краудсорсинговых проектов являются сетевые коммуникации. Наряду с достоинствами, этой технологии свойственны существенные недостатки: усреднение компетенций, низкий уровень профессионализма, необязательность исполнения заданий. Толпа представляет собой некое «суперсущество», которое всё видит и слышит, но «не способно мыслить, поражая окружающих своей бестолковостью»²⁴.

Указанные недостатки преодолевают посткраудсорсинговые технологии, в числе которых ноосорсинг — использование разума сетевых профессиональных сообществ. Профессиональные экспертные сети станут основой экономики общества знаний, профессиональная коллективная экспертиза даст эффективный инструмент управления этим обществом. История идет по пути коллективизации. В обществе знаний коллективным становится сам процесс мышления. Коллективный разум будет формировать будущее человечества.

Специфику ноосорсинга определяет, во-первых, возмездное проведение экспертиз со стороны сообщества, т. е. участие профессионала в экспертной сети строится на договорной основе (формализованные отношения, взаимная ответственность, правовая регуляция). Во-вторых, экспертная сеть должна предоставлять единые информационные сервисы и ресурсы, необходимые для работы в конкретной области (блокчейн, облачные вычисления, электронные базы данных, онлайн-диагностика, искусственный интеллект, интернет вещей и др.). В-третьих, сети формируют свою иерархию на основе рейтингования достижений методом коллегиальной оценки.

Рейтинг есть общественная оценка профессионализма эксперта, он должен иметь официальный статус и поддерживаться государством. Существующие алгоритмы рейтингования достаточно примитивны²⁵.

В ходе рейтингования формируется организационная структура экспертных сетей. Она динамична (не хаос и не жесткая иерархия) и зависит от изменений в оценке ее участников. Такой мониторинг позволяет более точно определить компетенцию при формировании групп или поиске эксперта для решения конкретной задачи. В отличие от типичных рабочих групп сеть экспертов масштабируема и может состоять из тысяч и десятков тысяч участников²⁶.

Толпой движет энтузиазм. Активность экспертов оплачивается. Помимо материального вознаграждения важен рост профессионализма и личного авторитета. Экспертные сети существуют за счет платных экспертиз и государственной поддержки. Они не могут принадлежать частным структурам, явный коммерческий интерес отсутствует. Именно это обстоятельство во мно-

гом тормозит их развитие. Существующие схемы монетизации экспертной работы не решают проблемы. И хотя организованное знание — «более мощная сила, чем сила толпы»²⁷, ноосорсинг — прерогатива будущего.

Экспертные сети в отличие от социальных и корпоративных — это особые интеллектуальные системы. Однако в техническом плане коллективная работа в них организована в соответствии с общими принципами автоматизации интеллектуальной деятельности²⁸. Возможности семантических сетей дополняют перечень принципом кастомизации.

Важными следствиями коллективизации мышления для развития мировой экономики и общества являются «бегство от рынка» и конкуренция с государственным управлением. Информационные технологии вытесняют рыночные отношения, предоставляя пользователям свободное программное обеспечение и бесплатные сервисы. Дистанционная работа и облачные технологии приходят на смену традиционным предприятиям. Иерархия власти и государственный контроль уступают место сетевым отношениям, коллективным (профессиональной и общественной) экспертизам. «Все три составляющие — интеллект, информация и власть — должны дополнять друг друга, только их гармония обеспечивает существование коллективного разума»²⁹.

Субъекты коллективного разума

Из кого состоит мудрая толпа? Каков социологический портрет носителей коллективного разума? В предлагаемых изображениях нет сходства. С одной стороны, это полезные для общества новые дилетанты, или «профессиональные любители», а с другой — крайне опасные для нашего будущего озабоченные резиденты с «урезанным статусом». Рассмотрим эту коллизию подробнее.

Эпоха разделения труда породила культ профессионализма и экспертократии, вытеснив любительские занятия на периферию общественной жизни. Дилетантизм подвергся осмеянию и стал маркером некачественной работы в науке, культуре и производстве. Однако глобальные сдвиги рубежа тысячелетий кардинально изменили ситуацию. Пропась, разделявшая специалистов и профанов, оказалась не столь глубокой: появился новый субъект

истории — «цифровая толпа» и новый социальный гибрид — «профессиональный любитель»³⁰. Новый дилетант действует как любитель, следуя своему влечению, но делает это в соответствии с профессиональными стандартами. Pro-Am (professional amateur) и профессионал имеют общие характеристики: использование общественно признанных и официально одобренных стандартов мастерства и научного поиска; необходимость систематического образования через институты наставничества и социальные организации; историческая память, ощущение причастности к традициям и сообществу их носителей; формирование самоуправляемых объединений, с которыми Pro-Am себя идентифицирует; существенные затраты времени и финансов; ощущение призвания, страсть, труд, упорство, ответственность, а также переживание тревоги, принятие рисков, преодоление препятствий, участие в борьбе, неизбежные «взлеты и падения». Профессионалы к практике идут от теории, они более склонны к анализу и обобщениям, их отличает фундаментальная теоретико-познавательная база. Pro-Am в большей степени погружены в практику, владеют «ноу-хау» и технологиями.

Большая часть Pro-Am занятий приходится на досуговое время, свободное от основной работы. Профессиональный любитель — это не пассивный реципиент развлечений, исповедующий шопинг и релаксирующий в зоне спонтанности и свободы. Его досуг активен и серьезен. Здесь также есть обязательность и контроль, порядок и добровольные ограничения. Здесь овладевают второй (теневой, параллельной) профессией, нацеленной на производство некоммерческих продуктов и сервисов. Это дает своего рода социальную страховку, делает судьбу человека более эластичной. Активный досуг требует физической и ментальной вовлеченности участников. При этом они получают гораздо более интенсивный, желательный и удовлетворительный опыт в сравнении с необходимой работой, официальным образованием или пассивным потреблением. Pro-Am более здоровы, благополучны, глубже переживают радость, силу, самооценку, интеграцию и полноту жизни. Потребление для профессиональных любителей не что иное, как творчество и производство. Потребительские расходы, финансовая поддержка своих увлечений — это инвестиции в производство продукта, востребованного другими

людьми. В ходе потребления выстраиваются формы культурного и символического капитала, определяются «хобби-группы» и заинтересованные аудитории, формируется сеть горизонтальной мобильности, укрепляется взаимное доверие и сотрудничество граждан.

Профессиональное любительство является драйвером инновационной экономики: прорывные инновации, изобретение сервисов, внедренческая практика. Это новая влиятельная сила, которая создает новые потоки знаний, новые виды организаций и новые источники власти. Всё это творит более сложный и разнообразный жизненный ландшафт для каждого человека, а также влечет значимые социальные перемены — Pro-Am революцию — в глобальном масштабе³¹.

Британский исследователь труда и занятости в эпоху глобализации Гай Стендинг трактует проблему «профессионал и другие» в ином ракурсе. За демонтаж профессий, по его мнению, несет ответственность неолиберальная политика, стремящаяся уничтожить всё, что мешает рыночной конкуренции. Институциональная структура общества оказывается под угрозой тотальной «товаризации» (commodification). «Рынок без границ» неуклонно разрушает традиционные общественные связи, внедряя новые правила их регулирования. «Атака на общественные институты затронула фирмы как социальные институты, профсоюзы — как представителей работодателей, профессиональные сообщества — как гильдии ремесла и профессий, образование — как средство освобождения от шкурных интересов и торгашеского духа, семью — как институт сочувствия и социального воспроизводства и государственную службу — как носителя этики служения обществу»³². В соответствии с этим признаком социальная иерархия глобального общества приобретает следующий вид: элита — самые богатые и влиятельные граждане мира; салиариат (salary — зарплата) со стабильной и полной трудовой занятостью; «квалифицированные кадры» (profitians)³³, которые успешно продают свои навыки и не нуждаются в долгосрочной занятости; работники физического труда, ядро старого рабочего класса; прекариат (precarious — неустойчивый, нестабильный), имеющий ограниченные права и лишенный гарантий занятости; безработные и люмпенизированная беднота. Состав прекариата неоднороден. В него входят временно трудоустроенные лица,

сезонные работники, занятые неполный рабочий день, фрилансеры, мигранты, стажеры, часть студенчества и т. п. Численность прекариата растет, его ряды пополняют представители различных социальных групп, чья жизнь становится нестабильной и незащищенной, а постоянными ощущениями — недовольство, анонимия, беспокойство, отчуждение, тревога и безысходность.

Для наших целей важно подчеркнуть, что люди, принадлежащие к прекариату, не могут стать профессионалами в полном смысле этого термина. У них отсутствует профессиональная идентификация, ослаблено ощущение традиции, разрушены принципы трудовой этики. «Прекариат ощущает себя раздробленным, нестабильным международным сообществом людей, мучительно и подчас безуспешно пытающихся придать своей трудовой деятельности профессиональную идентичность»³⁴. Стендинг детально анализирует процессы и факторы депрофессионализации национальных государств³⁵.

Административный контроль над профессиональными сообществами приводит к разделению последних на элиту и прекариат. Появляются «псевдопрофессии», полупрофессиональные занятия, при этом услуги оказываются не специалистами, а разного рода помощниками с минимальной подготовкой. Снижается мотивация к профессиональному росту, усредненные требования заменяют специальные навыки. Товаризация менеджмента (увеличение числа временных управляющих, нанятых для осуществления краткосрочных проектов) способствует превращению высококлассных специалистов в «прекариат разового использования». Феномен «громких названий»³⁶ отражает, по мнению социолога, фиктивную динамику профессиональной структуры населения. «Это отражение роста прекариата, при котором надуманные символы профессиональной мобильности и личного развития маскируют унылую ничтожность самой работы. Сглаженные профессиональные структуры прикрываются кричащими названиями»³⁷. Критике подвергается и система рейтингования, основанная на онлайн-оценке качества предоставляемых услуг: пациенты оценивают врачей, школьники — учителей, студенты — преподавателей. Профессионализм ставится под сомнение, его носители переживают кризис доверия. «Общество, требующее постоянной ответной реакции, не доверяет своим профессионалам.

Не исключено, что профессионалы вскоре превратятся в ходячие мишени: их позиция становится всё более уязвимой и ненадежной, как у прекариата»³⁸.

Итак, в современном глобальном мире с текучими и мозаичными структурами профессионалы конкурируют не с толпой благородных любителей, а с новым опасным классом. Масштабы этой опасности и возможности ее предотвращения анализируются в заключительных главах книги. Их краткие названия обозначают две траектории политических действий: «политику ада», которая порождает взрывоопасное неравенство, социальный инфантилизм, угрозу неонацизма (либерализм, утилитаризм, патернализм)³⁹, и «политику рая», которая несет надежду, возрождая великие республиканские ценности свободы, равенства и братства (новый прогрессивный консенсус)⁴⁰.

Заключение

Проблемное поле исследований коллективного разума обширно: искусственный интеллект, стадное поведение, умные сборища, групповое мышление, коллективное сознательное и бессознательное, цифровые медиа и массовое сотрудничество, мудрость толпы и экспертные сети, коэффициент интеллекта и коэффициент кооперации. В настоящей работе представлен обзор небольшого фрагмента этого поля, который, тем не менее, позволяет выделить «горячие точки» ведущихся дискуссий. Уточнение терминологии — необходимое условие продуктивного обсуждения. Кроме того, полемический лексикон включает большое количество неологизмов. Поэтому, прежде всего, сформулируем наши позиции по поводу некоторых терминологических вопросов.

Можно отвергать выражение «мудрость толпы» по причине его метафоричности, можно разместить это понятие в ряду синонимов коллективного разума или превратить его в строгий термин, сформулировав корректное определение. В любом случае апелляция к мудрости, которая нам импонирует, обязывает ко многому. Этот образ отсылает и к античному идеалу знания как единства истины, добра и красоты, и к христианской метафоре «умного сердца», и к здравому смыслу житейского опыта. Где-то рядом и позитивная семантика философии как любомудрия. Между тем,

в русскоязычных переводах подчас теряется это смысловое богатство. Например, в подзаголовке книги Дж. Шуровьески используется термин «коллективный разум», тогда как в первоисточнике значится «коллективная мудрость» (Collective Wisdom). В подзаголовке книги Дж. Хау также фигурирует «коллективный разум», тогда как у автора речь идет о «силе толпы» (Power of the Crowd).

Относительно неологизма «ноосорсинг» хотелось бы заметить следующее. Соотношение «инсорсинг/аутсорсинг» логически корректно, т. к. «есть четкое противопоставление внутреннего и внешнего. В случае пары «краудсорсинг/ноосорсинг» такой четкости нет, поскольку субъект (толпа) противопоставляется свойству (разум). Следуя концепции Б. Славина, логичнее было бы противопоставлять толпу экспертам-интеллектуалам. Однако термин «экспертсорсинг» неблагозвучен и вряд ли имеет шансы на существование. С другой стороны, понятие «ноосорсинг» хорошо встраивается в ноосферную проблематику и глобалистику в качестве концепта философии коллективного мышления. Можно предположить, что он займет свое место в соответствующих областях знаний.

Дискуссии вокруг «мудрой толпы» актуализируют проблематику массового общества. Причем возрождается как критический дискурс относительно коллективных действий (цифровая толпа — это новый грядущий Хам), так и либеральные подходы, усматривающие в массовизации закономерный ход исторического процесса. Под сомнение ставится тезис, который, кажется, получил значение аксиомы: масса и качество несовместны. Толпа усредняет (выживает среднейший), следовательно, снижение качества неизбежно. Однако усреднение не только нивелирует таланты, но и подтягивает отстающих. Середина равноудалена от обеих крайностей. Это — «золотая середина», поскольку имеет значение нормы как адекватного социального поведения и меры как единства количественной и качественной определенности события. Если средний человек — это концентрированный негатив массовизации, тогда апокалипсис неизбежен, если же это нормальный, дееспособный элемент стабильного социума, катастрофы можно избежать. Мы полагаем, что важны обе позиции. Первая носит алармистский характер, привлекает внимание специалистов и общественности к проблемам цифровой социализации.

ции и культуры, вторая — снижает беспокойство, позволяет уверенно смотреть в будущее.

Футурологический ракурс поднимает дискуссию на философскую высоту. В каком обществе мы живем? Что происходит? Что ожидает в будущем? Это важнейшие мировоззренческие вопросы. В ответах социальный оптимизм конкурирует с пессимистическими прогнозами. Дж. Шуровьески мечтает о всеобщем благе. Э. Кин предрекает культурный апокалипсис. Ч. Лидбитер и П. Миллер говорят о сбывающемся пророчестве Карла Маркса относительно свободного труда. Г. Стендинг предупреждает о новых рисках и опасностях. Б. Славин приветствует невоплощенные лозунги Французской революции, которым «приходит черед». Дж. Хау предсказывает будущее господство «цифровых аборигенов». Участники дискуссии оперируют фактами, статистикой, социологическими данными, осмысливают исторический опыт, привлекают теоретические аргументы. Все отмечают радикальность перемен и глубину преобразований. Реалистичность сценария определит главный судья — будущее, которое наступает уже сегодня.

Метафорическое выражение «мудрость толп» (*the wisdom of crowds*) появилось в двойном полемическом контексте: как опровержение традиционных представлений об иррациональном поведении толпы, ее безумствах, и как оппонирование современным краудофобам, критикам цифровой культуры и массового общества. Автор неологизма, американский писатель Джеймс Шуровьески называет имена своих оппонентов: Б. Барух, Т. Карлейль, Г. Ле Бон, Ч. Маккей, Ф. Ницше, Г. Торо и др. Его книга «Мудрость толпы» — актуальный ответ на работу шотландского журналиста Чарльза Маккея «Удивительные массовые заблуждения и безумие толпы», впервые опубликованную в 1841 году⁴¹. Полемизируя с автором, Шуровьески высоко оценивает эту книгу как «бесконечно удивительную хронику массовых маний и коллективной глупости»⁴². Радикальная смена ракурса наделяет массу совершенно иными характеристиками. Толпа разумна и мудра, поскольку обладает «выдающимся коллективным интеллектом и способна продуцировать решения, которые гораздо более проникательны, чем выводы самых умных участников»⁴³.

Концепция Шуровьески претендует на универсальность, поскольку ее ключевые понятия трактуются предельно широко. Толпа — это, в зависимости от контекста, масса, большинство, сообщество, объединение, группа, аудитория. Мудрость противопоставляет глупости, невежеству, профессиональной ограниченности. Можно сказать, что «мудрость толпы» — это наш «коллективный интеллект», возрастающий от оптимального способа принятия решений до границ ноосферы.

Мудрость толпы многолика, подчас незаметна для ее носителей, успешно справляется с решением достаточно сложных задач, в том числе с когнитивными, координационными, и проблемами взаимодействия.

Примечания

- ¹ *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000.
- ² *Шуровьески Дж.* Мудрость толпы. М., 2014.
- ³ Там же. С. 111.
- ⁴ Там же. С. 139.
- ⁵ Там же. С. 114.
- ⁶ Там же. С. 23.
- ⁷ Имеется в виду исследовательский проект С. Пейджа, в котором «логическая строгость и точность математики приложены к сфере коллективного разума».
- ⁸ *Шуровьески Дж.* Указ. соч. С. 52.
- ⁹ Концепция информационных каскадов является альтернативой классическим теориям рационального выбора.
- ¹⁰ *Шуровьески Дж.* Указ. соч. С. 68.
- ¹¹ Там же. С. 83.
- ¹² Модель «собора» предполагает традиционную корпоративную стратегию разработки программного обеспечения (централизация), модель «базара» апеллирует к толпе, коллективной стратегии поиска решений (децентрализация).
- ¹³ *Шуровьески Дж.* Указ. соч. С. 89.
- ¹⁴ *Хау Дж.* Краудсорсинг : коллективный разум как инструмент развития бизнеса. М., 2012. С. 245—260.
- ¹⁵ «На деле же нет никакой мудрости “толпы”, это выражение только вводит в заблуждение» (*Хау Дж.* Указ. соч. С. 139). Автор подчеркивает метафорический характер термина «толпа», постоянно заключая

его в кавычки. Толпа действует заодно, а коллективный разум требует разнообразия его участников. Аргумент не убедителен, т. к. основывается на произвольной трактовке понятия «толпа». Необходимо уточнять дефиниции.

¹⁶ Хау Дж. Указ. соч. С. 267—268.

¹⁷ Там же. С. 266—267.

¹⁸ Там же. С. 212.

¹⁹ Карр Н. Невежество толпы // Кейс. 2015. 7 янв.

²⁰ Там же.

²¹ Кин Э. Ничего личного : как социальные сети, поисковые системы и спецслужбы используют наши персональные данные. М., 2016.

²² Славин Б. Б. Web 3.0 и новая экспертная экономика // Великая трансформация третьего тысячелетия. Рождение коллективного разума : о новых законах сетевого социума и сетевой экономики и об их влиянии на поведение человека. М., 2014. С. 68.

²³ Славин Б. Б. Эпоха коллективного разума. О роли информации в обществе и о коммуникационной природе человека. М., 2014. С. 215.

²⁴ Славин Б. Б. Web 3.0 и новая экспертная экономика. С. 69.

²⁵ Абрамов С. М., Григорьевский И. А. Алгоритм рейтингования при коллективных экспертизах // Рождение коллективного разума. М., 2014. С. 178—184.

²⁶ Славин Б. Б. Эпоха коллективного разума. С. 223.

²⁷ Подробнее о социальном статусе экспертного сообщества см.: Ерова Т. Интеллигенция : проблемы идентификации и влияния. М., 2011.

²⁸ Славин Б. Б. Эпоха коллективного разума. С. 206.

²⁹ Славин Б. Б. Web 3.0 и новая экспертная экономика. С. 77.

³⁰ Leadbeater Ch., Miller P. The Pro-Am Revolution : How Enthusiasts Are Changing Our Economy and Society. L., 2004.

³¹ Подробнее о революции профессионального любительства см.: Рожкова А. С., Воронов Ю. М. Любители и профессионалы: новый дилетантизм в обществе знаний // Интеллигенция и мир. 2015. № 5. С. 113—131.

³² Стендинг Г. Прекариат: новый опасный класс. М., 2014. С. 53.

³³ Новый английский термин образован от двух слов: профессионал (professional) и технический специалист (technician) (см.: Там же. С. 21).

³⁴ Там же. С. 47.

³⁵ См. вторую главу «Почему растет прекариат», особенно фрагмент «Демонтаж профессий» (С. 74—77). Эти процессы на отечественном материале рассмотрены в статье: Тощенко Ж. Т. Прекариат – новый социальный класс // Социологические исследования. 2015. № 6. С. 3—12.

- ³⁶ Например, разносчик газет получает титул «служащего по распространению медийных изданий», уборщица туалетов — «консультант по санитарии», выбрасывающий мусор из корзин — «ответственного за сбор вторичного сырья» и т. п.
- ³⁷ *Стендинг Г.* Указ. соч. С. 38.
- ³⁸ Там же. С. 245.
- ³⁹ Там же. С. 234—271.
- ⁴⁰ Там же. С. 272—319.
- ⁴¹ См. современное издание: *Mackay Ch.* Extraordinary Popular Delusions and the Madness of Crowds. N. Y., 1980.
- ⁴² *Шуровьески Дж.* Указ. соч. С. 11.
- ⁴³ Там же. С. 9.

References

1. *Abramov S. M., Grigorevskiy I. A.* Algoritm reytingovaniya pri kollektivnykh ekspertizah // Rozhdenie kollektivnogo razuma. M., 2014.
2. *Erova T.* Intelligentisiya : problemy identifikatsii i vliyaniya. M., 2011.
3. *Hau Dzh.* Kraudsorsing : kollektivnyi razum kak instrument razvitiya biznesa. M., 2012.
4. *Karr N.* Nevezhestvo tolpy // Keys. 2015. 07 yanv.
5. *Kastels M.* Informatsionnaya epoha: ekonomika, obschestvo i kultura. M., 2000.
6. *Kin E.* Nichego lichnogo: kak sotsialnyie seti, poiskovyie sistemyi i spetssluzhbyi ispolzuyut nashi personalnyie dannyye. M., 2016.
7. *Rozhkova A. S., Voronov Yu. M.* Lyubiteli i professionalyi: novyy diletantizm v obschestve znaniy // Intelligentisiya i mir. 2015. № 5.
8. *Schuroveski Dzh.* Mudroct tolpy Dzhems Schuroveski. M., 2014.
9. *Slavin B. B.* Epoha kollektivnogo razuma. O roli informatsii v obschestve i o kommunikatsionnoy prirode cheloveka. M., 2014.
10. *Slavin B. B.* Web 3.0 i novaya ekspertnaya ekonomika // Velikaya transformatsiya tretego tysyacheletiya. Rozhdenie kollektivnogo razuma : o novykh zakonah setevogo sotsiuma i setevoy ekonomiki i ob ih vliyaniy na povedenie cheloveka. M., 2014.
11. *Stending G.* Prekariat: novyy opasnyiy klass. M., 2014.
12. *Toschenko Zh. T.* Prekariat — novyy sotsialnyiy klass // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2015. № 6.
- 13.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

ББК 63.211

А. Ю. Калистратов, В. Л. Черноперов

ОБРАЗЫ-ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЧЕРНОМ КОНТИНЕНТЕ И АФРИКАНЦАХ У ГЕРМАНСКОГО КОЛОНИАЛЬНОГО ОФИЦЕРА РУДОЛЬФА ГАНССЕРА

Введение

Германская империя, включившись позже других великих держав в колониальную гонку, к началу XX в. сумела утвердиться на относительно небольших территориях в разных регионах мира. Самые крупные ее владения лежали в Африке. На востоке Черного континента немцам принадлежали Руанда-Урунди и Танганьика (земли современных государств Руанды, Бурунди, Танзании, частично Кении и Мозамбика), на западе — Камерун, Тоголенд и Юго-Западная Африка (в настоящее время Камерун, Того и Намибия). Все эти земли они потеряли после Первой мировой войны.

О германском владычестве в Африке написаны десятки работ, включая труды о деятельности колониальных администраций¹.

© Калистратов А. Ю., Черноперов В. Л., 2018

Калистратов Андрей Юрьевич — соискатель кафедры всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета, учитель истории МОУ СОШ № 21 г. Ярославля. kay73@mail.ru

Черноперов Василий Львович — доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. vlchernoperov@rambler.ru

Однако не все темы изучены глубоко, среди таковых — представления германских офицеров-колонизаторов о понимании значения собственной миссии в странах пребывания, туземном населении и отношениях с ним. Частично восполнить обозначенный пробел призвана настоящая работа. *Ее цель* — реконструкция образов-представлений у колониальных офицеров Германской империи, которые предопределяли их поведение на Черном континенте.

Источниковой базой настоящей статьи выступают материалы личного происхождения и официальные документы, написанные офицером Рудольфом Ганссером. Их можно разделить на 3 части — дневник, письма и рапорты. Дневник Р. Ганссера охватывает период с 1896 по 1900 г., а 67 писем и 3 рапорта — с 1900 по 1902 г. Данные «я-источники» (или «эго-источники») и официальные рапорты были собраны, систематизированы и в 1991 г. изданы под названием «Я пришел сюда не как авантюрист...» внучатым племянником Р. Ганссера Генрихом Даубертом². Сравнение напечатанного текста с оригиналами страниц, с которыми одного из соавторов настоящей статьи любезно ознакомил Г. Дауберт, «не оставили сомнения в отсутствии редакторских дополнений или последующих вставок. Лакуны в тексте были оставлены из-за невозможности разобрать слова в исходном письме. Язык письма (немецкий язык со швабским диалектом конца XIX — начала XX в.), несмотря на некоторое присутствие устаревших лексических конструкций, не составил непреодолимых сложностей в переводе»³. Наличие почтовых штемпелей, а также адреса отправителя и получателя облегчило атрибуцию эпистолярной и рапортов.

Хронологически статья охватывает период с 13 декабря 1896 г. по 30 декабря 1901 г. Нижнюю границу определила первая поденная запись в дневнике Р. Ганссера, верхнюю — его последнее письмо с Черного континента.

Географически работа включает разные округа колонии «Германская Восточная Африка», хотя иногда в развитии сюжета авторы будут выходить за данные рамки.

Фигура Р. Ганссера привлекательна тем, что данный персонаж представляет собой типичного младшего офицера колониальных войск — основы господства империй в колониях конца XIX — начала XX в., который, ввиду размытости на местах

гражданской и светской власти, выступал то первопроходцем-исследователем, то дипломатом, то судьей, то чиновником и военачальником в отношениях с туземным населением. Кроме того, Ганссер вызывает интерес тем, что получил стандартное для своего круга образование — окончил гимназию, затем добровольно поступил на военную службу, без чего было очень сложно сделать карьеру в военно-государственной системе власти кайзеровской империи, и даже преподавал в кадетском корпусе Потсдама — кузнице кадров для армии и гражданского чиновничества Германии. Таким образом, воззрения Ганссера (делая, естественно, поправку на его индивидуальные знания и особенности мировосприятия) типичны для германского офицерства Второго рейха, которое мы рассматриваем автономным социальным и интеллектуальным сообществом.

Методологическая часть

В период кризиса конца прошлого столетия, когда в условиях падения идеологического диктата, саморазрушения СССР и осознания того факта, что один лишь марксизм не в состоянии объяснить всего многообразия социальных процессов⁴, в нашей стране возникла угроза историческому знанию как таковому⁵. Однако всякий кризис открывает возможности для новых изысканий. Именно это и произошло. В России при отсутствии жесткого диктата, опоре на зарубежный опыт гуманитарных наук или через саморазвитие в гуманитарных науках появились новые направления. Особенно активно этот процесс проходил на междисциплинарном поле. В результате в 1990-е гг. возникло несколько направлений, которые сегодня, завершив фазу «окукливания», оформились в самостоятельные дисциплины со своими особенностями методологии и исследовательским инструментарием. Среди таковых — имиджелогия (или имагология) и интеллигентоведение. Представленная публикация лежит в их русле.

В настоящее время в нашей стране ведущие позиции в имиджелогии (исследовании образов-представлений) занимает Центр по изучению отечественной культуры при Институте российской истории РАН, который после Ю. С. Борисова много лет возглавляет автор трех монографий и множества статей

А. В. Голубев⁶. В многочисленных публикациях Центра и в докладах на проводимых им ежегодных конференциях постепенно оформились базовые методологические принципы имиджологии, что позволяет ставить вопрос о формировании особой «имиджологической (имагологической) школы Борисова — Голубева». Авторы настоящей публикации, разделяя многие ее установки, берут на вооружение некоторые методологические наработки А. Голубева и его последователей. Прежде всего, понимание содержания образов-представлений и этапов их формирования.

Мы вполне согласны с мнением А. В. Голубева об односторонности активно используемых в научной литературе понятий «этнические стереотипы» и «внешнеполитические стереотипы». Под первыми обычно понимаются образы этнических групп, то есть «представления об определенных чертах национального характера, обычаях, особенностях быта»⁷. Здесь из исследовательского поля выпадают такие важные составляющие общей картины внешнего мира, как представления о мировой культуре или о государствах. Следующим этапом восприятия внешнего мира выступают внешнеполитические стереотипы. Однако при их узком понимании за рамками изучения остаются вопросы быта, культуры, национального характера. Далее появляются «инокультурные стереотипы», «которые включают в себя, помимо прочего, представления о той или иной национальной истории, культуре, современной жизни»⁸. Они не только дополняют, но и частично вытесняют этнические и внешнеполитические стереотипы. Именно на базе инокультурных стереотипов формируются образы, «которые отличаются от стереотипов полнотой, большей гибкостью, меньшей эмоциональной составляющей; они включают в себя, как правило, личный опыт и возникают в индивидуальном порядке, а не передаются готовыми, как стереотипы»⁹. Вместе с тем, термин «инокультурные стереотипы» может применяться и как общий, относящийся ко всей совокупности устоявшихся представлений о внешнем мире (этнических, внешнеполитических и пр.)»¹⁰.

Применительно к нашей теме следует учитывать также то обстоятельство, что автор анализируемых источников — Р. Ганссер жил и формировался в Германии эпохи модернизации, в период перехода от традиционного общества к индустриальному,

что помимо преобразований в политической или социально-экономической сферах напрямую затрагивало изменения в основах культуры, в системе ценностей. В итоге происходило постепенное вытеснение этнических стереотипов внешнеполитическими — на смену образу немца приходил образ Германии как внешнеполитической реальности. Причем на формирование внешнеполитических стереотипов огромное влияние оказывала пропаганда.

Самого героя нашей работы — Ганссера как офицера, имевшего образование и склонного к саморефлексии, мы рассматриваем в рамках упоминавшегося выше интеллигентоведения, одним из признанных центров которого является Ивановский университет¹¹. Авторы настоящей статьи опираются на работы в этой дисциплине одного из соавторов настоящей публикации В. Л. Черноперова с коллегой С. М. Усмановым. Прежде всего, на их определение интеллигенции как составной части более широкого понятия — интеллектуалов, и особенно на выделенные ими модели поведения западных интеллектуалов в изменяющейся социально-политической действительности — «бессильные люди», «независимые эксперты», «аутсайдеры-нонконформисты»¹², что в целом было положительно встречено научным сообществом¹³.

Основная часть

Рудольф Ганссер родился в католической генеральской семье министерияль-директора Вюртембергского королевства в небольшом швабском городке Виблинген 26 апреля 1866 г. Образование получил в штуттгардской гимназии им. Эберхарда-Людвига, после окончания в сентябре 1885 г. в качестве вольнонаемного с дальнейшим продвижением по службе поступил в седьмой пехотный полк имени прусского короля Фридриха, который являлся подразделением армии Вюртемберга. В феврале 1887 г. получил чин лейтенанта, а еще через пять лет был направлен в Пруссию, где служил и преподавал в широко известном кадетском корпусе Потсдама, обучая мальчиков, мечтавших о военной карьере.

В марте 1896 г. тридцатилетний Р. Ганссер в звании оберлейтенанта вступил добровольцем в колониальные войска, предварительно пройдя обучение на курсах суахили в Ориентальном

институте Берлина. Позже он весьма гордился своим умением понимать местных жителей и возможностью вступать с ними в контакт. Кстати, изучение языка туземцев для конца XIX в. было явлением не частым. Большинство европейцев, приехавших в Африку, осваивали межличностную вербальную коммуникацию на месте, причем в пределах разговорника, где все фразы носили императивный характер (Подай! Принеси!) и не предполагали распространенных предложений или оборотов. Ганссер, испытывая гордость от знания суахили, часто на страницах дневника употребляет без каких-либо комментариев слова этого языка: Улейя (Европа), фунди (строители), бвана (господин), юмбе (староста), мтама (просо), помбе (брага) и пр.

Р. Ганссер проходил службу на Черном континенте с перерывами и в разных частях. Сначала в Германской Восточной Африке, где с 1896 г. по 1900 г. в звании обер-лейтенанта занимался разными, прежде всего, геодезическими работами. Затем, после отпуска и до конца ноября 1901 г. уже в чине гауптмана командовал ротой охранных войск и управлял округом Табора (территория современной Танзании) — местностью в глубине Черного континента, удаленной от индийского побережья и столицы колонии Дар-эс-Салама более чем на 1100 км.

Этот обширный округ немцы сумели закрепить за собой незадолго до приезда Ганссера — в 1890 г., и к моменту его появления только в городе Таборе числилось не менее 15 тыс. человек. Это был опасный, малоизученный и этнически пестрый район, где проживали не только различные африканские племена, но также арабы и индийцы.

Свой служебный день в Таборе Ганссер описал так: «Рано утром в 6 часов мой мул уже у дверей. День начинается с объезда территории. К 8 часам я возвращаюсь домой, чтобы затем позавтракать, после завтрака я переодеваюсь и с 9 часов мои уши принадлежат бесконечному шаури (совет, приемные часы, присутствие), затем в 12 обед. Он длится не более 20 минут. После него я немного отдыхаю и читаю, если не надо писать чего-нибудь срочного. С трех пополудни иду снова в бюро, на службу, пока не стемнеет и не подкрадется время ужина — полседьмого вечера. После него еще полчаса сидим в столовой и идем домой, где до утра предоставлены сами себе. И так каждый день»¹⁴. Эта рутина нарушалась лишь

участием в судебных заседаниях и выходами на патрулирование, несмотря на некоторые проблемы со здоровьем (251).

Уволившись с колониальной службы в конце 1901 г., Гансер совершил шестимесячное почти кругосветное путешествие из Африки в Германию через Индию, Ост-Индию, Китай, Японию и США. В кайзеровской империи, заручившись необходимой протекцией (служба в колониях не шла в армейский стаж), он сумел сохранить чин гауптмана и вернулся на службу в армию Вюртемберга. После начала восстания племен гереро и нама (готтентотов) в Германской Юго-Западной Африке Ганссера в апреле 1904 г. направили на подавление мятежа в качестве командира первой роты 11-го полка. На этот раз его африканская служба оказалась скоротечной. В решающем сражении с гереро в районе нагорья Ватерберг (на территории современной Намибии) 11 августа 1904 г. Рудольф Ганссер был убит¹⁵.

Изучение образов, которые сформировались у Ганссера об Африке и ее местных жителях логично начать с понимания им своей миссии на Черном континенте. Страницы его дневника дают об этом ясные свидетельства. Через неделю после приезда в Германскую Восточную Африку, 13 декабря 1896 г., наш герой, столкнувшись с фактом смерти в колонии соотечественника — имперского почтового служащего, уверенно начертал: «...эти печальные мысли не могут заставить меня изменить решение приехать сюда. Не столько жажда приключений... сколько желание приложить свои скромные силы для процветания нашей колонии и к славе Отечества. В этом смысле я хочу со всей прилежностью и серьезностью приступить к выполнению ответственного задания, с твердой убежденностью добиться результата... если удастся сохранить здоровье... оно здесь главное условие (успеха миссии. — *А. К., В. Ч.*)» (55). Эти декабрьские настроения не пропали у обер-лейтенанта до начала нового — 1897 года, и 1 января он встречает здоровым, полным желанием и сил выполнить в Африке любую работу, которая ему будет поручена. Более того, если возникнут сложности, то это, по его словам, даже к лучшему (63). В свете вышесказанного становится понятен энтузиазм, который охватил Р. Ганссера при получении в конце января 1897 г. первого серьезного задания — триангуляции для создания опорной геодезической сети в малоизученном районе колонии. Офицер как заклинание повторяет: «Сказано — сделано!» (75).

Высокий эмоциональный настрой на служение у Ганссера не исчез до конца первого срока пребывания в колонии. Не случайно в самом конце дневника, который неожиданно обрывается 2 августа 1897 г., он пишет строки, подходящие скорее пылким юношам, чем 30-летним мужчинам: «Я хочу как можно быстрее стать настоящим человеком сафари, которому свойственны лишь опасности и лишения. Как прекрасны были эти недели, проведенные в Ньюело (там был роман с женой плантатора фон Горна), но они меня совершенно изнежили. Неженкам здесь не место, здесь человек должен быть крепким, как сталь, прежде всего по отношению к себе» (147).

Готовность к служению в колониях не ослабла у Ганссера и при его возвращении в Восточную Африку уже в звании гауптмана в феврале 1900 г. Так, он с радостью пишет о назначении командиром 10-й роты и окружным начальником в Табору (159). Правда, теперь для него цель нахождения на Черном континенте — не только служение Германии, но и обеспечение достойного материального положения своим детям в будущем (159, 160).

Осознание важности колониальной миссии для величия Отчизны, которую олицетворяла империя и кайзер Вильгельм II, а также собственной карьеры и благополучия у Ганссера переплетается с представлениями о превосходстве немцев (шире, европейцев) над туземным населением. Местные жители, по наблюдениям немецкого офицера-колонизатора, далеко отстали в образовании и знаниях. Это проявилось уже при выполнении первого задания — геодезических работ, он не смог найти на месте «обученной рабочей силы» (80).

Еще более ярко нотки превосходства цивилизации над варварством звучат в следующих записях дневника Ганссера: «Я поднимался в гору Млинга (1140 м), через некоторое время мой проводник заблудился. Проводник еще в буше вспотел от страха. Наступила полная ужаса кромешная ночь. Мы оказались без огня, без капли воды с раздирающей нас жаждой и с пустым животом. Пришлось лечь на голый камень, исколовшись в чертополоховых зарослях. К счастью, взошла луна. Я быстро определился, и мы стали карабкаться вверх, затем два раза выстрелив в воздух, услышали ответный залп и голоса. Скоро я растянулся в палатке и читал письма из *Улейи* (Европы)» (90). Чувство победы

цивилизации над «природностью» проявилось у Ганссера и в таком деле, как разведение огня. «К удивлению всех, — записал он, — я очень быстро развел костер (дрова были сырые) с помощью спичек и бутылки нефти. Мы сначала обогрелись у костра, а потом выбрали место и поставили палатку» (90).

Превосходство европейцев над туземцами у Ганссера просматривается даже при описании плантации в Леве, там выращивали табачный лист и возделывали кофейные деревья¹⁶. Здесь наш офицер отметил наличие огромных амбаров, чистых прямых улиц и рест-хаузов (колониальных домов), где имелись комнаты для работы с бумагами и уютные затененные веранды для неторопливого отдыха (76—77). При этом Ганссер не акцентировал внимания на том факте, что экономические успехи на плантации достигались крайне жестоким отношением к работающим аборигенам. Причем он знал об этом, поскольку описал следующий диалог в поселении, далеко отстоящем от Левы: «...молодой парень, которого я нашел в деревне, чтобы он показывал дорогу... дрожал. На мой вопрос, что его так пугает, он ответил, что “белый всегда бьет негра”. Я убежден, что он это узнал от людей из Левы, так как он до этого никогда не видел белых» (96)¹⁷.

На страницах дневника Ганссер стремится показать себя заботливым и требовательным начальником, что полностью вписывается в колониальный дискурс о «патернализме белого человека». Так, он подчеркивает, что *честно* расплачивается со своими людьми, платя им по 10 рупий местной колониальной валюты в месяц (15 рупий равнялось 20 германским рейхсмаркам) и еще ежедневно давая 8 пеза на еду (1 пеза = 1/64 рупии), тогда как служащие у других хозяев жили на 2—3 пеза в день. В завершении этого раздела Ганссер с нескрываемым самолюбованием констатировал: «...это огромная оплата ввиду незначительности услуг и свойственной неграм колоссальной выносливости» (87).

Патернализм «белого человека» в отношении туземца проявляется в записях Ганссера не только в постоянной заботе о подопечных, но и лидерстве. Вот как этот колониальный офицер описал продвижение своего отряда в буше: «Впереди я, со слугой рядом, затем мой верховой осел, ведомый аскари¹⁸, а потом — человек за человеком — мой караван в 80—90 голов...» (150).

Итак, он лидер (вожак) колонны, состоящей в его понимании не из людей, а *из голов*. Он ее ведет, при этом постоянно подчеркивая свое верховенство. В частности, внушая мужество при переходе через разбушевавшиеся реки.

Параллельно Ганссер должен был выступать в качестве заботливого отца-хозяина и стремился соответствовать этому. При организации привалов он требовал перво-наперво развести костры, чтобы вверенные ему люди могли обогреться, а часть из них отправлял на поиски еды. При этом, правда, не забывая и себя. Так из 40 костров на одном из привалов 6 горели около его палатки, да и поужинал он в тот день «вкуснейшим куриным супом» и отошел ко сну до того, как подчиненные получили свои порции (151).

Патернализм Ганссер демонстрировал и при втором приезде в Германскую Восточную Африку, что свидетельствует о типичности такого отношения колониального офицера к коренному населению. Так, при переправе каравана, которым он командовал, через реку с крокодилами, наш гауптман спасал носильщиков, прикрывая их огнем из винтовки. Правда, при этом восседая на плечах аскари, которые шли вброд (261). Столь же заботлив был Ганссер при вынесении судебных решений в округе Тобора. Он стал заменять «наложение цепей» — распространенный в Германской Африке тяжелый вид наказания, который нередко приводил к увечьям, — денежным штрафом и отправлял нарушителей домой (168).

Но не только Ганссер выступал в Германской Восточной Африке в роли заботливого отца-хозяина. На страницах его дневника мы находим описание плантации в Квамкоро, где местный владелец Боот с помощью бакшиша (взятки, подношений) обязал окрестных юмбе (вождей) каждое воскресенье доставлять на его плантацию продовольствие (120). Это позволило организовать рынок, на котором все «чинно торговали» и где имела даже рыночная полиция. Итак, Боот стал для туземцев благодетелем и цивилизатором. Ганссер искренне восхищается тем, что созданное в Квамкоро стало подобно рынкам в Берлине. Он делает вывод, что достигнуть такого результата можно лишь осознавая, что туземец требует управления, поскольку руководствуется в первую очередь инстинктами: «Вот почему на этой плантации

так много работников — 530, включая женщин. Ведь в первую очередь, как я понял здесь, негр хочет есть, и в этом смысле это и есть проявление заботы, а доброе обращение идет во вторую очередь» (122).

Последнее замечание из Квамкоро об отношении к местному негритянскому населению говорит о том, что логическим завершением представлений Ганссера о превосходстве европейца (белого человека) и проявлении патернализма должен стать расизм. Мы находим его на страницах публикации нашего героя, но он этого до конца еще не осознавал.

Впервые данный факт выявляется при описании Ганссером подготовки к отмеченному выше геодезическому обустройству малоисследованного района колонии в период первого пребывания в Африке. Ганссер, по-немецки обстоятельно перечисляя выданное со складов обозно-лагерное имущество, далее в одном ряду с палатками и инструментами пишет о полученных им носильщиках и фунда (строителях). Чуть ниже чуть ли не через запятую он упоминает о появлении слуг (положено по статусу) и о покупке для передвижения ослика за 140 рупий (67). Позже Ганссер конкретизирует, что ему (опять же по статусу) при проведении разведывательных и иных работ положены 5 слуг и 8 носильщиков.

В свете перечисленного весьма показательно описание Ганссером первой встречи с негритянским поселением вдали от более-менее европеизированных районов колонии. В конце января 1897 г. к его отряду во время подготовки ко сну пришел местный юмбе и преподнес курицу. Состоялось первое рукопожатие, после чего наш герой записал: «В Германии только на передвижных выставках возможно пожать руку такому черному парню или весьма милым представительницам чернокожих» (67).

Приведенная запись перекликается с описанием доктором Людвигом Кюльцом передвижных паноптикумов, в которых африканцы демонстрировались как дикари (если не сказать как полуживотные): «...С тем же пароходом, — писал Л. Кюльц, — возвращены (из Европы в Африку. — *А. К., В. Ч.*) 17 тоголезских мужчин и женщин. Их привезли (в Германию. — *А. К., В. Ч.*) с “целью показать” — только одного удалось пристроить в ученики

садовника. Высказывалось, однако, опасение, что чернокожий ученик может быть опасен для европейца и его нельзя баловать. Их показывали в передвижных паноптикумах, где они демонстрировали танцы. Попытка использовать их в научных целях также окончилась фиаско — единственный, кто заинтересовался — один берлинский ортопед, написавший небольшую статью о природном плоскостопии негров. Все вернувшиеся в Африку туземцы были больны туберкулезом, полученным в Европе»¹⁹.

Один из примеров «бытового расизма» мы находим у Ганссера при описании сушки белья после ненастья: «В Комболе нас настиг тропический шторм с ливневым дождем. ...на следующее утро я развел колоссальный костер, чтобы просушить все свои вещи. В 11 часов пришли *шензи* (дикари, варвары) с *кхакула* (едой) на продажу. Я сказал им, что торг начнется не раньше, чем высохнут все мои вещи. Тут каждый получил по одной вещи и в течение 12—15 минут держал их у огня — очень быстро всё высохло» (112).

Отношение к туземцам как неполноценным выливается у Ганссера в стремление и даже необходимость повелевать ими. Показательна следующая история на страницах его дневника: «В первый же день я оповестил *юмбе* (старосту ближайшей деревни), что я желаю, чтобы каждый день из деревни поставлялась *кхакула* (еда) для моих людей. Причем добавил, что я человек правительства и работы ведутся под кайзеровским флагом. Этого оказалось достаточно (!), чтобы мои люди получили *мхого* (маниок), *мхинди* (маис), *мтаму* (просо), различную *нуга* (муку) и прочее СВЕРХ меры — все были очень довольны» (87).

В другом месте Ганссер вместе с небольшим отрядом, потеряв дорогу и случайно выйдя на деревню аборигенов, в которой оказалось лишь 4 старика, заставил двоих из них «под конвоем омбаши (ефрейтора-аскари)» таскать воду (96).

Для человека, осознающего свое расовое превосходство и обладающего высоким статусом, дело обычно не ограничивается только приказами. Он должен (и даже стремится) еще и судить, и наказывать. Ганссер всё это делал, причем не без удовольствия. Так, при проведении геодезических работ после бегства нескольких выделенных ему людей этот обер-лейтенант при участии местного юмбе «устроил *шаури* (допрос-разбирательство)» (92).

На новый уровень судебная деятельность Ганссера вышла при вторичном приезде в Германскую Восточную Африку уже в звании гауптмана. Поставленный во главе округа Табора он дважды в неделю (среду и субботу) проводил бараццу (судебное разбирательство), на которую стекались толпы со своими тяжбами. Обычному человеку было бы, пожалуй, малоинтересно заниматься подобными делами, но не нашему герою. Наоборот, он с нескрываемой гордостью сообщает о том, что когда видит в Таборе тысячи людей, прибывающих со всех сторон света по его приказу, то еще больше ценит ту силу, ту власть, которой здесь обладает (168). Но Ганссер не только ценит силу и власть, ему нравится ее применять и выступать то в роли великодушного отца-хозяина, который заменяет цепи штрафом, то жесткого отца-хозяина, наказывающего ударами плетьюми или шамбоком (коротким кнутом), причем о количестве ударов, наложенных по его приказу, Ганссер докладывал лично аж губернатору колонии (257).

Колониальный офицер, считающий себя превосходящим туземцев по всем критериям, не может позволить уступить им ни в чем, а это почти неминуемо ведет к отсутствию критического самоанализа. Наш герой — не исключение.

Записи Ганссера, особенно эпистолярное наследие, яркое тому свидетельство. Во время службы гауптманом в его голове неоднократно рождались разного рода прожекты (строительство железной дороги (162), организация рынка при участии суданцев-аскари (176), бурение колодцев), осуществление которых должно было обеспечить процветание и принести доход округу Табора и всей Германской Восточной Африке. Особенно интересна была инициатива Ганссера по обеспечению колонии водой. Предполагалось, что скважины сначала следует делать в Таборе и округе, затем в узловых пунктах на караванных путях. Средства на приобретение оборудования, его транспортировку и проведение работ Ганссер планировал брать из той части налоговых сборов, которая оставалась в его распоряжении. Как правитель Таборы, как отец-защитник жителей города и округа он подчеркивал: бурение скважин должно показать местным жителям, что их налоги возвратятся обилием воды (212).

Помимо собственных прожектов, Ганссер поддерживал переводные начинания колониальной администрации, например по переводу зависимого населения с натуральных налогов на денежные.

Большинство проектов Ганссера оказались либо неосуществленными, либо лишь частично воплощенными в жизнь. Прежде всего, это коснулось планов по бурению колодцев. Ганссер сам выбрал фирму, которая должна была провести работы (Бопп и Рейтер из Мангейма), определил затраты в 2691 рейхсмарку и оформил заказ (212). Однако вскоре выяснилось, что эта сумма по каталогу, и в нее не входят доставка и страховка (216). В итоге расходы возросли до 4250 РМ, а затем и выше (229). Несмотря на существенное превышение первоначальных затрат, Ганссер подготовил транспортировку, договорился о камелях и быках, нашел носильщиков (229). Когда же долгожданный груз с бурильной установкой прибыл, Ганссер потратил целый вечер на то, чтобы высчитать, сколько колодцев придется пробурить на караванных путях, чтобы вернуть затраты, в том числе и личные. В итоге он пришел к выводу, что бурение невозможно, так как на обслуживающий персонал колониальная администрация не выделит ни пезы (258).

Не удалось осуществить и планы по организации рынка при участии отставных аскари из суданцев. Эта идея изначально была из области чистой фантазии, хотя бы на том основании, что уже рекрутирование суданцев всегда вызывало у германской администрации большие проблемы; Ганссер же предполагал дожидаться окончания их службы и задействовать в организации рынка и его охране. Кстати, немецкие власти в Восточной Африке уже в 1900 г. отказались от услуг суданцев в качестве аскари.

Столь же печальной оказалась участь проекта по переводу «похиженного» налога в денежную форму. Хотя, по словам Ганссера, в Таборе сбор податей проходил успешно и спокойно, но принимал он их в натуральной форме (176), чем на корню хоронил идею денежных платежей.

Справедливости ради следует заметить, что некоторые идеи Ганссера позже воплотились в жизнь и способствовали экономическому подъему региона, прежде всего строительство железной дороги, которая в 1912 г. связала Табору с Дар-эс-Саламом. Но это произошло уже после смерти нашего колониального офицера.

При отсутствии успехов в реализации задуманных проектов Ганссер не искал причины неудач в себе, объясняя их либо объективными обстоятельствами (медленное строительство

геодезических объектов он связывал с отсутствием квалифицированной рабочей силы, хороших дорог и дерева (80)), либо одиночеством. На разных страницах эго-источника мы находим следующие характерные записи: «...только сейчас я заметил, что совершенно одинок здесь» (147); «Почти нет помощников, всё надо делать самому, в одиночку — постоянные разъезды по 50 км в день, иногда приходится ездить и ночью» (206); «Вследствие недостатка европейцев я один делаю днем все практические дела, а ночью пишу отчеты, рапорты и все возможные и невозможные бумаги» (213); «Много сделано, пока я здесь, но я добился бы большего, будь со мной достаточно европейцев. В одиночку я не могу быть одновременно везде» (223).

Отмеченные выше настроения усиливала служба, особенно в период нахождения в Таборе: почти с первого дня пребывания, когда выяснилось, что его резиденция в городе — не мощное боме (укрепленный форт), а давно требующее ремонта сооружение с сырыми казармами, протекающей крышей и стенами, изъеденными термитами, а весь вверенный ему гарнизон состоит из 3 европейцев и 12 аскари, к тому же не очень дисциплинированными (170, 174).

Параллельно с самооправданиями у Ганссера нарастает неприязнь к высшей колониальной администрации в Дар-эс-Саламе, которую он считает повинной в своих неудачах. Так, узнав о хвалебных словах губернатора колонии из статьи, опубликованной в «Колониальном обозрении» за сентябрь 1900 г. («ревностный офицер, так много сделавший для такого сложного округа, как Табора»), Ганссер раздраженно пишет 3 декабря того же года: «И это всё? А где же мой патент? Сколько лестных слов, а где же дело? Где представление к ордену (как предшественника...) или к очередному званию?» (224). Это невнимание к нему (да и другим колониальным офицерам) особенно раздражало Ганссера на фоне раздачи наград, чинов и почестей за подавление боксерского восстания в Китае. «Боевая слава на полях Китая, — язвительно замечает он, — похоже тоже минула нас, бедных африканцев. Мы здесь, в Африке, ждем, может нас туда позовут?» (224). В итоге наш колониальный офицер оценивает свое служение так: «Много службы — мало чести» (229).

Раздражение Ганссера подпитывалось провалами проекта по бурению колодцев. В письме из Таборы от 22 июля 1901 г. политику «господ с побережья» (т. е. высшей колониальной администрации в Дар-эс-Саламе) по распределению средств он назвал чушью и идиотизмом (Blödsinn) (261).

Разочарованный, но не признавший собственных просчетов, Ганссер решает покинуть «опостылевшую» колонию и вернуться в армию. За помощью в апреле 1901 г. он обратился к королю Вюртемберга (244), после чего с нетерпением ожидал положительного решения. Получив таковое в ноябре того же года (270), Ганссер вскоре навсегда покинул Германскую Восточную Африку.

Выводы

Хронологически опубликованные дневник, письма и официальные документы Рудольфа Ганссера охватывают период с 1896 по 1902 г. На востоке Африки это время не только массовых антиколониальных выступлений (от арабского восстания 1889 г. до выступления маджи-маджи в 1902 г.), но и активного освоения Германией захваченных территорий в этой части Черного континента. Одним из типичных кайзеровских колонизаторов выступил и рассмотренный нами герой. Представления офицера Ганссера о своем служении в Африке и об аборигенах укладываются в традиционный для его времени дискурс: стремление служить Отчизне в колониях сочеталось с желанием карьерного роста и материального благополучия, патернализм в отношении местных жителей и чувство превосходства над ними вели к появлению и развитию расистских воззрений, что формировало соответствующее поведение. Для людей типа Ганссера колонии это помимо всего прочего — обширное поле для реализации самых разных проектов и служебной карьеры, а при провале проектов или при отсутствии продвижения по службе — нахождение самых разных объясняющих фактов, но только не признание, хотя бы частично, собственной вины за произошедшее. Такое поведение заканчивается нарастанием пессимистических настроений и, в конце концов, бегством из колонии.

Примечания

- ¹ См., напр.: *Дрекслер Х.* Юго-Западная Африка под германским колониальным господством, 1884—1915 / пер с нем. Нуйомы. М., 1987; *Ерусалимский А. С.* Колониальная экспансия капиталистических держав и освободительное движение народов Южной Африки и Китая в XVII—XIX вв. М., 1974; История германского колониализма в Африке / под ред. *А. Б. Давидсона*. М., 1983; *Лот Г.* Вторжение в Восточную Африку : пер. с нем. М., 1971; *Пегушев А. М., Туполев Б. М.* Восстание Маджи-Маджи. Становление и кризис германского колониального правления в Восточной Африке. М., 1994; *Фокин С. В.* Колониальная политика Германии в 1871—1941 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004; *Michael B.-Ud.* Die Prugelstrafe in den deutschen kolonien Afrikas. Mainz, 2011; *Schreiner A.* Zur Geschichte der deutschen Aussenpolitik, 1871—1945. B., 1978. Bd. 1 : Riss and Fall Colonial Empire, 1871—1918 ; и др.
- ² *Gansser R.* «Nicht als Abenteuerer bin ich hierhergekommen...» : Tagebücher und Briefe aus Deutsch-Ostafrika, 1896—1902. Frankfurt ; М., 1991.
- ³ *Калистратов А. Ю.* «Из Африки»: утраченные иллюзии // Новое прошлое / The new past. 2017. № 1. С. 34.
- ⁴ *Гуревич А. Я.* О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2—3. С. 21—36; *Корнев В. П.* Кризис исторической науки в России // Кентавр. 1994. № 4. С. 87—93; *Согрин В. В.* Российская история на переломе: причины, характер, следствие // Общественная наука и современность. 1994. № 1. С. 5—16.
- ⁵ См., напр.: *Буганов В. И.* Размышления о современной исторической науке // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 78, 79, 81; *Данилов В. П.* Современная российская историография: в чем выход из кризиса // Там же. 1993. № 6. С. 95; *Куманев В. А.* [Выступление на общем собрании отделения истории РАН] // Там же. 1993. № 4. С. 217; *Gurjewitsch A.* Sozialismus und Geschichte : die sowjetische Historie auf dem Weg von Marx zur Max Weber // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1991. 7. Sept.
- ⁶ См., напр.: *Голубев А. В.* «Подлинный лик заграницы»: образ внешнего мира в советской политической карикатуре, 1922—1941 гг. М., 2018; *Голубев А. В.* «Если мир обрушится на нашу Республику» : Советское общество и внешняя угроза в 1920—1940-е гг. М., 2008; *Голубев А. В.* «...Взгляд на землю обетованную» : из истории советской культурной дипломатии 1920—1930-х годов. М., 2004; *Голубев А. В.* «Немцы-то придут с машинами и с пулеметами?..» : Германия в восприятии советского общества 1920-х — начала 1930-х годов //

- Веймарская республика: история, историография, источниковедение : сб. науч. тр. / под ред. *В. Л. Черноперова*. Иваново, 2011. Вып. 5. С. 98—118 ; *Голубев А. В.* «Россия может полагаться лишь на саму себя» : представления о будущей войне в советском обществе 1930-х гг. // *Отечественная история*. 2008. № 5. С. 172—191 ; и др.
- ⁷ *Голубев А. В.* «Если мир обрушится на нашу Республику». С. 5.
- ⁸ Там же. С. 6.
- ⁹ О различиях между образами и стереотипами подробнее см.: *Егорова-Гатман Е., Плешаков К.* Концепция образа и стереотипа в международных отношениях // *Мировая экономика и международные отношения*. 1988. № 12. С. 19—33.
- ¹⁰ *Голубев А. В.* «Если мир обрушится на нашу Республику». С. 6.
- ¹¹ См., напр.: *Меметов В. С.* К первым итогам становления «интеллигентоведения» как самостоятельной отрасли научного знания // *Актуальные проблемы историографии отечественной интеллигенции : межвуз. респ. сб. науч. тр.* Иваново, 1996. С. 3—14 ; *Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции : коллектив. моногр.* / под ред. *В. С. Меметова*. Иваново, 2008 ; *Интеллигенция: вопросы теории и методологии : коллектив. моногр.* / под ред. *В. С. Меметова*. Иваново, 2010 ; *Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности : коллектив. моногр.* / отв. ред. *В. С. Меметов, В. Л. Черноперов*. Иваново, 2014 ; *Интеллигенция и интеллектуалы — такие разные... и похожие: проблемы самоопределения и деятельности в XX — начале XXI века : коллектив. моногр.* / отв. ред. *В. С. Меметов, В. Л. Черноперов*. Иваново, 2016 ; и др.
- ¹² Подробнее см.: *Усманов С. М.* Интеллигенция в социальных трансформациях процессов модернизации: особенности опыта Запада и Востока // *КЛИО*. 2011. № 5 (56). С. 14—17 ; *Буданова И. А., Усманов С. М., Черноперов В. Л.* Европейские интеллектуалы и российские интеллигенты XX столетия: особенности взаимодействия с обществом и властью // *Интеллигенция и мир*. 2015. № 4. С. 9—32 ; *Усманов С. М., Черноперов В. Л.* Вместо введения: российская интеллигенция и западные интеллектуалы в современном мире: модели социально-политического поведения // *Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности*. С. 8—28 ; *Усманов С. М., Черноперов В. Л.* Интеллигенция и интеллектуалы в современном мире: самоопределение, социальный профиль, судьба // *Интеллигенция и интеллектуалы — такие разные... и похожие*. С. 8—53.
- ¹³ *Оршиев А. Б.* Рец. на кн.: *Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности: коллектив. моногр.* / отв. ред. *В. С. Меметов, В. Л. Черноперов*. Иваново, 2014 //

- Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 5. С. 506—509 ; Сафронова Л. В., Хазина А. В. Интеллигенция и интеллектуалы такие разные... и похожие // Диалог со временем. 2018. № 62. С. 346—353.
- ¹⁴ Gansser R. «Nicht als Abenteuerer bin ich hierhergekommen...». S. 177. Далее ссылки на источник приводятся в тексте с указанием страниц в скобках.
- ¹⁵ Daubert H. «Nicht als Abenteuerer bin ich hierhergekommen...» : 100 Jahre Entwicklungs-«Hilfe» // Gansser R. Op. cit. S. 27.
- ¹⁶ Kolonien unter der Peitsche : eine Dokumentation / Hrsg. F. F. Muller. В., 1962. S. 243.
- ¹⁷ Страх перед плантацией Лева был связан с деятельностью управляющего Ф. Шрёдера. Этот «хозяйственник» арендовал у индийского работорговца Сева Хаджи 500 работников, но, не отработав должного срока, они, сначала по одиночке, а затем толпами стали убегать от Ф. Шрёдера, который не столько требовал zapредельной работы, сколько избивал их ради своего удовольствия. Этот «колониальный практик», вернее «колониальный садист», был близким другом К. Петерса, основателя колонии. Жалобы от индийских и арабских работорговцев на методы Шрёдера (невозможно продавать туда рабов из-за панического ужаса, который он внушал) потоком текли к германскому консулу. Также они жаловались, что Шрёдер арендовал сильных и здоровых рабов, вернул их изувеченными. Он вызвал первое серьезное восстание в колонии, которое сам же и жестоко подавил, принудив окрестности к повиновению, после чего стал называть себя верховным правителем. Теперь жалобы пошли и от немцев-плантаторов, миссионеров, но руководство Германской Восточной Африки считало методы Шрёдера для поддержания порядка правильными. Когда игнорировать жалобы от европейцев стало невозможно, Шредёр был удален с континента (Kolonien unter der Peitsche. S. 243).
- ¹⁸ Аскари в Германской Восточной Африке — это военнослужащий, рекрутированный из местного населения.
- ¹⁹ Külz L. Blätter und Briefe eines Arztes aus dem tropischen Deutschafrika. 2. Aufl. В., 1910. S. 47.

References

1. Budanova I. A., Usmanov S. M., Chernoperov V. L. Evropejskie intellektualy i rossijskie intelligenty XX stoletija: osobennosti vzaimodejstvija s obshchestvom i vlastju // Intelligenzija i mir. 2015. № 4.
2. Buganov V. I. Razmyshlenija o sovremennoj istoricheskoj nauke // Novaja i novejšhaja istorija. 1996. № 1.

3. *Danilov W. P.* Sovremennaja rossijskaja istoriografija: v chem vyhod iz krizisa // Novaja i novejšaja istoria. 1996. № 1.
4. *Daubert H.* «Nicht als Abenteuerer bin ich hierhergekommen...»: 100 Jahre Entwicklungs-«Hilfe» // *Gansser R.* «Nicht als Abenteuerer bin ich hierhergekommen...»: Tagebücher und Briefe aus Deutsch-Ostafrika, 1896—1902. Frankfurt ; M., 1991.
5. *Dreksler H.* Jugo-Zapadnaja Afrika pod germanskim kolonialnym gospodstvom, 1884—1915 / per. s nem. *Nujomy.* M., 1987.
6. *Egorova-Gatman E., Plechakov K.* Koncepzija obraza i stereotipa v mezhduнародnyh otnoshenijah // Mirovaja ekonomika i mezhduнародnye otnoshenija. 1988. № 12.
7. *Erusaliskij A. S.* Kolonialnaja ekspansija kapitalisticheskikh derzhav i osvoboditelnoje dvizhenije narodov Ujzhnoji Afriki i Kitaja v XVII—XIX vv. M., 1974.
8. *Fokin S. V.* Kolonialnaja politika Germanii v 1871—1941 gg. : dis. ... d-ra ist. nauk. M., 2004.
9. *Gansser R.* «Nicht als Abenteuerer bin ich hierhergekommen...»: Tagebücher und Briefe aus Deutsch-Ostafrika, 1896—1902. Frankfurt ; M., 1991.
10. *Golubev A. V.* «Esli mir obrushitsja na nashu Respubliku» : Sovetskoje obshchestvo i vneshnjaja ugroza v 1920—1940-e gg. M., 2008.
11. *Golubev A. V.* «Nemzy-to pridut s mashinami i s pulemjetami?..» : Germania v vosprijatii sovetskogo obshchestva 1920-h — nachala 1930-h godov // Weimarsraja respublika: istorija, istoriografija, istochnikovedenie : sb. nauch. tr. / pod red. *V. L. Chernoperova.* Ivanovo, 2011. № 5.
12. *Golubev A. V.* «Podlinnyj lik zagranicy» : obraz vneshnego mira v sovetskoj politicheskoj karikature, 1922—1941 гг. M., 2018.
13. *Golubev A. V.* «Rossija mozhet polagatsja lish na sebja» : predstavlenija o budushchej vojne v sovetskom obshchestve 1930-h gg. // Otechestvennaja istorija. 2008. № 5.
14. *Golubev A. V.* «...Wzgljad na zemlju obetovannuju» : iz istorii sovetskoj kulturnoj diplomatii 1920—1930-h godov. M., 2004.
15. *Gurjewitsch A.* Sozialismus und Geschichte: Die sowjetische Historie auf dem Weg von Marx zur Max Weber, Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1991. 7. Sept.
16. *Gurjewitsch A. Ja.* O krizise sovremennoji istoricheskoi nauki // Voprosy istorii. 1991. № 2—3.
17. Intelligenzija i intellektualy — takije raznye... i pohozihe: problemy samoopredelenija i dejatelnosti v XX — nachale XXI veka : kolektiv. monogr. / otv. red. *V. S. Memetov, V. L. Chernoperov.* Ivanovo, 2016.

18. Intelligenzija i intellektualy v izmenjajushchejsja socialno-politicheskoj dejstvitelnosti : kolektiv. monogr. / otv. red. *V. S. Memetov, V. L. Chernoperov*. Ivanovo, 2014.
19. Intelligenzija: voprosy teorii i metodologii : kolektiv. monogr. / pod red. *V. S. Memetova*. Ivanovo, 2010.
20. Istorija germanskogo imperialisma v Afrike / pod. red. *A. D. Davidsona*. M., 1983.
21. *Kalistratov A. Ju.* «Iz Afriki» : utrachennye illjuzii // *Novoje proshloje / The new past*. 2017. № 1.
22. *Kolonien unter der Peitsche: Eine Dokumentation / Hrsg. F. F. Muller*. B., 1962.
23. *Kornev V. P.* Krizis istoricheskoi nauki v Rossii // *Kentavr*. 1994. № 4.
24. *Kumanev V. A.* Wystuplenije na obshchem sobranii otdelenija istorii RAN // *Novaja i novejschaja istoria*. 1996. № 1.
25. *Külz L.* Blätter und Briefe eines Arztes aus dem tropischen Deutschafrika. 2. Aufl. B., 1910.
26. *Lot G.* Vtorzhenije v Vostochnuju Afriku / per. s nem. M., 1971.
27. *Memetov V. S.* K pervym itogam stanovlenija «intelligentovedenija» kak samostojatelnoj otrasli nauchnogo znanija // *Aktualnye problemy istoriografii otechestvennoj intelligenzii : mezhvuz. resp. sb. nauch. tr.* Ivanovo, 1996.
28. *Michael B.-Ud.* Die Prugelstrafe in den deutschen kolonien Afrikas. Mainz, 2011.
29. *Orichev A. B.* Rez. na kn.: Intelligenzija i intellektualy v izmenjajushchejsja socialno-politicheskoj dejstvitelnosti : kolektiv. monogr. / otv. red. *V. S. Memetov, V. L. Chernoperov*. Ivanovo, 2014 // *Mtzhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamentalnyh issledovanij*. 2015. № 5.
30. *Pegushev A. M., Typolev B. M.* Vosstanije Madzhi-Madzhi. Stanovlenije i krizis germanskogo kolonialnogo pravlenija v Vostochnoj Afrike. M., 1994.
31. *Problemy teorii i metodologii issledovanija intelligenzii* : kolektiv. monogr. / pod red. *V. S. Memetova*. Ivanovo, 2008.
32. *Safronova L. V., Hasina A. V.* Intelligenzija i intellektualy — takije raznye... i pohozhije // *Dialog so vremenem*. 2018. № 62.
33. *Schreiner A.* Zur Geschichte der deutschen Außenpolitik, 1871—1945. B., 1978. Bd. 1 : Riss and Fall Colonial Empire, 1871—1918.
34. *Sogrin V. V.* Rossijskaja istorija na perelome: prichiny, harakter, sledstviije // *Obshchestvennaja nauka i sovremennost*. M., 1994.
35. *Usmanov S. M.* Intelligenzija v socialnyh transformacijah prozessov modernizacii: osobennosti opyta Zapada i Wostoka // *KLIO*. 2011. № 5 (56).

Ю. Б. Костякова

**СИБИРСКИЙ ОБЛАСТНИК Н. М. ЯДРИНЦЕВ
О «КОРЕННОЙ» И «ПРИШЛОЙ» СИБИРСКОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**
(По письмам к Г. Н. Потанину за 1872—1873 гг.)

Введение в проблему исследования

В начале 1870-х гг. слово «интеллигенция» только входило в публичный оборот. И сам термин, и обозначавшийся им социальный слой населения были предметом не менее бурных дискуссий, чем в конце XX — начале XXI в. Так же как и современные ученые, авторы публицистических произведений спорили о том, кого именно и по каким критериям включать в число интеллигентов. Участие в этой дискуссии принимал и лидер сибирского областничества Н. М. Ядринцев.

Согласимся с мнением М. В. Шиловского о том, что предпосылки к появлению сибирского областничества возникли в первой половине XIX в., в связи с развитием сибирских городов и ростом городского населения, расширением системы гимназий и училищ, обусловившими увеличение количества образованных людей, из числа которых сформировался «областнический актив»¹. Лидеры и сторонники областничества выступали за уравнивание Сибири в правах с европейской частью страны, ликвидацию ее колониального статуса, за отмену ссылки, развитие в регионе системы образования и культуры, справедливое решение «инородческого» вопроса. Формирование же сибирской интеллигенции являлось одним из важнейших вопросов программы и практической деятельности рассматриваемого движения.

© Костякова Ю. Б., 2018

Костякова Юлия Борисовна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры стилистики русского языка и журналистики Института филологии и межкультурной коммуникации Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. uka29@yandex.ru

Областников по возрасту, социальному происхождению, образу мыслей, на наш взгляд, можно отнести к той части пореформенного поколения интеллигенции (по классификации А. В. Соколова²), которая следовала идеям народничества. Они были разночинцами, в большинстве своем представителями гуманитарной интеллигенции. Многие активно сотрудничали с периодическими изданиями, используя их для пропаганды «сибирефильских» взглядов и знаний о сибирском регионе, для выражения своего отношения к различным явлениям действительности, в том числе изложения позиции о сущности и задачах интеллигенции. Последний вопрос имел особую важность, поскольку представителям этого социального слоя отводилась главная роль в реализации областнических идей.

Высказывания Н. М. Ядринцева, как одного из идейных вдохновителей этого общественно-политического движения, оказывали влияние на формирование мнения областников. Следовательно, изучение взглядов лидера областничества позволяет составить представление о динамике воззрений сибирских регионалистов на «коренную» и «пришлую» интеллигенцию, а также о процессе становления интеллигентской среды в Сибири.

Свое отношение к интеллигенции в целом и отдельным ее группам Н. М. Ядринцев высказывал в статьях и письмах, адресованных, в том числе, другу и единомышленнику Г. Н. Потанину. Находясь в ссылке в 1868—1874 гг. в г. Шенкурск Архангельской губернии, областник вел активную публицистическую и исследовательскую деятельность, печатался в столичных журналах «Дело», «Отечественные записки», «Беседа», «Азиатский вестник», в казанской «Камско-Волжской газете», издал монументальный труд «Русская община в тюрьме и ссылке» (1872). Но статьи и другие опубликованные им в это время работы в силу цензурных и тематических ограничений не отражают в полной мере его представления об интеллигенции. Вместе с тем письма, адресованные другу, содержат значительный объем интересующей нас информации: по ним можно увидеть ход рассуждений автора, его реакцию на происходящие события, прочитанные книги, людей. Кроме того, такие послания, созданные в период с 20 февраля 1872 г. по 8 апреля 1873 г., позволяют проследить мотивацию обращения автора к теме интеллигенции.

Отрывки из писем, написанных в период ссылки, благодаря стараниям журналиста Т. М. Фарафоновой и при поддержке адресата — Г. Н. Потанина — впервые появились в газете «Восточное обозрение» в 1902—1903 гг. Позже их использовали в своих работах первые биографы Н. М. Ядринцева, в частности М. К. Лемке. В 1916—1918 гг. письма публиковались в красноярском журнале областного направления «Сибирские записки», а в 1918 г. были изданы отдельным сборником. Перевод его в цифровой формат предоставил возможность свободного обращения к данным источникам и их комплексного исследования. Ценность анализируемых писем Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину определена и тем, что они лишены излишнего пафоса, характерного для народнической публицистики рассматриваемого периода, содержат реалистичные и точные характеристики интеллигенции начала 1870-х гг., свидетельствуют о попытке автора объективно взглянуть на нее.

Космополитизм vs патриотизм

Николай Михайлович Ядринцев являл собой яркий пример «критически мыслящей личности». По мнению одного из идеологов народничества — П. Л. Лаврова, именно такие личности, «выработавшие в себе критическую мысль», приобретали «право быть деятелями прогресса, право бороться с отжившими общественными формами»³. Это право и способность Ядринцев воплотил в своих произведениях.

Занятие умственным трудом, преимущественно публицистической и научной деятельностью, активная гражданская позиция позволяют отнести Николая Михайловича к интеллигентской среде. Но главным, как мы считаем, здесь является осознание себя частью этой среды, чего не наблюдалось у Н. М. Ядринцева в рассматриваемый период. Во многих письмах 1872—1873 гг. он не только не идентифицировал себя с современной ему интеллигенцией, но демонстрировал критическое отношение и даже откровенное пренебрежение к тем, кого он относил к данному социальному слою.

Поэтому, как нам видится, необходимо следовать рекомендации Э. Б. Ершовой: не сводить российскую интеллигенцию

к единому шаблону, «изучать ее по отдельности, и даже по личностям с разных сторон», учитывая ее «объемность» и многоаспектность «вклада во все сферы жизни общества»⁴. Опираясь на данную позицию, мы попытались выяснить, почему в исследуемый период Н. М. Ядринцев подходил с критических позиций к оценке современной ему интеллигенции и что определяло его отношение к представителям «коренной» (сибирской) и «пришлой» интеллигентской среды.

Интересно, что публицист редко использовал модный в то время термин «интеллигенция», обозначая представителей этого социального слоя более понятным словосочетанием «образованные люди». Наличие образования, преимущественно университетского, являлось для него одним из основных критериев, позволявших включать конкретного человека или целую группу людей в число интеллигентов. Но не менее важное значение он придавал и патриотизму, понимая его как стремление служить интересам местного общества. «Чтобы осуществлять идею, надо место, лицо, которое и полюбишь, а не пустое пространство, — полагал областник. — Надобно любить очень горячо то, для чего работаешь, а не общую филантропию»⁵.

Противоположностью патриота для него был космополит — человек «без места, без дела, без среды». Одним из признаков столь ненавистного ему космополитизма Н. М. Ядринцев считал пренебрежение интеллигенции, и не только столичной, к провинции, особенно к той, которая обобщенно именовалась «восточной». Это отношение проявлялось в научных трудах, в литературе, публицистических и журналистских произведениях.

Особенно явственной подобная ограниченность кругозора стала весной 1873 г., когда после похода русских войск на Хиву в прессе развернулась дискуссия о способах взаимодействия Империи со Средней Азией. В столичной печати главенствовало и многократно копировалось милитаристское мнение о том, что разговор с Востоком должен вестись с позиций силы. Отмечая заимствованный характер высказываний столичных «прогрессистов», Н. М. Ядринцев иронизировал, что их удел — «всегда довольствоваться материалом и обрывками соображений с задних дворов официальности, из сокровищницы околоточных надзирателей». Такие интеллигенты, по мнению публициста, проповедовали

западные теории демократии. Замкнувшись в своих кабинетах, они с презрением относились ко всему «посредствующему» (невыдающемуся. — Ю. К.) и думали только о «бельведере» (прекрасных идеалах), не обращая внимания на актуальные задачи жизни⁶.

Тем не менее, неразвитость провинциальной, и прежде всего сибирской, прессы во второй половине XIX в. обеспечивала авторитет столичных журналистов, демонстрировавших читателям и региональным коллегам свое пренебрежение к провинции. Особенно оно было заметно в газетных фельетонах, где авторы рассматривали провинциальную жизнь как материал для курьезов: «А вы слышали, там-то мировой плюху дал... а вон женщину растлили, а вон мужика задрали, а вон в клубе земледельцы подрались»⁷. Но объектом внимания как столичных, так и местных корреспондентов чаще всего становились те, кого Н. М. Ядринцев именовал по-сибирски «кадыками»⁸, то есть полубразованные «верхние слои» провинциального общества. Жизнь провинции в целом, простого народа, важные местные события (а не только скандальная хроника) оставались вне интересов авторов газетных публикаций.

Причину такого проявления столь ненавистного ему космополитизма Н. М. Ядринцев видел, в частности, в особенностях имперской системы образования, которая прививала в школах и гимназиях «централизаторские» идеи. Она не приветствовала связь с народом, от которого будущие «образованные люди», получая подобное воспитание, а в дальнейшем и привилегии, всё более отдалялись. В результате, они стремились туда, где «свет и жизнь», «где кипит умственный интерес, где сосредоточиваются образованные кружки». Провинция же, с ее 70-миллионным населением, лишенная собственной интеллигенции, оставалась синонимом «невежества, тупости, скотской жизни и скопища злоупотреблений»⁹.

Пропаганда таких взглядов в прессе формировала у жителей, в том числе и далеких от столицы регионов, превратные представления о малой родине, заставляла стремиться туда, «где любят нас, где платят нам», в том числе, как мы считаем, усиливала эмиграцию россиян в Европу и Америку. Выход из создавшегося положения Н. М. Ядринцев видел в развитии прогрессивной местной прессы, провинциальной журналистики, нацеленной

не на развлечение, а воспитание читателей. Выполняя эту функцию, региональные издания, по убеждению публициста, должны были знакомить аудиторию с лучшими образцами литературы, прививать эстетический вкус, расширять кругозор, объяснять суть мировых и общегосударственных событий через призму местных вопросов. В итоге такая деятельность прессы стимулировала бы появление новых творческих сил, а также местной («коренной») интеллигенции, способной и желающей трудиться на благо провинции.

Переходя от общей теории к частным вопросам, например к проблеме подготовки местных литературных кадров, Н. М. Ядринцев признавал, что для этого мало лишь любви к родине. Он считал, что литератор (журналист) в своем понимании провинциального интереса должен стоять выше «толстобрюхого представителя ратуши, обладавшего правом строить фонари и окрашивать мост государственным цветом». Поэтому, чтобы воспитать человека патриотом, необходимо обеспечить ему интеллектуальное развитие, сформировать у него «более широкое мирозерцание», дать теоретическое и историческое воспитание, основанное на изучении опыта других стран в решении местных вопросов. Иначе «один инстинкт и привязанность к месту, интерес к обыденной жизни, — размышлял областник, — ничего еще не сделает, но заставит любить только провинциальный “ерофеич” и местную икру»¹⁰.

Анализ писем позволил констатировать, что Н. М. Ядринцев был одним из тех, кто в 1870-е гг. обосновал необходимость так называемого «культурного народничества», «идеология которого сводилась к теориям “малых дел” и “среднего человека”». Расцвет этого движения пришелся на рубеж 1870—80-х гг., но в последнее десятилетие XIX в. его популярность упала¹¹. В программах же сибирских областников вплоть до Февральской революции такое направление деятельности, чаще всего обозначавшееся термином «культуртрегерство» (с нем. — культурная работа), оставалось одним из основных и имело ярко выраженный регионально-патриотический аспект.

Но в рассматриваемый период программа Н. М. Ядринцева по воспитанию у «образованных людей» зауральской провинции «сибирефильства» находилась еще в стадии формирования. Ост-

ро стоял вопрос о выборе примера, на который могли бы равняться те, кто хотел приложить свои усилия на благо малой родины. Нарождающаяся разночинная интеллигенция была разрозненной и неустойчивой в своих воззрениях, увлекалась марксизмом, идеями «эмансипации труда» и другими новомодными теориями. Поэтому образцом подражания для многих оставалась столичная интеллигенция — старая дворянская («барская») и новая прогрессивная («западническая»), воспитанная на «централизаторских теориях французских реформаторов». Последняя, как мы считаем, вызвала наибольшее раздражение у Н. М. Ядринцева и служила одной из главных причин, по которым он не признавал себя интеллигентом.

«Болезненное восприятие русскими интеллигентами проблемы “европейничанья”», ставшее наиболее заметным со второй половины XIX в., — как считает В. В. Возилов, — было вызвано популярностью среди молодежи нигилизма¹². Это острое неприятие «западников», их поклонения перед цивилизованной Европой характерно и для Н. М. Ядринцева. «Европеизированности» таких представителей интеллектуальной элиты общества областник противопоставлял свою «сибирскость» — духовную и физическую принадлежность к зауральской провинции.

А. А. Данилов и В. С. Меметов справедливо заметили, что «интеллигент в условиях провинции всегда был явлением довольно редким», что позволяло ему сохранять свою индивидуальность и, в то же время, стремиться «социализировать мир провинции, наделить его новыми культурными качествами и свойствами»¹³. Эта провинциальная индивидуальность, в том числе самостоятельность мышления и действий, в полной мере была присуща Н. М. Ядринцеву. Но она же, как мы считаем, иногда мешала ему быть объективным, мыслить шире устоявшихся «местечковых» представлений о мире.

«Навозная», «летучая» и «ташкентская» интеллигенция

Анализ писем показал, насколько важное значение областник придавал проблеме воспитания сибирской интеллигенции, которая в рассматриваемый период находилась в стадии становления. Несформированность интеллигентской среды публицист

считал одним из главных препятствий на пути развития Сибири. В то же время, его отношение к возможности пополнения этой среды за счет «пришлой интеллигенции»¹⁴ было двойственным. Н. М. Ядринцев осознавал необходимость расширения в сибирском регионе слоя «образованных людей», признавал заслуги декабристов и некоторых других сосланных в Сибирь людей в деле просвещения местных жителей, создания зачатков сибирской культуры. Но он не мог отойти от сформированного с детства восприятия ссыльного. Для него это был «человек без народной веры, без любви к среде, в которой живет, это человек без отечества, у которого вечно кипит ад в сердце». Такой интеллигент, попавший в Сибирь не по своей воле, мог прикрывать свои истинные чувства любовью к идеалу, желанием блага людям. Но при этом он проклинал и ненавидел то место, куда был сослан и откуда стремился вырваться¹⁵.

Эта ненависть, по мнению Н. М. Ядринцева, мешала ссыльным «образованным людям» адекватно воспринимать Сибирский край и его жителей, что выражалось, в частности, в негативной характеристике, которую они давали местному населению: «Сибиряки грубы, немилосердны, мошенники, против российских людей далеко не будут по доброте сердечной, они скупы безмерно, не жалостливы, бессердечны». Это мнение далее тиражировалось в публицистических и научных статьях: «Сибиряки — зубоскалы, сплетники и насмешники. Ссыльных высокого образования и высокообразованного — западного типа не ценят, их зло осмеивают и презирают»¹⁶. В результате формировалось общественное мнение, негативно настроенное по отношению к сибирскому населению и не учитывавшее причины сложных взаимоотношений сибиряков и вынужденных переселенцев.

Н. М. Ядринцев в рассматриваемых письмах излагал взгляд сибирского жителя на «пришлых», для обозначения которых использовал яркое и емкое слово «навоз». Под ним, как мы определили, он подразумевал: 1) приезжих, в том числе ссыльных; 2) сброд карьеристов, скандалистов и шулеров; 3) «абсентеистов», разочарованных Сибирью; 4) местных обитателей неизвестного происхождения — от бродяг до новых предпринимателей, хищнически разграблявших регион. Используя словосочетание «навозная интеллигенция»¹⁷, публицист был более конкретен,

имея в виду тех «образованных людей», сосланных или приехавших в Сибирь по своей воле, которые развращали местное население и подавали пример «своекорыстным инстинктам»¹⁸.

Такое отношение к «пришлой интеллигенции» было характерно не только для Н. М. Ядринцева, но и для Г. Н. Потанина и некоторых других областников. Оно находило отражение в их произведениях, а также в дискуссиях о будущем Сибири. Пытаясь объяснить причины этого, современники делали вывод о том, что «в этой резкости формулировок сказывается какая-то большая и скрытая от читателя полоса переживаний, невольно прорывающаяся наружу, когда ее неосторожно коснется чужая рука»¹⁹.

Эта подсказка заставляет искать причины категоричности оценок Н. М. Ядринцевым «пришлой» интеллигенции в его отношении к Сибири. Люди, лично знавшие Николая Михайловича, отмечали, что «это был цельный человек без „надлома“». Любовь к родине и борьба за ее счастье — были девизом его жизни и делом, заполнившим эту жизнь всю без остатка»²⁰. Поэтому, естественно, что любое действие или высказывание, наносившее вред его малой Родине, он воспринимал эмоционально и болезненно. Это выражалось в резких, подчас категоричных оценках и оскорбительных эпитетах, которые в достаточном количестве можно встретить в изученных письмах.

В своих статьях, например, опубликованных в рассматриваемый период в «Камско-Волжской газете» (г. Казань), публицист был более сдержанным и ироничным, именуя такую «пришлую» интеллигенцию «летучей». Она, не связанная с провинцией «местом рождения, земельной или недвижимой собственностью», кочевала по губерниям по собственному желанию или получая новое назначение, оставляя после себя невыполненные «прожекты» и неоправданные ожидания. «Летучая интеллигенция» в значительной части своей была корыстна, искала выгоду во всем, за что и получила от М. Е. Салтыкова-Щедрина насмешливое прозвище «ташкентцы» (синоним «хищники». — Ю. К.).

Основным недостатком «интеллигентного ташкентства» Н. М. Ядринцев считал «отсутствие всякой любви, привязанности к какой-либо местности и связи с каким-нибудь живым и действительно народным интересом»²¹. Следовательно, главной причиной его неприятия «пришлых» интеллигентов являлся

их космополитизм. Сталкиваясь с примерами «ташкентства», он переносил свое негативное отношение к отдельным персонажам на большую часть приезжей интеллигенции, выводя это на уровень целого явления, характерного для провинциальной жизни. Усиление миграции жителей европейской части Империи в Сибирь, которое произошло в пореформенный период, сделало данное явление особенно заметным. Это, в свою очередь, стимулировало обращение сибирского областника к размышлениям о перспективах развития «коренной» интеллигенции и способах нивелирования влияния на местное общество космополитически настроенных «пришлых» «образованных людей».

Заключение

Анализ «Писем...» позволил сделать вывод о том, что для публициста главной была не социальная, а региональная идентичность, принадлежность не к социальному слою (классу, группе), а к региональному сообществу, которое он называл «сибирскими патриотами». Для него эта категория людей была более понятна и близка, чем современная ему интеллигенция. Ее разобщенность из-за возрастных, социальных, идейных и других различий заставляла лидера областников со значительной долей скепсиса относиться к возможностям решения ею актуальных вопросов общественной жизни. Главным недостатком такой столичной «элиты» он считал космополитизм — равнодушие и даже презрение к провинции, особенно сибирской, и ее жителям. Именно эти качества пореформенной интеллигенции, как мы считаем, не позволяли Н. М. Ядринцеву относить себя к ее представителям.

Безусловно, оценки «образованных людей» Николаем Михайловичем были во многом субъективными и вызваны, в том числе, болезненной реакцией на непонимание ими народа, нужд Сибири и потребностей ее населения. По этой же причине его отношение к возможности пополнения местной интеллигентской среды за счет «пришлых» (ссылных, присланных в Сибирь чиновников) было двойственным. Публицист признавал необходимость формирования провинциальной интеллигенции, предлагал пути решения проблем, связанных с этим процессом. Но вместе

с тем он считал, что человек, вынужденный переселиться в Сибирь не по своей воле, не сможет искренне полюбить этот край и принести ему пользу.

Особое негодование у него вызывало презрительное равнодушие журналистов ко всему «нестоличному», которое поддерживало устойчивое мнение о том, что настоящая культурная жизнь, наука, просвещение возможны лишь в «центре», куда и следует стремиться. Как свидетельствуют изученные нами письма, одной из важнейших сфер приложения усилий интеллигенции на благо провинции Н. М. Ядринцев считал ее активное участие в публикаторской деятельности. Занятие творчеством (публицистическим, научным, литературным) являлось средством достижения поставленной цели — решения «сибирского» вопроса через: 1) формирование общественного мнения, лояльного к Сибири; 2) расширение у читателей круга знаний и представлений о регионе; 3) оказание психологического давления на властные структуры и отдельных их представителей. Пример такого поведения показал и сам Н. М. Ядринцев, который служение Сибири ставил выше собственных интересов: «Стоя на распутье между шикарной дорогой петербургского журналиста и скромной провинциальной деятельностью, я никогда не задумаюсь, что мне предпочесть... Провинция — будущее»²².

Примечания

- ¹ *Шиловский М. В.* Сибирское областничество в общественно-политической жизни региона во второй половине XIX — первой четверти XX в. Новосибирск, 2008. С. 23.
- ² *Соколов А. В.* Интеллигенты и интеллектуалы в российской истории. СПб., 2007. С. 104.
- ³ *Лавров П. Л.* Исторические письма // Лавров П. Л. Философия и социология : избр. произв. : в 2 т. М., 1965. Т. 2. С. 130.
- ⁴ *Ершова Э. Б.* Современные исследования о российской интеллигенции XX — начала XXI века // Интеллигенция и мир. 2014. № 2. С. 53.
- ⁵ Письма Н. М. Ядринцева к Г. Н. Потанину. Красноярск, 1918. Вып. 1. С. 170.
- ⁶ Там же. С. 207, 208.
- ⁷ Там же. С. 204.

- ⁸ В Сибирь слово «кадык» пришло вместе с уголовными ссыльными. На тюремном сленге (блатном жаргоне) оно означает «авторитет», «авторитетный человек». Учитывая негативное отношение сибиряков к уголовным ссыльным, слово приобрело негативную коннотацию и использовалось для обозначения людей, которые имели в обществе формальный авторитет, но вызывали своим поведением и образом жизни возмущение и презрение.
- ⁹ Письма Н. М. Ядринцева... С. 54.
- ¹⁰ Там же. С. 222.
- ¹¹ *Мокин Г. Н.* «Культурное» или «культурническое» народничество? : (о значении понятий в истории отечественного народниковедения) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4, История. 2016. № 1 (37). С. 66.
- ¹² *Возилев В. В.* Проблема подражания Европе в спорах русских интеллигентов XIX века // Интеллигенция и мир. 2011. № 2. С. 77.
- ¹³ *Данилов А. А., Меметов В. С.* Сущностные черты интеллигенции российской провинции // Интеллигент в провинции : тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 1997. Вып. 1. С. 85.
- ¹⁴ Термин «пришлая интеллигенция» был введен в научный и публицистический оборот известным философом, историком и публицистом А. П. Щаповым. По цензурным соображениям он был вынужден использовать его для обозначения политических ссыльных или государственных преступников, имевших достаточно высокий социальный статус, уровень образования и интеллекта, в сравнении с общей массой высланных в Сибирь преступников.
- ¹⁵ Письма Н. М. Ядринцева... С. 127.
- ¹⁶ Там же. С. 126—127.
- ¹⁷ Поскольку в рассматриваемых письмах отсутствует авторское ударение в словосочетании «навозная интеллигенция», то это выражение можно понимать в двух значениях: 1) навозная — привезенная в Сибирь (ссыльные), пришлая (в т. ч. чиновники, предприниматели); 2) навозная — презираемая автором за совершенные преступления, за негативное влияние на местное население (развращение, заражение пороками), за пренебрежение к местным жителям и их обычаям.
- ¹⁸ Письма Н. М. Ядринцева... С. 128.
- ¹⁹ *Колосов Е.* Сибирские областники о пришедшей и краевой интеллигенции // Сибирские записки. 1916. № 3. С. 206—220, 214.
- ²⁰ *Ландарма [Козьмин Н. Н.]*. По поводу писем Н. М. Ядринцева // Сибирские записки. 1916. № 2. С. 71.

- ²¹ Ядринцев Н. М. Летучая интеллигенция // Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов Н. М. Ядринцева. Красноярск, 1919. С. 94, 95, 97.
- ²² Письма Н. М. Ядринцева... С. 228.

References

1. *Danilov A. A, Memetov V. S. Sushchnostnye cherty intelligentsii rossiyskoy provintsii // Intelligent v provintsii : tez. dokl. vseross. nauch.-prakt. konf. Yekaterinburg, 1997. Vyp. 1.*
2. *Kolosov Ye. Sibirskie oblastniki o prishloy i kraevoy intelligentsii // Sibirskie zapiski. 1916. № 3.*
3. *Landarma [Kozmin N. N.]. Po povodu pisem N. M. Yadrintseva // Sibirskie zapiski. 1916. № 2.*
4. *Lavrov P. L. Istoricheskie pisma // Filosofiya i sotsiologiya : izbrannye proizvedeniya : v 2 t. M., 1965. T. 2.*
5. *Mokshin G. N. «Kulturnoe» ili «kulturnicheskoe» narodnichestvo? (o znachenii ponyatiy v istorii otechestvennogo narodnikovedeniya) // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4, Istoriya. 2016. № 1 (37).*
6. *Pisma N. M. Yadrintseva k G. N. Potaninu. Krasnoyarsk, 1918. Vyp. 1.*
7. *Shilovskiy M. V. Sibirskoe oblastnichestvo v obshchestvenno-politicheskoy zhizni regiona vo vtoroy polovine XIX — pervoy chetverti XX v. Novosibirsk, 2008.*
8. *Sokolov A. V. Intelligenty i intellektualy v rossiyskoy istorii. SPb., 2007.*
9. *Vozilov V. V. Problema podrazhaniya Yevrope v sporakh russkikh intelligentov XIX veka // Intelligentsiya i mir. 2011. № 2.*
10. *Yadrintsev N. M. Letuchaya intelligentsiya // Sbornik izbrannykh statey, stikhotvorenyy i feletonov N. M. Yadrintseva. Krasnoyarsk, 1919.*
11. *Yershova E. B. Sovremennye issledovaniya o rossiyskoy intelligentsii XX — nachala XXI veka // Intelligentsiya i mir. 2014. № 2.*

Иеромонах Тихон (Захаров), Ю. А. Иванов

**«ШУЙСКИЙ» ПЕРИОД ИОАКИМА ШАРТОМСКОГО —
ПОДВИЖНИКА БЛАГОЧЕСТИЯ
И ИКОНОПИСЦА XVII ВЕКА**

История почитания Иоакима Шартомского

Из среды русского православного монашества выросла целая плеяда подвижников благочестия, святителей и просветителей, которые не получили общероссийской известности, но в силу разных причин так и остались чтимыми в основном на региональном уровне. К их числу можно отнести преподобного Иоакима Шартомского — одного из наиболее известных местночтимых святых Шуйской земли, жившего в конце XVI — первой трети XVII в. Он особенно почитался в тех местах, где нес свои монашеские подвиги: в расположенном близ Шуи Никольском Шартомском монастыре и Суздале. В святцах он записан в числе Ростовских святых¹. О современном почитании преподобного Иоакима и интересе к его личности свидетельствуют несколько обширных агиографических исследований, опубликованных в последние годы². Инокю также посвящена статья в Православной энциклопедии³. Имя преподобного Иоакима Шартомского ныне находится в числе ивановских святых, молитвенная память ему творится на владимиру-суздальской земле, в Ростове.

Жизнеописание преподобного, датируемое первой половиной XVIII в., кратко, но весьма выразительно описывает его духовный облик: строгий аскет, живущий в затворе, непрестанно пребывающий в глубокой молитве и постничестве. Автор

© Иеромонах Тихон (Захаров), Иванов Ю. А., 2018

Иеромонах Тихон (Захаров Сергей Юрьевич) — аспирант кафедры церковной истории Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Москва. m-mikhon@yandex.ru

Иванов Юрий Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и права Шуйского филиала Ивановского государственного университета. iv_shuya@mail.ru

агиографического исследования о шуйских неканонизированных святых, выпускник Шуйского духовного училища священник и духовный писатель Н. М. Миловский (1861—1927) небезосновательно приписывает Иоакиму ученичество у преподобного Иринарха Ростовского, подвизавшегося в Борисоглебском монастыре, что на Устье⁴, или же, по крайней мере, Иоаким изначально жил в ростовских землях.

Преподобный Иринарх Ростовский — выдающаяся личность в истории русской святости: сорок лет он жил в затворе, носил тяжелые вериги и цепи, был молитвенником за Русь в годину Смуты. Считается, что у преподобного Иринарха были последователи — так называемые «подражатели подвига», и одним из них назван затворник Иоаким. Как предполагал Н. М. Миловский, из ростовских земель инок Иоаким перебирается в не слишком заметный Никольский монастырь близ Шуи, причем обитель на Шартоме в 1619 г. сильно пострадала от набега шайки пана Лисовского и была почти полностью разорена. С момента жительства инока Иоакима в Шартомском монастыре его имя и стало известным.

Чудотворные иконы Иоакима Шартомского

Иоаким был знаменит не только как подвижник, но и как выдающийся иконописец. В жизнеописании инока говорится, что от написанных им образов происходили многочисленные чудотворения, причем многие исцеления от икон случились вскоре после их написания. Явление, представляющееся современному человеку почти фантастическим, в начале XVII в. казалось весьма обыденным: только от Вязниковской-Казанской иконы кисти преподобного Иоакима было зафиксировано и записано двести шестьдесят три чудесных исцеления⁵.

Ныне известны, по крайней мере, четыре Богородичные иконы, принадлежащие кисти преподобного Иоакима, все они созданы в Шартомском монастыре. В 1619 г. для Спасской церкви в Шуе им была написана Кипрская икона Богородицы. В 1622 г. по заказу княгини И. Мстиславской преподобный Иоаким написал Казанский образ Божией Матери для Вязников, от которого произошло множество чудесных исцелений⁶. Известны

также чудотворные списки с Вязниковского-Казанского образа. Казанская же икона, менее известная, но тоже почитаемая чудотворной, была написана иноком для Шартомского монастыря.

В 1624 г., как отмечается в жизнеописании преподобного Иоакима, в Шартомском монастыре ему явилась Пресвятая Богородица и повелела написать Ее образ, именуемый Казанским, для града Суздаля, который будет «защитение присное и избавление от видимых и невидимых врагов непрестанное тамо обитающему народу»⁷. Смиранный инок с благоговейной поспешностью исполнил повеление и с новописанной иконой сам отправился в Суздаль, где был с торжеством встречен духовенством и народом. Эта икона также вскоре прославилась исцелениями. Иоаким поселился в Суздале в небольшой келии близ деревянной церкви, где была поставлена написанная им по указанию Божией Матери икона. Согласно мнению ряда исследователей, остаться в Суздале шартомского инока-иконописца убедил архиепископ Суздальский Арсений Элассонский, грек по происхождению, который возглавлял комиссии по освидетельствованию чудес от двух новоявленных икон — Вязниковской и Суздальской.

Преподобный Иоаким скончался в конце 1630-х гг. и был погребен на месте своего последнего молитвенного подвига. В современном каменном Казанском храме, расположенном в центре Суздаля, место погребения святого иконописца отмечено памятной надписью⁸.

Особенности влияния подвижника на шуйскую землю

Несомненно, что личность Иоакима Шартомского оказала заметное влияние на шуйскую землю в период его жительства в Шартомском монастыре. Это влияние, прежде всего, заключалось в том особенном подъеме, одушевлении народа, когда жители округа имели живой пример святости, получали духовные наставления и исцеления по молитвам подвижника. Следует указать на уникальный пример соединения в творчестве инока Иоакима таланта иконописца и высокого молитвенного созерцания. Прославление его образов свидетельствует во многом о самом существовании искусства писания икон, глубоком отличии этого процесса

от «ремесленного» иконописания, уже тогда распространившегося на Русь, в том числе и в Шуе.

Примечательно, что три из четырех известных ныне икон, написанных Иоакимом Шартомским, были Казанскими иконами Богородицы, и нельзя не подчеркнуть, какое значение имел этот чудотворный образ для Руси в начале XVII в., каким почитанием в народе пользовались списки с него, исчислявшиеся десятками. Многие из этих икон, прославившиеся исцелениями в XVII—XVIII вв., сохранились и ныне чтутся в местах, где они были явлены.

Отметим место в истории православного монашества, которое занимает Иоаким Шартомский наряду с современными ему подвижниками. Вообще в истории восточного монашества наблюдается некое «родословие», которое заключалось в преемстве иноками духовного опыта, уставных традиций, в бережном хранении ими заповедей предшественников-аскетов — своих наставников. Это преемство отмечал, в частности, историк русского монашества И. Смолич⁹, составивший родословные таблицы старцев, которые сходились к единому «стволу»: игумену Русской земли преподобному Сергию Радонежскому. Согласно этому «родословию», Иоаким Шартомский являлся последователем Иринеарха Ростовского, который был, в свою очередь, в ученичестве у Феодора и Павла Борисоглебских — учеников преподобного Сергия. Эта схема преемства не должна восприниматься буквально, однако самый дух подвижничества в русском монашестве, несомненно, тщательно охранялся в соответствии с древними традициями. Хотя прямых документальных свидетельств непосредственного общения Иоакима Шартомского с Иринеархом Ростовским пока не найдено, но известный церковный писатель середины XVII в., монах Троице-Сергиева монастыря Симон Азарьин упоминает в своем Месяцеслове Иоакима Шартомского в числе шести подвижников, называя их «Илинарха учиницы»¹⁰.

Монашествующие как охранители государственности

Представляется замечательным тот факт, что в годы Смуты, когда Российское государство было «от бед потрясаемо»¹¹, когда расшатывалось сознание и сам уклад жизни русских людей,

в монастырях встречались необычайно суровые аскеты, обладавшие великой духовной крепостью, противостоявшие всевозможным шатаниям умов. Прямо или косвенно, они повлияли на сохранение поколебавшейся государственности, показали высокий пример преданности законной власти. Так, в житии преподобного Иринарха Ростовского рассказывается, как в Борисоглебский монастырь вошли лазутчики пана Сапеги и нашли там «трех старцев скованных»¹² (носящих вериги). Сам Сапега, исполненный удивления от увиденного, имел беседу с Иринархом: старец смело высказал свою преданность русскому царю Василию и даже предрек польскому пану погибель на русской земле, если он ее скоро не покинет. Несмотря на обличения святого старца, Сапега из уважения к нему повелел своему войску не трогать иноков-отшельников.

Следует отметить, что возрождение Руси началось далеко не сразу после изгнания поляков из Москвы и избрания в 1613 г. новой царской династии. Еще в течение почти десятка лет самые разношерстные шайки занимались грабежами в замосковских землях. Согласно документам, Шуя претерпела, по крайней мере, четыре крупных набега поляков: в 1608, 1615, 1616 и 1619 гг. Об опустошительном набеге поляков и литовцев на Шую пишется в докладной в боярскую Думу: «...а в прошлом 1608 году Польские и Литовские люди в Шую на посаде Божие Милосердие храмы и посацкие дворы и лавки выжгли до основания и животишки наши пограбили и посацких людей побили и многих в полон поймали, а платежные описи и всякие дела пограбили и пожгли и никаких дел не осталось. И после того Польские Литовские люди приходили воевати многожды»¹³. Об обширности и продолжительности разорений на шуйской земле можно судить по сохранившимся документам начала XVII в. В них говорится о неоднократных набегах пана Лисовского, о бесчинствах мятежника Ивана Болотникова, о грабежах, учиненных казаками и беглыми крестьянами¹⁴.

Во времена Иоакима не избежал бедствий и Николо-Шартомский монастырь. В 1616 г. Лисовским были разорены монастырские вотчины: «А шел Лисовский на Николину вотчину Шартомского монастыря, на село Пупки, да на село Чернцы с деревнями, и крестьян секли, и разоряли»¹⁵. В 1619 г.

был разорен и сам монастырь — с кощунственным грабежом церкви, с убийствами и пленением монастырских служек¹⁶.

Упомянув об этих погромах, подчеркиваем не только огромный материальный ущерб, нанесенный Шартомскому монастырю и русским монастырям вообще, но и тот моральный урон, упадок духа, который неизбежно сопровождал жителей разоренных мест на долгие годы. Именно в 1619 г. упоминается имя Иоакима Шартомского в связи с написанием им Кипрской иконы. Автор жития передает впечатление, какое производил его образ жизни: «Во обители св. Николая чудотворца, яже на Шархме рече, бе некий монах, Иоаким именем, житие проходя затворническое, пребывая присно в келлии своей, никамо же исходя; ища своего спасения, многую добродетель творяше, и тою Богу благоугождаше, непрестанно же в вечер, утро и полуден на молитве пребываше и тою Единому Богу беседоваше»¹⁷. Н. М. Миловский предполагает, что Иоаким избрал для жительства «бедный монастырь», каким была тогда после разорения Шартомская обитель¹⁸. Иконное писание стало для живущего в затворе подвижника лишь средством не быть в праздности, и он писал иконы в свободное от подвигов время, раздавая их потом в неимущие (следует думать, разоренные) церкви¹⁹.

Так явилась первая из известных икон, написанных шартомским иноком, — Кипрская икона Богородицы, от которой в Шуе проистекло множество чудес. Предположим, что обретение чудотворного образа стало не только источником духовного утешения для страждущих, но явилось существенным, можно сказать, психологическим фактором для шуйян после глубоких потрясений Смуты. Явление иконы и чудеса исцелений давали некий импульс для возрождения народного духа, всеобщего религиозного одушевления. История явления Кипрской иконы письма Иоакима Шартомского в Шуе отчасти напоминает более позднюю историю явления в 1654 г. Шуйской-Смоленской иконы Богородицы. Конечно, по масштабу и значимости обретение Кипрского образа в Шуе несравнимо с последующим явлением Шуйской иконы, обретшей всероссийскую известность. Однако нельзя не отметить важность и, так сказать, «своевременность» явления Кипрской иконы сразу после бедствий Смуты — чудотворный образ стал неким символом духовного возрождения Шуи.

Иконописание как «умозрение в красках»

Преподобный Иоаким проявил себя не только как уникальный мастер-иконописец. В его лице процесс иконописи стал особенным священнодействием. На примере жития преподобного Алипия Печерского можно судить, что писание икон сопряжено не только с мастерством художника, но с его высоконравственным состоянием и молитвенным подвигом. Такое сакральное понимание искусства иконописи могло проявляться, прежде всего, у подвижников духа — монахов. В жизнеописании Иоакима подчеркивается, что ради подвига воздержания и бессребреничества Бог даровал благодать его иконам: «видя Господь Бог таковое его добродетельное и Тому угодное благое житие, и яко не мздовоздаяния ради, но туне образа Его пречистаго начертание и Богоматери Пречистыя Приснодевы Марии и угодников Его раздаяше, подаяше оным святым иконам благодать свою, и до днесь подает, угодника своего ради»²⁰.

Автор жизнеописания инока Иоакима, желая подчеркнуть его духовную крепость, отмечает, что подвижник продолжительное время был искушаем тщеславными помыслами, но мужественно преодолел их: «Случалось, что исконный враг рода человеческого... искушал затворника, стараясь возбудить в нем чувство гордого услаждения собой, своими благочестивыми подвигами, искусством иконописания и тем, что от икон его проистекают чудеса; но преподобный Иоаким, сподобившийся получить от Бога дар прозорливости, ясно видел диавольские прельщения и оставался чист от греха гордыни»²¹.

Как уже упоминалось, преподобный Иоаким покинул Николо-Шартомскую обитель в 1624 г. и поселился в Суздале. На этом заканчивается «шуйский» период его жизни. Хотя доподлинно неизвестно, где он учился иконописанию, писал ли иконы до и после своего жительства в Никольском монастыре, — в истории он известен как иконописец Шартомский. Из этого можно заключить, что инок, призванный стечением обстоятельств в разоренный, «бедный» монастырь, в полноте разделял тяготы жизни шуян, переживавших тяжелые последствия Смуты. Имея указание свыше в писании святых образов²², он раздавал их в неимущие, нуждающиеся церкви. Чудотворные иконы,

через которые жителям зримо являлась целительная благодать Божия, становились настоящим символом времени, знаком благоволения русским людям, помогая им вставать на путь благочестия, а также укрепить свое пошатнувшееся государственное самосознание. Следует признать, что жителство преподобного Иоакима на шуйской земле не было продолжительным, однако его личность оказала существенное, хотя, возможно, и не столь очевидное влияние на современников. Пример святого подвижника — подтверждение того, что в годы лихолетья православное монашество сыграло значительную роль как в поддержании духовных сил русских людей, так и в укреплении и сохранении национальной целостности России.

Примечания

- ¹ Православный церковный календарь на 2017 год. М., 2016. С. 187.
- ² См., напр.: *Чугреева Н. Н.* О трех чудотворных иконах Богоматери Казанской в связи с пребыванием в России Арсения Елассонского // Арсений Елассонский — архиепископ Суздальский : сб. науч. ст. Владимир, 2008. С. 84—94 ; *Гувакова Е. В.* Святой Иоаким Шартомский и его чудотворные иконы // Борисовский сборник / отв. ред. В. В. Возилов. Иваново, 2013. Вып. 4. С. 119—130 ; *Кантов Д. В., Кноков Ф. В.* Преподобный Иоаким Шартомский : попытка реконструкции некоторых событий жития святого на основе доступных источников // Дом Бурганова «Пространство культуры» : науч.-аналит. журн. 2013. № 1. С. 51—76 ; Инок-иконописец Иоаким Шартомский : сб. из источников, науч. исслед. М., 2018.
- ³ *Романова А. А.* Преподобный Иоаким Шартомский, иконописец // Православная энциклопедия. М., 2010. Т. 23. С. 137—138.
- ⁴ *Миловский Н. М., свящ.* Шуйские неканонизированные святые : Иоаким затворник Николо-Шартомский и Григорий иерей Китовский. М., 1883. С. 6.
- ⁵ *Орлов Василий, прот.* Сказание о чудесах, бывших от Вязниковской-Казанской иконы Божией Матери, в точности списанное со старинной рукописи, хранящейся при церковной библиотеке Вязниковского Казанского собора. Вязники, 1907.
- ⁶ *Маштафаров А. В.* Вязниковская Казанская икона Божией Матери // Православная энциклопедия. М., 2005. Т. 10. С. 143—144.

- ⁷ Федоров Анания. Историческое собрание о граде Суждале // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. СПб., 1855. Кн. 22. С. 195.
- ⁸ Инок-иконописец Иоаким Шартомский. С. 17.
- ⁹ Смолич И. К. Русское монашество, 988—1917. М., 1997.
- ¹⁰ Российская Государственная Библиотека. Московская Духовная Академия. Научно-исследовательский отдел рукописей. Ф. 173. I. № 201. С. 335—335 об.
- ¹¹ Временник Ивана Тимофеева. М. ; Л., 1951. С. 28.
- ¹² Житие Иринарха Ростовского, списанное учеником его старцем Александром // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2006. Т. 14. С. 489.
- ¹³ Челобитная шуян в московскую боярскую Думу, поданная в 1612 году по случаю литовского разорения // Борисов В. А. Собрание трудов (материалов). Иваново, 2005. Т. 3, № 151. С. 402. Здесь видно косвенное указание на урату древних актов о Шуе. Известно, что некоторые шуйские документы были обнаружены в шведском государственном архиве.
- ¹⁴ Иванов Ю. А. Ошибка историка-краеведа // Советские архивы. 1982. № 6. С. 52—53.
- ¹⁵ Допросные речи шуян о набегах литовцев на Шую и ее окрестности // Борисов В. А. Указ. соч. Иваново, 2001. Т. 1. С. 154.
- ¹⁶ Обыск, учиненный осадным головой Г. Мякишевым о разорении литовцами Николо-Шартомского монастыря // Борисов В. А. Указ. соч. Иваново, 2004. Т. 2, № 12. С. 302.
- ¹⁷ Федоров Анания. Указ. соч. С. 196.
- ¹⁸ Миловский Н. М. Указ. соч. С. 7.
- ¹⁹ Федоров Анания. Указ. соч. С. 191.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. С. 192.
- ²² Имеется в виду важнейший эпизод жития подвижника, когда явившаяся иноку в монастыре Богородица повелела написать Ее Казанский образ для града Суздаля.

References

1. *Borisov V. A. Sbranie trudov (materialov) : v 3 t. Ivanovo, 2001, 2004, 2005. T. 1—3.*
2. *Chugreeva N. N. O trekh chudotvornykh ikonakh Bogomateri Kazanskoj v svyazi s prebyvaniem v Rossii Arseniya Yelassonskogo // Arseniy Yelassonskiy — arkhiepiskop Suzdalskiy : sb. nauch. st. / sost. A. A. Tenetkina. Vladimir, 2008.*

3. *Fedorov Ananiya*. Istoricheskoe sobranie o grade Suzhdale // Vremennik Imperatorskogo obshchestva istorii i drevnostey rossiyskikh. SPb., 1855. Kn. 22.
4. *Guvakova Ye. V.* Svyatoy Ioakim Shartomskiy i ego chudotvornye ikony // Borisovskiy sbornik / otv. red. *V. V. Vozilov*. Ivanovo, 2013. Vyp. 4.
5. Inok-ikonopisets Ioakim Shartomskiy: sbornik iz istochnikov, nauchnykh issledovaniy. M., 2018.
6. *Ivanov Yu. A.* Oshibka istorika-kraevedy // Sovetskie arkhivy. 1982. № 6.
7. *Kantov D. V., Knokov F. V.* Prepodobnyy Ioakim Shartomskiy: popytka rekonstruktsii nekotorykh sobytiy zhitiya svyatogo na osnove dostupnykh istochnikov // Dom Burganova «Prostranstvo kultury»: nauch.-analit. zhurn. 2013. № 1.
8. *Mashtafarov A. V.* Vyaznikovskaya Kazanskaya ikona Bozhiey Materi // Pravoslavnaya entsiklopediya. M., 2005. T. 10.
9. *Milovskiy N. M., svyashch.* Shuyskie nekanonizovannye svyaty: Ioakim zatvornik Nikolo-Shartomskiy i Grigoriy ierey Kitovskiy. M., 1883.
10. *Orlov Vasilii, prot.* Skazanie o chudesakh, byvshikh ot Vyaznikovskoy-Kazanskoy ikony Bozhiey Materi, v tochnosti spisannoe so starinnoy rukopisi, khranyashcheyasya pri tserkovnoy biblioteke Vyaznikovskogo Kazanskogo sobora. Vyazniki, 1907.
11. Pravoslavnyy tserkovnyy kalendar na 2017 god. M., 2016.
12. *Romanova A. A.* Prepodobnyy Ioakim Shartomskiy, ikonopisets // Pravoslavnaya entsiklopediya. M., 2010. T. 23.
13. *Smolich I. K.* Russkoe monashestvo, 988—1917. M., 1997.
14. Vremennik Ivana Timofeeva. M.; L., 1951.
15. Zhitie Irinarkha Rostovskogo, spisannoe uchenikom ego startsem Aleksandrom // Biblioteka literatury Drevney Rusi. SPb., 2006. T. 14.

ИСТОРИОГРАФИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 63.1(4Бел)6

В. Е. Козляков

ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ (РУССКАЯ) РЕВОЛЮЦИЯ И СУДЬБЫ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ БЕЛАРУСИ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА

Введение

Каждая юбилейная историческая дата в России и на всем постсоветском пространстве инициирует всплеск к этому событию. Государство и общество переосмысливают прошлое с современных позиций, в лучшем случае извлекают из него уроки. Таким событием стала Великая российская (русская) революция, имевшая при всех различных оценках всё же эпохальное значение. Разумеется, она затронула разные слои интеллигенции. К началу революции интеллектуальные слои переживали определенный кризис. Консервативная часть интеллигенции, тесно связанная с господствующим классом, крайне негативно восприняла революционные события и не могла стать рупором модернизационных преобразований, в лучшем случае оставаясь нейтральным наблюдателем. Разночинная интеллигенция, сформировавшаяся из средних и низших слоев общества в условиях развития просвещения и образования, но не получившая достаточных гражданских

© Козляков В. Е., 2018

Козляков Владимир Егорович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Беларуси и политологии Белорусского государственного технологического университета. kozlyakov-ve@mail.ru

прав, обрекалась на революционность. Ей не оставалось ничего, кроме как ненавидеть власть имущих, стремиться к изменению тогдашних рыночных отношений западного толка, найти принципы социальной справедливости. Но и сама разночинная интеллигенция не была монолитом, она раскалывалась на разные течения и группы.

Оценивая роль и значение интеллигенции в строительстве нового общества, выдающийся деятель культуры, народный комиссар просвещения А. В. Луначарский отмечал: «Интеллигенция всегда будет организатором, расширителем и преподавателем общественного опыта, всё более критического, всё более строго соответствующего задачам науки»¹. Это высказывание не потеряло своего политического и методологического значения и в наши дни.

Цель и задачи статьи

Данная статья ставит цель проанализировать в белорусской историографии основные аспекты влияния Великой российской (русской) революции на судьбы и роль интеллигенции Беларуси в строительстве нового общества. Для достижения указанной цели автор предполагает решить следующие задачи:

— рассмотреть основные политические ориентации интеллигенции Беларуси накануне и в период революционных событий начала XX в.;

— проанализировать главные аспекты в содержании белорусской историографии по участию интеллигенции Беларуси в строительстве нового общества в довоенный период;

— выяснить тенденции в историографии, посвященной участию интеллигенции Беларуси в Великой Отечественной войне;

— раскрыть наиболее важные направления в белорусской историографии, касающиеся деятельности интеллигенции Беларуси в послевоенный и «перестроечный» периоды.

В решении поставленных задач автор руководствовался принципами историзма и объективности, с использованием историко-генетического, историко-сравнительного, историко-типологического и ретроспективного методов, что дало возможность обобщить достижения историографии и выявить разноплановую роль интеллигенции Беларуси в развитии советского общества.

Советская и постсоветская историография интеллигентоведения накопила широкий объем работ, в которых рассматриваются различные аспекты использования советской властью старых специалистов, формирования новой интеллигенции, ее роли в строительстве социалистического общества, его кризиса и упадка. В трудах С. А. Федюкина, В. С. Меметова, Э. Б. Ершовой, В. С. Волкова, А. Н. Кураева, В. В. Комиссарова, других исследователей раскрыты принципиальные вопросы методологии интеллигентоведения, показана созидательная творческая деятельность различных отрядов интеллигенции на разных этапах советского строительства. Весомый вклад в изучение истории интеллигенции дореволюционной России, СССР, постсоветской России внесли материалы 28 международных научных конференций, организованных Ивановским государственным университетом. Опубликованные доклады и сообщения конференции, теоретические сборники и монографии позволяют обобщить проведенные исследования, наметить пути дальнейшей разработки данной проблематики.

Особую актуальность приобретает изучение истории интеллигенции национальных регионов как дореволюционной России, так и СССР, а также современного постсоветского пространства. Стремительный рост капитализации экономических отношений в конце XIX в., обострение противоречий между европейскими державами, развитие национального самосознания в национальных регионах способствовали складыванию новой картины мира. Несмотря на «интернациональную слитность капитала», различные полиэтнические предпринимательские структуры старались использовать свои национальные ресурсы для обеспечения политического и этнического контроля над конкретной территорией. В этих целях формировавшаяся буржуазия старалась привлечь на свою сторону интеллигенцию, которая должна была конструировать и реализовывать национальные идеи. Однако полиэтничность населения городов сказалась и на многонациональном составе интеллигенции. Эта особенность проявилась, прежде всего, в Беларуси.

За последнее время историография Беларуси пополнилась серьезными работами, касающимися в той или иной степени вопросов интеллигентоведения. Появились даже историографические статьи, подводящие краткие итоги проведенных исследований.

Многие историографы, обращаясь к теме формирования интеллигенции Беларуси в 20—30-е гг. XX в., указывают на особенности данного процесса: влияние белорусизации и коренизации, возрастание роли этой социальной группы во всех сферах интеллектуальной жизни белорусского советского общества, политику правящей партии и советского государства в отношении различных групп интеллигенции². При этом современные историографы не отрицают значения наследия, накопленного в советский период исторической наукой. Разумеется, распад СССР, появление независимых государств требовали более объективного изучения истории интеллигенции. Однако это не означает, что ее следует рассматривать только в качестве истории необоснованных репрессий. Трагические страницы в судьбе многих интеллектуалов Беларуси, к сожалению, были. Но важно в целом объективно показать опыт реального вклада интеллигенции в строительство нового общества.

Политические ориентации интеллигенции Беларуси накануне революции и в период революционной борьбы

Революционные события начала XX в., Первая мировая война, Великая российская (русская) революция стали серьезным испытанием для интеллигенции Беларуси. Доля интеллигенции в населении белорусских земель к концу XIX в. была крайне невелика — около 0,7 %³, в то время как по России в целом — 2,7 %.

Незначительная доля интеллигенции в составе населения белорусских губерний в начале XX в. может быть объяснена рядом обстоятельств: малым количеством крупных предприятий с определенным составом инженерно-технических специалистов, отсутствием высших учебных заведений, готовивших лиц интеллектуального труда, значительной миграцией образованных людей в центр России и за рубеж.

Тем не менее, полиэтничная интеллигенция Беларуси активно участвовала в общественно-политической жизни края. Однако разброс ее политических ориентаций был довольно широким — от правых консервативных партий до оппозиционных социалистических группировок. Крушение самодержавия, разочарование сначала монархическими, затем либеральными установками западного образца заставили местную интеллигенцию

перекрашиваться в социалистические «цвета». Причем, если интеллигенцию белорусских городов привлекали социал-демократические идеи с бундовской окраской, то работников умственного труда, так или иначе связанных с селом, прельщали неонароднические установки (эсеровского толка) как общероссийского, так и национального образцов.

Об этом, например, свидетельствуют выборы в Учредительное собрание России, прошедшие в ноябре 1917 г. Любопытны данные по белорусским округам и Западному фронту. Из 79 избирательных округов всей России лишь в 9 победили большевики, в остальных — социалисты-революционеры. Но из 9 победных для большевиков округов три (Минский, Витебский и Западный фронт) приходится на Беларусь. Только в Могилевском округе 70 % избирателей проголосовали за эсеров. В целом по четырем белорусским округам более половины избирателей проголосовали за большевиков, эсеры получили 32,2 %. Эти данные свидетельствуют о том, что крестьянство белорусских губерний и солдаты Западного фронта отдали свои голоса за партию большевиков. Как на этих выборах проголосовала интеллигенция, сказать трудно. Но если учесть, что наибольшее количество голосов получили еврейские партии сионистского и просионистского толка, то выбор городской интеллигенции того периода был очевидным. Что касается так называемого «белорусского списка», то за него проголосовало лишь 0,3 % избирателей по всем четырем белорусским округам, охватившим всю неоккупированную территорию Беларуси⁴. Нельзя исключать, что часть интеллигенции уклонилась от участия в голосовании, предпочитая занять нейтральную позицию.

В провозглашении Октябрьской революцией права наций на самоопределение национальная «возрожденческая» интеллигенция, группировавшаяся вокруг Белорусской социалистической громады, увидела возможность создания белорусского государства на парламентской основе. Однако провозглашенная в марте 1918 г. Белорусская Народная Республика (БНР) реальной белорусской государственностью так и не стала, поскольку фактически власть принадлежала немецким оккупантам. Не были созданы местные белорусские органы власти, отсутствовала судебная и финансовая системы, не определились границы новоявленного

государственного образования. Раду БНР постоянно лихорадили политические конфликты.

Другая часть белорусской интеллигенции, тяготевшая к левым социалистическим течениям, в итоге перешла под большевистские знамена и оказала поддержку советской власти. Эта часть интеллигенции активно и неоднократно ставила перед большевистским руководством вопрос о создании белорусской советской государственности. Провозглашение Белорусской Советской Социалистической Республики 1 января 1919 г. в условиях ожидания большевистскими лидерами мировой социалистической революции стало возможным благодаря усилиям Белорусского комиссариата (отдела) Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР, белорусских секций РКП (б)⁵. Интеллигенция, связанная с трудовым крестьянством, внесла свой вклад в создание белорусской государственности на советской основе.

Белорусская историография об участии интеллигенции Беларуси в строительстве нового общества в довоенный период

Завершение Гражданской войны, отражение военной интервенции, переход к мирному строительству способствовали дальнейшему размежеванию интеллигенции, заявлявшей о верности социалистическим идеалам. Часть белорусских социалистов не пожелала сотрудничать с большевиками и эмигрировала на Запад. Другая часть интеллигенции, воспринявшая коммунистические идеи, активно включилась в строительство нового общества. Большевики настороженно относились к старым специалистам, хотя и понимали, что без привлечения интеллигенции, сформировавшейся в дореволюционный период, не обойтись.

На первых порах правящая партия старалась использовать различные методы и приемы привлечения старых специалистов к строительству нового общества. Применялись формы разъяснительной работы, меры по улучшению материального положения, прежде всего учителей. Однако наиболее важной задачей для большевистской партии стало привлечение на сторону советской власти старых военных специалистов в условиях демобилизации прежней армии и создания Красной Армии. Разумеется, многие

офицеры оказались на стороне противников советской власти. Но было немало и тех, кто выразил готовность служить трудовому народу. По подсчетам Ю. С. Кузнецова, всего (на 14 января 1920 г.) в красноармейских частях, управлениях и учебных заведениях Западного фронта насчитывалось 8034 бывших офицера и 1555 бывших военных чиновников⁶.

Старые специалисты привлекались к хозяйственной и просветительской работе. Большая группа инженеров и техников участвовала в работе национализированных предприятий. В ликвидации безграмотности, в становлении системы советского образования активное участие принимала учительская интеллигенция.

Использовался и опыт людей, которые еще вчера были настроены против советской власти. Например, в июле 1923 г. было принято совместное постановление ЦИК СССР и ЦИК БССР о предоставлении амнистии лицам, бывшим в прошлом членами антисоветских партий, но проявлявшим теперь лояльность к советской власти. Условия дальнейшего возвращения на Родину представителей политической эмиграции были сформулированы документами Берлинской конференции деятелей БНР (октябрь 1925 г.). Конференция приняла решение прекратить борьбу против советской власти исходя из того факта, что БССР является единым центром консолидации белорусского народа и возрождения его самобытной культуры. В соответствии с постановлением Бюро ЦК КП(б)Б и правительства республики уже в конце 1925 г. на работу в Беларусь вернулось более 40 человек⁷.

И всё же главной задачей большевиков стало формирование новой интеллигенции из числа рабочих и крестьян. В 1921 г. сбылась мечта всей интеллигенции Беларуси — в Минске начал работу Белорусский государственный университет (БГУ), ставший на долгие годы главной кузницей новых советских кадров. В становлении деятельности БГУ приняли активное участие известные преподаватели, приехавшие из Российской Федерации. Если в 1925 г. в Беларуси работало четыре высших учебных заведения, то в 1932 г. — уже 31. Созданный в 1922 г. Институт белорусской культуры в 1929 г. был преобразован в Академию наук БССР. На эти значимые для Беларуси события указывают многие белорусские исследователи.

В. П. Вирская раскрыла источники пополнения интеллигенции, круг которой резко расширялся за счет привлечения старых специалистов, выдвиженчества и регулирования социального состава студенчества. Так, в 1926 г. в 15 наиболее крупных предприятиях на руководящие должности было выдвинуто 173 рабочих, что составляло 59 %, т. е. более половины всей инженерно-технической интеллигенции являлись практиками. Имела преимущество при поступлении в вуз и рабоче-крестьянская молодежь — власть устанавливала для этой категории квоты⁸.

Данные меры способствовали увеличению доли интеллигенции в составе населения республики. Согласно Всесоюзной переписи 1926 г., количество служащих (а их тогда можно всех отнести к интеллигенции) уже составляло 3,1 % от состава всего населения. Причем, если по данным Всероссийской переписи 1897 г., русские, белорусы, евреи были представлены примерно равным количеством, то перепись 1926 г. дала по интеллигенции следующие цифры: белорусов — 52 %, русских — 16,4 %, евреев — 25 %.

Увеличению доли белорусов среди интеллигенции способствовали два важных обстоятельства. Во-первых, создание белорусской советской государственности, начало строительства нового общества, повышение образовательного уровня населения привели к резкому росту численности интеллигенции коренной национальности, как правило, связанной с крестьянством. Во-вторых, важное значение имела политика «белорусизации», включавшая в себя приоритетное развитие белорусского языка в сфере образования, в деятельности партийных и государственных учреждений, активное выдвижение на руководящие должности коренного (не только белорусского) населения, национально-культурное строительство.

Характерно, что политика «белорусизации» не всегда находила положительный отклик у русских и евреев. Были определенные недовольства. Кроме того, идеи национального возрождения вызывали серьезные опасения у большевистского руководства, делавшего упор на интернациональное воспитание трудящихся. Всё чаще обвинения в поддержке идеологии «национал-демократизма» стали звучать в адрес белорусской интеллигенции.

В принятой резолюции Оргбюро ЦК РКП (б), отмечая «правильно взятую линию в национальном вопросе», особо обращало внимание коммунистов Беларуси на решение главной задачи — «разъяснение национальной политики РКП (б) и опасностей националистических уклонов, как белорусского, так и пережитков великорусского»⁹. Однако грозных решений по адресу интеллигенции Беларуси от центральных органов партии в тот момент еще не прозвучало. На заседании Оргбюро ЦК РКП (б) 16 ноября 1925 г. по вопросу о состоянии и работе Коммунистической партии Беларуси был заслушан доклад секретаря ЦК КП(б)Б А. Криницкого, который отметил рост количества белорусов среди национально-государственного актива (с февраля 1924 г. по июнь 1925 г.) с 16 до 27 %, а в окружном активе число белорусов увеличилось с 24 до 31 %.

Тем не менее, в самой Беларуси сигналы по идеологическому и административному воздействию на интеллигенцию были восприняты, о чем свидетельствовала резолюция апрельского Пленума ЦК КП(б)Б 1926 г. «О работе среди интеллигенции». В документе, в частности, отмечалась «дальнейшая кристаллизация национал-демократических настроений и идей в рядах белорусской интеллигенции». Пленум сформулировал «основные черты идеологии национал-демократизма», которые, по мнению составителей документа, заключались, в частности, «в отрицании диктатуры пролетариата, проведении белорусского шовинизма» и других «смертных грехах». Для борьбы с «национал-демократической» интеллигенцией Пленум наметил целый ряд мер «идейной, первоначальной борьбы». Представителей этого идейного направления вскоре стали открыто обвинять в контрреволюции¹⁰.

Разумеется, имелаась значительная часть интеллигенции, которая достаточно критически относилась к политике партийно-государственного аппарата. Поэтому власти этой группе интеллигентов фактически объявили войну под видом «искоренения нацдэмовщины». Свою негативную роль сыграла и деятельность возглавляемой В. Затонским комиссии ЦК ВКП (б), изучившей в 1929 г. практику проведения национальной политики в БССР. В. Затонский указал на «опасность» положения, «когда старая интеллигенция до сих пор, занимая значительную часть командных высот в правительстве, и в особенности в области культурной работы,

при содействии членов партии, идеализирующих “нацвозрожденческое прошлое”, влияет на воспитание молодого поколения».

Требования комиссии высокой инстанции к ЦК КП(б)Б и низовым партийным органам были следующие: прекратить скачивание к теории «перманентных уступок националистам», ошибки и уклоны следует не прикрывать, а разоблачать; решительно остановить слишком затянувшуюся политику заигрывания с верхушкой интеллигенции, включая и ту часть, которая «имеет партбилеты», заменяя ее «молодыми свежими силами». Особенно уничижительно В. Затонский, без серьезных доказательств, характеризовал деятельность известных белорусских советских руководителей — В. М. Игнатовского и Д. Ф. Жилуновича¹¹.

Апогеем этой кампании стало сфабрикованное дело, получившее название «Союз освобождения Беларуси». В 1931 г. за принадлежность к нему было осуждено более 90 человек, главным образом работников культуры, литературы, науки и искусства. Всех их обвинили в стремлении свергнуть советскую власть и установить «белорусскую буржуазную государственность». Как результат подобных обвинений — различные сроки заключения, высылки, а в 1937 г. — повторные суды и смертные приговоры. Под флагом борьбы с так называемой «нацдэмовщиной» был нанесен тяжелейший удар по различным группам творческой интеллигенции Беларуси. По неполным данным, в 30-е гг. XX в. было осуждено около 90 членов Союза писателей БССР, из которых более 50 погибли в лагерях и тюрьмах. По подсчетам некоторых историков, в 20—50-е гг. XX в. общая численность жертв политических репрессий в Беларуси составила около 600 тыс. человек¹², значительную их часть следует отнести к интеллигенции.

В чем причины этих репрессий? В историографии явно преувеличивают утверждения о вине и ответственности Сталина. Безусловно, злополучная роль «вождя народов» в организации необоснованных репрессий очевидна. Но были и другие причины, среди них: конкурентная борьба за чиновничьи должности в условиях отсутствия материальных стимулов и господства уравнилельных принципов в промышленном и сельскохозяйственном производстве, культурно-просветительской работе. При этом уравниловка соседствовала с привилегиями для номенклатуры. В этих условиях определенные интеллигентские группы, отдельные кланы внесли

немалый вклад в организацию наушничества и доносов, касающихся конкретных должностей. Указанная причина, на наш взгляд, способствовала живучести необоснованных обвинений.

Однако ни репрессии, ни другие трагические события и трудности не могли остановить созидательную работу многонациональной интеллигенции БССР по строительству нового общества. Интеллигенция сыграла важную роль в объединении и консолидации белорусского народа, решении межэтнических проблем, развитии систем просвещения, образования и культуры, подготовке кадров, повышении эффективности работы государственного аппарата, становлении профессионального искусства, достижении определенных высот в науке. По сведениям Всесоюзной переписи 1939 г., доля интеллигенции в населении БССР (без учета западных областей) тогда составляла 16,6 %.

Наиболее весомый вклад интеллигенция Беларуси внесла в организацию образования. В монографиях Н. В. Каменской, Е. К. Новика, работах других авторов широко раскрыты проблемы формирования советской системы образования, подготовки и повышения квалификации кадров, совершенствования учебно-методической и воспитательной работы. Е. К. Новик показал, что к концу второй пятилетки была завершена перестройка высших и средних педагогических учебных заведений на основе решений партийных и советских органов. Укрепилась их учебно-материальная база, изменился состав студентов и преподавателей. Педагогические учебные заведения работали по новым учебным планам и программам¹³.

Непременным условием построения нового общества являлось успешное решение проблемы формирования производственно-технической интеллигенции. Этот отряд работников интеллектуального труда включал в себя поначалу как старых специалистов, так и выдвиженцев из числа опытных рабочих, о чем сказано в монографии Н. В. Василевской. Значительно медленнее промышленность пополнялась специалистами с высшим образованием. На первых порах сказывалось отсутствие на территории республики высших технических заведений. Но с начала 30-х гг. ситуация стала меняться. Создание высших технических учебных заведений, расширение сети техникумов способствовало подготовке кадров производственно-технической интеллигенции.

В результате предпринятых действий советских властей в 1940 г. промышленность республики располагала вместе с практиками более 11 тыс. специалистов, а на 1 января 1941 г. в народном хозяйстве работало 5,1 тыс. инженеров с высшим образованием и 9,9 тыс. техников со средним специальным образованием¹⁴.

Однако не так просто обстояло дело и с кадрами производственной интеллигенции. Экономические просчеты и упущения оправдывались «диверсиями врагов народа», которых определяли в первую очередь среди старых специалистов. Органы НКВД, ориентировавшиеся на процессы «Промпартии», «Шахтинского дела», «нашли» «массу вредителей» и в промышленности Беларуси. Так, были «вскрыты» две группы «троцкистских контрреволюционеров» в Витебском железнодорожном депо, на фабрике «Знамя индустриализации», Гомельском вагоноремонтном заводе и некоторых других предприятиях¹⁵. Трудовой энтузиазм, без которого невозможно было в весьма короткий период создать индустриальный потенциал страны, соединялся с жесткой диктатурой, ее карательной системой.

Решение важнейших социально-экономических задач диктовало необходимость развития наук. Созданный в 1922 г. Институт белорусской культуры вскоре, в 1928 г., был преобразован в Белорусскую академию наук. Вопросы формирования научных кадров, системы научных организаций нашли отражение в работах Н. В. Токарева, Г. В. Корзенко, И. И. Шевчука, других исследователей. К началу 40-х гг. в главном научном центре республики — Академии наук БССР — сложилась развитая система учреждений по многим отраслям науки.

Как подчеркивает Н. В. Токарев, важным фактором, способствующим развитию науки в БССР, являлось установление и развитие связей с учеными других республик СССР, в первую очередь из России и Украины. Если в 20-е гг. эти связи носили эпизодический характер, то в 30-е гг. они стали более планомерными и целенаправленными, что способствовало повышению уровня развития науки в БССР. Наиболее быстрыми темпами развивались учреждения наук естественного профиля. Их удельный вес к началу 1941 г. составлял 75 % от общего числа научных учреждений, по сравнению с 40 % в 1929 г.¹⁶

Формирование научных кадров по гуманитарным дисциплинам исследовал И. И. Шевчук. Установлено, что решение этого вопроса достигалось двумя путями: приглашением известных ученых из других регионов СССР, в первую очередь из Москвы и Ленинграда; и подготовкой с помощью приглашенных специалистов своих кадров. Несмотря на проблемы, связанные с необоснованными репрессиями, другими обстоятельствами, потенциал научно-педагогических кадров гуманитарного профиля к концу 30-х — началу 40-х гг. позволял вести научно-исследовательскую и преподавательскую деятельность¹⁷.

Репрессии не остановили развитие и естественных наук. Общая численность научных сотрудников АН БССР на начало 1941 г. составляла 610 человек. За 12 лет существования количество работавших в ней сотрудников возросло более чем в 4,5 раза. Однако по числу научных работников на 10 тыс. населения (2 чел.) Беларусь в 1940 г. занимала предпоследнее место среди других советских республик¹⁸.

Не менее сложно складывалась судьба художественной интеллигенции Беларуси в довоенные годы. Если представители производственно-технической, научной, образовательной интеллигенции на первых порах по-разному выражали свое отношение к советской власти, то художники, артисты, музыканты, писатели заняли более чем выжидательную позицию. Многие творческие люди в целях выживания вынуждены были сотрудничать с советской властью, стремились объединиться в профессиональные союзы и чутко прислушивались к тому, что происходит в Москве. Для художественной интеллигенции Беларуси 20-е гг. были временем поиска форм выражения собственного художественного кредо. Писатели и поэты имели возможность сотрудничать в восьми объединениях, художники — в четырех, композиторы и музыканты создавали самостоятельные произведения и представляли их на суд слушателей. Театральные деятели стремились проявить свой талант в постановке классических пьес или народного эпоса. Это глубоко раскрыто в монографии Э. Б. Ершовой.

Анализ проблем формирования и развития художественной интеллигенции позволяет сделать обоснованный вывод о том, что развитие искусства и литературы не должно определяться потребностями политической системы. Любое подчинение искусства

или литературы политической системе, обслуживание политики неизбежно приводит к утрате самобытности, творческого начала. Тем не менее, творческой интеллигенцией Беларуси в тех непростых условиях были созданы художественные произведения, вошедшие в сокровищницу мировой культуры¹⁹.

Оценка участия интеллигенции Беларуси в Великой Отечественной войне

Великая Отечественная война стала серьезным испытанием для советского народа. Подавляющее большинство интеллигенции в условиях оккупации приняло активное участие в сопротивлении захватчикам, в подпольной борьбе, советском партизанском движении. Несмотря на все сложности предвоенной судьбы, очень многие интеллигенты сделали выбор в пользу борьбы против гитлеризма. Тем более, что в составе советской интеллигенции довоенной Беларуси было немало людей, активно участвовавших в общественно-политической жизни республики. Только в рядах партизан Беларуси в 1941—1945 гг. находилось около 8 тыс. партийных, советских, комсомольских, хозяйственных и других довоенных руководящих работников. Они сделали очень многое для развертывания борьбы против оккупантов.

Большой контингент педагогов, инженеров и техников, медиков, представителей иных интеллигентских профессий влился в боевые ряды защитников Родины летом 1941 г., когда из Беларуси на фронт ушло свыше полумиллиона жителей. Уже в первые военные недели за оружие взялись тысячи студентов и свыше 900 преподавателей и научных работников. В Красную Армию летом 1941 г. влилось свыше 10 тыс. учителей Беларуси. Представители интеллигенции в битвах с врагом шли по дорогам войны простыми солдатами, совершали подвиги, тысячами гибли ради победы над фашизмом²⁰.

Интеллигенция, эвакуировавшаяся из Беларуси, была включена в общий жизненный трудовой ритм сражавшейся страны. Обстоятельства войны определили для интеллигенции в эвакуации единственный путь — трудиться на Победу, всячески приближая ее усилиями своего интеллекта, таланта, знаниями, стойко преодолевать все невзгоды военного времени. Об этих

героических страницах истории советской интеллигенции подробно рассказано в монографии В. И. Кузьменко.

Не секрет, что гитлеровцы пытались использовать часть интеллигенции, специалистов различных профессий в своих захватнических целях — грабежа народного богатства, превращения людей в послушных рабов. Известный круг лиц из интеллигенции фашистские службы не без определенного успеха постарались втянуть в политическую игру, использовать при создании антисоветского белорусского движения. Белорусские коллаборанты вошли в различные вспомогательные оккупационные органы, помогали гитлеровцам в проведении пропагандистской и культурно-просветительской работы.

Обращают на себя внимание те факты, когда в историографии постсоветского периода выявились попытки под ширмой «национального Возрождения» реабилитировать профашистских коллаборационистов как «жертв сталинского режима», представить гитлеровских оккупантов в качестве «радетелей» белорусского языка и культуры. Например, в книге Л. Лыча и В. Новицкого «Гісторыя культуры Беларусі» (3-е изд. Минск, 2008 г.) есть раздел, который так и называется: «Акупацыя не спыніла культурны працэс» («Оккупация не остановила культурный процесс»). Авторы считают, что большой заслугой коллаборантов является получение разрешения немецких властей на создание уже осенью 1941 г. неполных средних (семилетних) общеобразовательных школ, обучение и воспитание в которых строилось только на белорусском языке. При этом идеализируется работа Н. Арсеньевой, В. Ивановского, В. Козловского, других коллаборантов — верных служителей гитлеровского режима. Отдельные современные авторы восхищаются деятельностью так называемого «Союза белорусской молодежи» — организации, созданной по образцу «гитлерюгенда», но ставившей цель воспитать белорусскую молодежь «в духе ответственности за судьбу национальных духовных ценностей»²¹. Однако некоторые современные авторы умалчивают, что указанный «Союз» стремился реализовать воспитательные цели с помощью приверженности молодежи «к вождю “нового порядка” в Европе великому Адольфу Гитлеру». Подобные «научные изыскания», явно тенденциозные,

перемешанные с откровенным враньем, призваны навязать поколениям, не знающим войны, терпимость к фашистской идеологии, принизить значение Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Историография деятельности и позиций интеллигенции Беларуси в послевоенный и «перестроечный» периоды

После окончания войны значительная часть интеллигенции, вернувшись с фронта и эвакуации, активно включилась в восстановление и развитие республики, укрепление многонационального советского государства. Огромную помощь Беларуси оказали специалисты из России, других братских республик. Быстро восстановленный социально-экономический потенциал давал возможность увеличить число работников умственного труда. В коллективном исследовании «Великий Октябрь и социальная структура советского общества: интеллигенция» раскрыты многие проблемы формирования интеллигенции и ее реального творческого вклада в развитие различных производственных отраслей и социальной сферы послевоенного периода²².

Быстрые темпы роста численности интеллигенции при всей ее важной положительной роли в социально-экономическом развитии страны привели к тому, что достаточно большая часть специалистов, получив социальный статус интеллигента как работника квалифицированного труда, не сумела развить в себе социально-психологические качества личностного плана. К понятию «интеллигент» следует отнести высокую общую культуру, глубокий профессионализм, постоянное стремление к самообразованию, обостренное чувство социальной справедливости, человеческого достоинства.

Вскоре выяснилось, что советское общество не лишено противоречий, своевременное разрешение которых должно способствовать дальнейшему движению к прогрессу. Однако отдельные усилия представителей интеллигенции поставить эти проблемы в общественную повестку дня не находили понимания среди партийного руководства.

Рост массовости интеллигенции при отсутствии материальных и социальных стимулов, постоянные потребительские вызовы,

приходившие с Запада, сменили увлеченность овладения профессиональными знаниями более прагматичными ориентациями. В этих условиях определенная часть интеллигенции откровенно переключилась на должное восприятие западных ценностей в сочетании с усвоением стереотипов в поведении, руководствуясь нормами «двойной морали». Так, в БССР, как и во всем СССР, сформировался определенный слой так называемых «интеллектуалов-инакомыслящих». Это дало повод некоторым авторам говорить о «феномене внутренней эмиграции», под которой понималась «стратегия адаптации» в условиях «жесткой идеологической заданности культуры». Такая «интеллигенция», принимая существовавшие директивы, оставляла за собой право на «роскошь приватности» — «возможности быть инакомыслящим в себе»²³. Информация об этих и других негативных тенденциях, проявившихся в той или иной степени, несомненно доходила до партийного и советского руководства, однако соответствующих выводов сделано не было.

Аналогичные тенденции наблюдались и в БССР, прежде всего среди научной и студенческой молодежи. Особенность заключалась лишь в том, что здесь основной упор делался на дальнейшее развитие белорусской культуры и языка, сохранение исторических памятников. Однако в Беларуси спекуляции на национальных проблемах не получили широкого развития. Сказались сильные патриотические позиции в республике-партизанке, созидательные крестьянские начала в массе населения, отсутствие масштабной коррупции. Тем не менее, постепенно те тенденции, которые охватывали союзный центр и другие республики, проникли и в Беларусь, что в итоге привело к распаду некогда великой державы.

Выводы

Таким образом, историография интеллигентоведения Беларуси накопила богатый материал, раскрывающий сложные процессы становления и развития интеллигенции, деятельности ее отдельных отрядов на разных этапах исторического процесса. Представленные работы в целом раскрывают определяющую роль интеллигенции Беларуси в довоенный период в формировании

контингента управленческих кадров, развитии производственно-технического потенциала, образования, культуры и науки. Но если для советской историографии был характерен идеализированный подход в изображении роли и значимости интеллектуальных сил в строительстве нового общества, то в постсоветской литературе стали превалировать трагические страницы, жертвенность интеллигенции оценивалась как результат административного и идеологического воздействия. Подобные крайности следует избегать. Не упрощая сложности и противоречивости развития интеллигенции, необходимо обратить внимание на взаимоотношения между ее отрядами, проблемы между старыми специалистами и новыми работниками умственного труда, процессы передачи опыта дореволюционных профессионалов молодым строителям нового общества, преемственности поколений. Требуется дальнейшего изучения роль межреспубликанских связей, прежде всего с Россией, ее научно-образовательными учреждениями в формировании и развитии интеллектуального потенциала Беларуси. Решение этих и других актуальных вопросов интеллигентоведения Беларуси будет способствовать глубокому осмыслению вклада этой социальной группы в становление мировой цивилизации гуманистической направленности.

Примечания

¹ *Луначарский А. В.* Интеллигенция в ее прошлом, настоящем и будущем. М., 1924. С. 23.

² *Вирская В. П.* Интеллигенция Беларуси как исследовательская проблема: историографический аспект // *Образы прошлого в историографии: белорусско-французский диалог: материалы Междунар. науч.-практ. конф.* Минск, 2008. С. 33—44; *Малиновская Э. Л.* Формирование интеллигенции БССР в 1920—30-е гг. как исследовательская проблема: обзор белорусской историографии (1950—80-е гг.) // *Интеллектуальная культура Беларуси: управление знаниями в контексте задач социально-экономической модернизации: материалы Второй междунар. науч. конф.* Минск, 2016. С. 425—427; *Малиновская Э. Л.* Современное состояние историографии вопроса формирования интеллигенции Беларуси в 1920—30-х гг. // *Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навуковы зборнік.* Мінск,

2016. Вып. 11. С. 115—127; *Дзянісаў А. У.* Інтэлігенцыя Савецкай Беларусі ў 20-х гг. XX ст. як аб'ект дзяржаўнай палітыкі: (на прыкладзе дабраахвотных крызнаўчых таварыстваў) // Труды БГТУ. 2012. № 5 (152). С. 53—56.
- ³ *Турук Ф. Ф.* Белорусское движение: очерк истории национального и революционного движения белорусов. М., 1921. С. 18—19.
- ⁴ *Козляков В. Е.* Национальный вопрос и неонароднические партии, начало XX в. — конец 20-х гг.: (на материалах России, Беларуси и Украины). Минск, 2001. С. 124—125.
- ⁵ *Платонов Р., Сташкевич Н.* К вопросу о становлении белорусской национальной государственности // Октябрь 1917 г. и судьбы политической оппозиции: совместное российско-белорусское исследование: в 3 ч. Гомель, 1993. Ч. 2.
- ⁶ *Кузнецов Ю. С.* Вовлечение интеллигенции в социалистическое строительство (1917—1925 гг.): на материалах партийных организаций Белоруссии. Минск, 1982. С. 41.
- ⁷ *Лыч Л., Навіцкі У.* Гісторыя культуры Беларусі: 3-е выд., дап. Мінск, 2008. С. 259—260.
- ⁸ *Вирская В. П.* В структуре общества: переписи населения как источник по историографии истории интеллигенции Беларуси // Беларуская думка. 2009. № 9. С. 47.
- ⁹ Из стенограммы заседания Оргбюро ЦК РКП (б) по вопросу о состоянии и работе КП (б) Белоруссии 4 ноября 1925 г. // ЦК РКП (б) и национальный вопрос. М., 2005. Кн. 1. С. 335, 345—346.
- ¹⁰ Политика белорусизации и трагический финал // Становление и крушение однопартийной системы в СССР. Гомель, 1995. С. 126.
- ¹¹ *Ершова Э. Б.* Исторические судьбы художественной интеллигенции Белоруссии (1917—1941). М., 1994. С. 129—130.
- ¹² *Вішнеўскі А. Ф.* Гісторыя дзяржавы і права. Мінск, 2000. С. 240.
- ¹³ *Новик Е. К.* Формирование кадров народного образования Белоруссии (1917—1941 гг.). Минск, 1981.
- ¹⁴ *Василевская Н. В.* Формирование производственнотехнической интеллигенции БССР, 1921—1941 гг. Минск, 1981. С. 110—111.
- ¹⁵ Эканамічная гісторыя Беларусі Вучэбны дапаможнік. 2-е выд., дап. I перапрац. Мінск. 1995. С. 252.
- ¹⁶ *Токарев Н. В.* Становление и развитие советской системы организации науки в БССР в 20—40-е годы // Наука Беларуси в XX столетии. НАН Беларусі. Минск, 2001. С. 11—13.
- ¹⁷ *Шаўчук І. І.* Гуманітарныя навукі ў сацыяльнай гісторыі Беларусі (20—30-я гг. XX ст.). Брэст, 2007. С. 226.

- ¹⁸ *Корзенко Г. В.* Подготовка научных кадров в Беларуси : взгляд сквозь годы. Минск, 1998. С. 145—146.
- ¹⁹ *Ершова Э. Б.* Указ. соч. С. 276—277.
- ²⁰ *Кузьменко В. И.* В суровые сороковые : интеллигенция Беларуси в Великой Отечественной войне. Минск, 2006. С. 63, 119.
- ²¹ *Лыч Л., Навіцкі У.* Указ. соч. С. 356—383.
- ²² Великий Октябрь и социальная структура советского общества : интеллигенция. Минск, 1988.
- ²³ *Левицкий А.* Внутренняя эмиграция белорусских интеллектуалов в БССР (1964—1985 гг.) // Деда : дайджест публикации о белорусской истории. Минск, 2014. Вып. 14. С. 190—203.

References

1. *Dzyanisay A. U.* Inteligentsyya Savetskay Belarusi ў 20-kh gg. XX st. yak ab'ekt dzyarzhajнай palityki : (na prykladze dabraakhvotnykh kryuznajchykh tavarystvaŭ) // Trudy BGTU. 2012. № 5 (152).
2. Ekanamichnaya gistoryya Belarusi Vuchebny dapamozhnik. 2-e vyd., dap. I peraprats. Minsk, 1995.
3. Iz stenogrammy zasedaniya Orgbyuro TsK RKP (b) po voprosu o sostoyanii i rabote KP (b) Belorussii 4 noyabrya 1925 g. // TsK RKP (b) i natsionalnyy vopros. M., 2005. Kn. 1.
4. *Korzenko G. V.* Podgotovka nauchnykh kadrov v Belarusi : vzglyad skvoz gody. Minsk, 1998.
5. *Kozliakov V. Ye.* Natsionalnyy vopros i neonardnicheskie partii, nachalo XX v. — konets 20-kh gg. : (na materialakh Rossii, Belarusi i Ukrainy). Minsk, 2001.
6. *Kuzmenko V. I.* V surovye sorokovyie : intelligentsiya Belarusi v Velikoy Otechestvennoy voyne. Minsk. 2006.
7. *Kuznetsov Yu. S.* Vovlechenie intelligentsii v sotsialisticheskoe stroitelstvo (1917—1925 gg.) : na materialakh partiynykh organizatsiy Belorussii. Minsk, 1982.
8. *Levitskiy A.* Vnutrennyaya emigratsiya belorusskikh intelektualov v BSSR (1964—1985 gg.) // Dedy : daydzhest publikatsii o belorusskoy istorii. Minsk, 2014. Vyp. 14.
9. *Lunacharskiy A. V.* Intelligentsiya v ee proshlom, nastoyashchem i budushchem. M., 1924.
10. *Lych L., Navitski U.* Gistoryya kultury Belarusi : 3-e vyd., dap. Minsk, 2008.

11. *Malinovskaya E. L.* Formirovanie intelligentsii BSSR v 1920—30-e gg. kak issledovatel'skaya problema : obzor belorusskoy istoriografii (1950—80-e gg.) // Intellektual'naya kultura Belarusi: upravlenie znaniyami v kontekste zadach sotsialno-ekonomicheskoy modernizatsii : materialy Vtoroy mezhdun. nauchn. konf. Minsk, 2016.
12. *Malinovskaya E. L.* Sovremennoe sostoyanie istoriografii voprosa formirovaniya intelligentsii Belarusi v 1920—30-kh gg. // Krynitsaznaŭstva i spetsyjalnyya gistorychnyya dystsyplinyu : navukovy zbornik. Minsk, 2016. Vyp. 11.
13. *Novik Ye. K.* Formirovanie kadrov narodnogo obrazovaniya Belorussii (1917—1941 gg.). Minsk, 1981.
14. *Platonov R., Stashkevich N.* K voprosu o stanovlenii belorusskoy natsionalnoy gosudarstvennosti // Oktyabr 1917 g. i sudby politicheskoy oppozitsii : sovmestnoe rossiysko-belorusskoe issledovanie : v 3 ch. Gomel, 1993. Ch. 2.
15. Politika belorusizatsii i ee tragicheskii final // Stanovlenie i krushenie odnopartiynoy sistemy v SSSR. Gomel, 1995.
16. *Shaychuk I. I.* Gumanitarnyya navuki ŷ satsyjalnay gistoryi Belarusi (20—30-ya gg. XX st.). Brest, 2007.
17. *Tokarev N. V.* Stanovlenie i razvitie sovet'skoy sistemy organizatsii nauki v BSSR v 20—40-e gody // Nauka Belarusi v XX stoletii. NAN Belarusi. Minsk, 2001.
18. *Turuk F. F.* Belorusskoe dvizhenie : ocherk istorii natsionalnogo i revolyutsionnogo dvizheniya belorusov. M., 1921.
19. *Vasilevskaya N. V.* Formirovanie proizvodstvennotekhnicheskoy intelligentsii BSSR, 1921—1941 gg. Minsk, 1981.
20. Velikiy Oktyabr i sotsial'naya struktura sovet'skogo obshchestva : intelligentsiya. Minsk, 1988.
21. *Virskaya V. P.* Intelligentsiya Belarusi kak issledovatel'skaya problema: istoriograficheskii aspekt // Obrazy proshlogo v istoriografii : belorussko-frantsuzskiy dialog : materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Minsk, 2008.
22. *Virskaya V. P.* V strukture obshchestva : perezpisi naseleniya kak istochnik po istoriografii istorii intelligentsii Belarusi // Belaruskaya dumka. 2009. № 9.
23. *Vishneŷski A. F.* Gistoryya dzyarzhavy i prava. Minsk, 2000.
24. *Yershova E. B.* Istoricheskie sudby khudozhestvennoy intelligentsii Belorussii (1917—1941). M., 1994.

ББК 85.113(2)6-1

Е. Н. Мазалецкая**ВКЛАД ГОРОДСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
В СОХРАНЕНИЕ АРХИТЕКТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
РЫБИНСКА В 1960—80-е ГОДЫ****Предпосылки и создание ВООПИиК**

Во второй половине XX века в СССР усилился интерес к памятникам истории и культуры. Возросло внимание к проблемам сохранения и развития русской культуры, исторических и культурных памятников. Министерство культуры РСФСР с момента создания активно занималось вопросами охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры. Правительство определило сохранение и использование культурного наследия основными задачами общества в культурно-образовательной деятельности¹.

Как часть большого государственного плана по сохранению культурного наследия и в целях воспитания новых поколений было открыто Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК). Оно стало центральной организацией, которая занималась краеведческой, туристической, образовательной работой, сохранением культурного наследия страны. Идея создания общества принадлежала московской интеллигенции. Инициаторами выступили заместитель председателя Совета министров РСФСР В. И. Кочемасов, писатель Л. М. Леонов,

---

© Мазалецкая Е. Н., 2018

Мазалецкая Елена Николаевна — аспирант исторического факультета Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. alissiya27@list.ru

художники И. С. Глазунов, П. Д. Корин и Н. А. Пластов, композитор Г. В. Свиридов, директор Эрмитажа Б. Б. Пиотровский, академики АН СССР И. В. Петрянов-Соколов и Б. А. Рыбаков. Членами общества в первые годы работы стали представители научного сообщества и городской интеллигенции. В Оргкомитет вошли П. Д. Барановский, А. А. Коробов, Н. А. Пластов, П. П. Ревякин и В. П. Тызман и др.² После объявления о создании ВООПИиК началось активное движение по открытию отделений на всей территории страны.

Города Верхнего Поволжья также включились в работу по организации местных отделений общества. Были открыты областные, городские, районные отделения, в том числе и Рыбинское. Старинный город на Волге с богатой историей, где работали известные краеведы, занимавшиеся популяризацией краеведческого движения, изучением истории и природы, развитием туризма еще с 1920-х годов, не мог остаться в стороне от этих процессов. Главной силой, как и в предшествующие годы, стала рыбинская интеллигенция.

Создание и первые годы работы Рыбинского городского отделения

Первая учредительная конференция Рыбинского городского отделения Всероссийского общества памятников истории и культуры состоялась в 1965 году. Открывал ее Михаил Александрович Рапов. Он интересовался историей и культурой родного края, являлся автором популярных изданий по истории архитектуры Рыбинска, активно участвовал в общественной жизни города, увлекался фотографией и организовал одну из первых выставок цветной фотографии в Рыбинском авиационном техникуме. Михаил Александрович был преподавателем техникума, членом областного комитета, заместителем председателя общества по архитектурным памятникам. Он стал первым председателем Рыбинского городского отделения ВООПИиК и проработал на этой должности с 1966 по 1971 год. В своем выступлении на первом заседании М. А. Рапов обозначил задачи общества, которые заключались в организации широкой пропаганды памятников истории и культуры, а также в привлечении общественности к охране памятников.

Для руководства работой отделения был создан оргкомитет из тринадцати человек, который начал работу 25 ноября 1965 года³. В состав комитета вошли: заместитель председателя исполкома М. М. Цветкова, преподаватель техникума, председатель комитета М. А. Рапов, заведующая городским и районными отделениями культуры Л. М. Баранникова, строители Г. И. Цапаева и Б. М. Соколов, заместитель заведующего ГОРНО М. Н. Назарова, скульптор Ю. М. Львов, инструктор ГК КПСС Е. С. Рязанов, директор историко-художественного музея А. А. Чижов, главный архитектор города А. И. Майков, заведующий районным отделом культуры Г. И. Панаев, заведующий художественной мастерской М. В. Глибин, председатель ревизионной комиссии А. Н. Болотова⁴.

Таким образом, в составе комитета были представители из разных профессиональных сфер: архитекторы, работники музея, художественной мастерской, преподаватели, представители городского и партийного руководства.

Рыбинское отделение ВООПИиК открылось в 1967 году. Перед активом общества была поставлена задача в сжатые сроки привлечь к работе все партийные, профсоюзные организации города, а также рабочих и служащих. На заседании отделения был составлен план работ по охране, реставрации и изменению характера использования исторических памятников⁵.

Рыбинское отделение создавало первичные организации по аналогии с Ярославским отделением общества. Центральный совет общества в письме о работе первичных организаций дал методические указания, в том числе по привлечению в общество новых членов. Представители городского отделения провели обучающий семинар в первичных организациях, на котором учили составлять план работы, знакомили с основными постановлениями правительства по охране памятников.

При городском отделении были созданы архитектурная, историческая секции, а также секции пропаганды и молодежная. Всего в Рыбинске работало 68 первичных организаций, из них: 37 — в школах, 7 — в профессиональных училищах, 6 — в техникумах, 4 — в горкоме профсоюзных работников культуры и 14 — на крупных предприятиях города. Благодаря активной деятельности численность городского отделения росла достаточно быстро.

Из отчетных документов видно, что к работе было привлечено около 6200 человек⁶. Для сравнения: в Костромском отделении ВООПИиК, например, были созданы 153 первичные организации и оформлены 42 коллективных члена, с общим числом в 7542 человек⁷. В Ярославле за этот же период была создана 81 первичная организация, привлечено 95 коллективных членов, насчитывавших 14 тыс. человек, в общей сложности в общество вступило примерно 20 тыс. человек. М. Г. Мейерович отмечал активную работу первичных организаций в школах и на заводах⁸.

Рыбинское отделение с трудом справлялось со своими задачами. Из документов архива можно заключить, что в начальный период секции отделения испытывали особые трудности с организационной работой, с привлечением членов. Например, секция пропаганды была малоактивной. Это выражалось в небольшом количестве проведенных и планируемых мероприятий, низкой публикационной активности. Постепенно ситуация улучшилась и отделение начало выполнять одну из важных задач — популяризировать сохранение культурного наследия Рыбинска, рассказывать о роли общества в этом процессе. В публикациях членов Рыбинского городского отделения — М. А. Рапова, Л. М. Марасиновой, Н. А. Лосева, Н. Крюкова, В. В. Богородицкого и др., эти темы были актуализированы в таких газетах, как «Рыбинская правда», «Новая жизнь», «Северный рабочий», «Юность»⁹.

Роль интеллигенции в сохранении памятников истории и культуры Рыбинска

Поскольку целями отделения являлось сохранение, изменение характера использования и дальнейшая реставрация памятников, то общество, помимо освещения в прессе, старалось на практике выполнять планы. Городское отделение под руководством М. А. Рапова начало работу по реставрации архитектурных памятников г. Рыбинска, в частности восстановление глав и шпиля Рыбинского Спасо-Преображенского собора.

На начальном этапе важно было найти людей, готовых на безвозмездной основе подготовить и провести мероприятия, направленные на популяризацию охраны наследия и широкое

информирование жителей города о том, какими памятниками обладает город. Актив общества привлек к этой работе школы, в меньшей степени предприятия и другие учебные заведения. Для того чтобы отреставрировать памятники истории и культуры, Рыбинским отделением совместно со школами и предприятиями города организовывались и проводились различные конкурсы. Так, например, прошел смотр-конкурс на лучшую работу по выявлению, учету, сохранению памятников истории и культуры. В школе № 23 был организован краеведческий кружок, в котором изучали памятники истории и культуры, каждый год организовывали походы, с целью выявления, учета и благоустройства памятников. Для популяризации сохранения наследия сотрудниками библиотеки им. Ф. Энгельса регулярно проводилась викторина «Архитектурные памятники Ярославской области»¹⁰.

С 1970 по 1974 год и с июля 1976 по февраль 1977 года председателем совета городского отделения ВООПИиК был инженер моторостроительного завода Валентин Михайлович Максимов. Он первый публично высказал идею восстановления разобранных куполов Рыбинского Спасо-Преображенского собора и начал ее реализовывать, составив подробную историческую справку с фотографиями для Министерства культуры. Его инициативу поддержали, и дело было передано на рассмотрение в Управление по охране памятников. Спустя некоторое время В. М. Максимову сообщили, что решено выделить средства на восстановление собора. В 1978 году к двухсотлетию города купола Рыбинского Спасо-Преображенского собора были восстановлены в точном соответствии с проектом архитектора А. Мельникова¹¹.

Благодаря активной работе В. М. Максимова в это время в Рыбинском отделении числилось 12 500 членов, насчитывалось около 100 первичных организаций и 47 коллективных членов. Популяризация сохранения памятников истории и культуры, а также воспитание в молодом поколении ответственности и уважения к родному городу были приоритетом для отделения. С этой целью обществом организовывались выставки, читались лекции, проводились многочисленные субботники, оказывалось содействие в установлении мемориальных досок, перечислялись средства на восстановление памятников. В отделении продолжали работать ранее созданные секции¹².

С 1977 по 1984 год Рыбинское городское отделение возглавляла Людмила Михайловна Марасинова. По ее инициативе был восстановлен построенный в 1910 году Рыбинский костел — уникальный памятник архитектуры на Верхней Волге. Она взяла на себя инициативу проведения археологических исследований, результатом которых стало открытие памятника археологии с раннеславянским поселением «Усть-Шексна». Создание и открытие в Рыбинске музея-усадьбы выдающегося ученого-физиолога, академика А. А. Ухтомского также связано с деятельностью общества, поддержавшего идею и принявшего участие в создании музея¹³. Для этого была организована инициативная группа из 22 человек, которую возглавляла Любовь Романовна Варуценко, ее заместителем стала Людмила Михайловна Марасинова.

В это время Рыбинское городское отделение ВООПИиК стало играть более серьезную роль в сохранении исторического наследия города. Общество решило отреставрировать все мемориальные доски, отремонтировать памятники, взять под охрану памятники деревянного зодчества¹⁴. Всё требовало времени, работы с людьми и определенной отчетности. Члены общества часто говорили о том, что нужно более серьезно контролировать работу реставрационной мастерской. Еще одной постоянной темой для обсуждения был поиск средств на реставрацию объектов¹⁵. На повестке дня часто стояли вопросы о сборе членских взносов с должников, об увеличении количества индивидуальных членов, а также различные задачи, касающиеся ремонта, реставрации памятников, проведения мероприятий (лекций, экскурсий, встреч)¹⁶.

Л. М. Марасинова приложила много усилий по сохранению и популяризации памятников Рыбинска. В 1986 году она составила записку в Министерство культуры СССР, на основании которой был подписан приказ о включении Рыбинска в число исторических городов союзного значения. В этом списке их насчитывалось 127, в республиканском — 40. Рыбинск вошел в список с формулировкой «в целях обеспечения сохранности недвижимых памятников истории и культуры при проведении работ по планировке, застройке и реконструкции...». Город встал в один ряд с Ярославлем, Ростовом, Угличем, Переславлем-Залесским и Гутаевым. Л. М. Марасинова, почетный житель города Рыбинска,

внесла значительный вклад в сохранение его исторического облика. Сегодня гимназии № 8 присвоено ее имя¹⁷.

До 1980-х годов председателями городского отделения были историки и краеведы — люди, хорошо знавшие историю края, заинтересованные в сохранении и поддержании облика города, но не имевшие специального архитектурного образования. В 1984 году Рыбинское городское отделение впервые возглавил профессиональный архитектор Николай Андреевич Лосев. Он уделял большое значение проектной деятельности в зоне исторического центра старого города. Рост численности общества вызвал необходимость создать президиум совета, который стал рабочим органом, решавшим различные вопросы локального характера.

В дальнейшем Н. А. Лосев шестнадцать лет работал главным архитектором города. За это время рыбинским краеведам удалось добиться взаимопонимания с городскими архитекторами. В черте старого города стало вестись стилизованное строительство, с учетом сложившегося за два века архитектурного облика Рыбинска¹⁸. Большое значение тогда уделялось участию общественности в разработке проекта нового Генерального плана развития города, в котором максимально учитывалась его уникальная историко-архитектурная среда¹⁹. В первоначальном проекте генплана в 1970-е годы предполагалась капитальная реконструкция исторического центра с утратой множества зданий. Благодаря коллективным усилиям общественности этого удалось избежать, и исторический архитектурный центр Рыбинска был сохранен.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что активисты Рыбинского городского отделения ВООПИиК внесли значительный вклад в сохранение облика города. Именно благодаря их деятельности отделение общества добивалось видимых результатов: вело образовательную и воспитательную работу с населением, способствовало сохранению памятников архитектуры, привлекало туристов, вело диалог с вышестоящими органами власти, добивалось необходимых решений для сохранения исторического облика города.

Представители разных сфер интеллигенции многое сделали для становления и развития общества. Под руководством председателей Рыбинского городского отделения ВООПИиК развивалось краеведческое движение, туризм, публиковались интересные материалы по истории и культуре края.

Примечания

- ¹ Министерство культуры РФ. URL: <http://mkrf.ru/ministerstvo/museum/detail.php?ID=274138&print=Y> (дата обращения: 15.04.2018); Центр документации новейшей истории (далее — ЦДНИ). Государственный архив Ярославской области (далее — ГАЯО). Ф. Р-973. Оп. 1. Д. 8. Л. 1, 10, 11, 12, 14, 17, 19, 20, 31, 40, 91.
- ² *Переслегин Н. В.* Роль московских общественных организаций в создании ВООПИК (1940-е — 1965 г.) // Дом Бурганова. Пространство культуры. 2014. № 1. С. 33.
- ³ Рыбинский филиал Государственного архива Ярославской области (далее — РбФ ГАЯО). Ф. Р-973. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
- ⁴ Там же. Ф. Р-2238. Оп. 1. Д. 1. Л. 4; Д. 2. Л. 3.
- ⁵ Там же. Ф. Р-973. Оп. 1. Д. 5. Л. 1, 2.
- ⁶ Там же. Ф. Р-2238. Оп. 1. Д. 1. Л. 4; Д. 2. Л. 1, 2, 3.
- ⁷ Государственный архив Костромской области (далее — ГАКО). Ф. Р-1099. Оп. 1. Д. 11. Л. 3.
- ⁸ ЦДНИ ГАЯО. Ф. Р-973. Оп. 1. Д. 8. Л. 71—73.
- ⁹ Болезни роста // Северный рабочий. 1964. 21 нояб.; *Максимов В. М.* Народные сокровища // Новая жизнь. 1968. 1 авг.; РбФ ГАЯО. Ф. Р-973. Оп. 1. Д. 5. Л. 1, 2.
- ¹⁰ ЦДНИ ГАЯО. Ф. Р-973. Оп. 1. Д. 8. Л. 1, 10, 11, 12, 14, 17, 19, 20, 31, 40.
- ¹¹ *Розов Е. С.* Сохраняя традиции прошлого // Полвека в датах, событиях, фотографиях. Рыбинск, 2014. С. 3—14.
- ¹² ЦДНИ ГАЯО. Ф. Р-973. Оп. 1. Д. 8. Л. 1, 10, 11, 12, 14, 91.
- ¹³ Музей А. А. Ухтомского — 20 лет // Рыбинская неделя. URL: <http://rweek.ru/2010/09/01/muzeyu-a-a-uxtomskogo-20-let/> (дата обращения: 20.04.2018.).
- ¹⁴ РбФ ГАЯО. Ф. Р-2238. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.
- ¹⁵ ЦДНИ ГАЯО. Ф. Р-973. Оп. 1. Д. 8. Л. 1, 10.
- ¹⁶ РбФ ГАЯО. Ф. Р-2238. Оп. 1. Д. 14. Л. 3.
- ¹⁷ Гимназия № 8 им. Л. М. Марасиновой. URL: <http://gim8.rybadm.ru/lgl/r25aa1.html> (дата обращения: 15.04.2018.); Однажды в Рыбинске (новости, события, факты и аналитика). URL: <http://rybinsk-once.ru/lyudmila-marasinova-esli-by/%E2%80%A6/>. (дата обращения: 15.04.2018).
- ¹⁸ *Розов Е. С.* Указ. соч. С. 3—14.
- ¹⁹ *Семенов В.* Генеральный план города // Рыбинская правда. 1996. 18 дек. С. 3—14.

References

1. Bolezni rosta // Severnyy rabochiy. 1964. 21 noyab.
2. Gimnaziya № 8 im. L. M. Marasinovoy. URL: <http://gim8.rybadm.ru/llg/p25aa1.html> (data obrashcheniya: 15.04.2018).
3. *Maksimov V. M.* Narodnye sokrovishcha // Novaya zhizn. 1968. 1 avg.
4. Ministerstvo kulturey RF. URL: <http://mkrf.ru/ministerstvo/museum/detail.php?ID=274138&print=Y> (data obrashcheniya: 15.04.2018).
5. Muzeyu A. A. Ukhtomskogo — 20 let // Rybinskaya nedelya. URL: <http://rweek.ru/2010/09/01/muzeyu-a-a-uxtomskogo-20-let/> (data obrashcheniya 20.04.2018.).
6. Odnazhdy v Rybinske (novosti, sobytiya, fakty i analitika). URL: <http://rybinsk-once.ru/lyudmila-marasinova-esli-by%E2%80%A6/>. (data obrashcheniya: 15.04.2018.).
7. *Pereslegin N. V.* Rol moskovskikh obshchestvennykh organizatsiy v sozdanii VOOPIK (1940-e — 1965 g.) // Dom Burganova. Prostranstvo kulturey. 2014. № 1.
8. *Rozov Ye. S.* Sokhranyaya traditsii proshlogo // Polveka v datakh, sobytiyakh, fotografiyakh. Rybinsk, 2014.
9. *Semenov V.* Generalnyy plan goroda // Rybinskaya pravda. 1966. 18 dek.

ББК 86.372.24-4

С. М. Усманов

АКТУАЛЬНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО БОГОСЛОВА И МЫСЛИТЕЛЯ

В 1937 г. в Париже вышел в свет объемный труд протоиерея Георгия Флоровского «Пути русского богословия»¹. С тех пор это яркое сочинение мыслителя-эмигранта остается самым упоминаемым его трудом. Куда менее известны другие работы Флоровского, например опубликованные Парижским Православным Богословским институтом в 1931—1933 гг. лекции «Восточные отцы IV века» и «Византийские отцы V—VIII веков»². Отчасти сказывается и то обстоятельство, что с 1940-х гг. в течение трех последующих десятилетий протоиерей Георгий Флоровский выпускал главным образом статьи в различных сборниках. Хотя значительная их часть была позднее переиздана, они до сих пор малоизвестны, так что отец Георгий Флоровский в современной России всё еще остается далеко не прочитанным. Чтобы в этом убедиться, любознательному читателю достаточно посмотреть, например, много ли откликов имеет выпущенный два десятилетия назад в Москве сборник статей отца Георгия «Догмат и история»³.

Вот почему заслуживает внимания новая публикация текстов протоиерея Георгия Флоровского, вышедшая в свет в 2017 г.

© Усманов С. М., 2018

Усманов Сергей Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. ilapsi@yandex.ru

под названием «Свидетельство Истины»⁴. Из 41 статьи отца Георгия только одна работа представлена здесь в оригинальном варианте на русском языке, а остальные сорок — в переводах с английского, немецкого и французского языков составителя сборника, петербургского исследователя Алексея Анатольевича Почекунина. Среди публикуемых работ Флоровского есть и программные сочинения богослова-эмигранта, и небольшие статьи для энциклопедических изданий. Такое совмещение различных текстов представляется вполне оправданным. Энциклопедические статьи отца Георгия так же интересны и содержательны, как и его объемные сочинения, поскольку он был настоящим эрудитом и очень требовательным к себе мыслителем и исследователем.

Рассматриваемое нами издание имеет вступительную статью и послесловие, резко отличающиеся друг от друга. Дело в том, что открывающая сборник статья известного знатока русского богословия А. А. Ермичева воспроизводится из журнала более чем двадцатилетней давности и мало соотносится с содержанием публикуемых статей мыслителя. Ермичев писал о «контурах философии Г. В. Флоровского», а в настоящем издании представлены главным образом сочинения богословского и историко-церковного содержания. Вероятно, статья А. А. Ермичева призвана дать читателю общее представление о наследии протоиерея Георгия Флоровского, что может облегчить понимание публикуемых далее его трудов. Совсем другое дело — послесловие, написанное французским переводчиком Ивом-Ноэлем Лелувьером и составителем сборника А. А. Почекуниным. В нем рассматриваются те богословские проблемы, которые ставил в публикуемых статьях отец Георгий. Впрочем, такой обзор Лелувьера и Почекунина на семнадцать страниц носит общий характер, но оказывается полезным для читателя.

В целом сборник «Свидетельство Истины» получился очень содержательным. В него вошли многие работы протоиерея Георгия Флоровского по христианскому Священному преданию, истории Церкви, проблемам экуменизма. Есть в сборнике и статьи отца Георгия, посвященные отдельным личностям в истории и современной ему церковной жизни. Всё это может

быть очень актуальным в изысканиях историков, религиоведов, философов, культурологов.

Стоит принять во внимание характер и стиль научных трудов протоиерея Георгия Флоровского. Глубина и острота мысли, отточенность формулировок, обширная эрудиция придают его сочинениям настоящую фундаментальность, а укорененность в основах христианского вероучения — значительную устойчивость в контексте изменчивой конъюнктуры научных поисков. Поэтому зачастую мнения и оценки отца Георгия с годами становятся всё более вескими и значимыми.

Вместе с тем в рецензируемом сборнике немало таких сочинений отца Георгия Флоровского, которые не так легко поддаются усвоению и интерпретации. Прежде всего, это многие работы по проблемам экуменизма. Как известно, отец Георгий являлся последовательным приверженцем экуменического диалога православных и не православных христиан. В таком диалоге он занимал свою позицию, достаточно консервативную и весьма настойчивую.

Может быть, в данном случае наиболее показательна его небольшая статья «Свидетельство Православной Церкви». В ней Флоровский вспоминал об итоговых раздумьях скончавшегося в 1894 г. святителя Феофана Затворника, побуждавшего многочисленных читателей своих сочинений быть более усердными в осознании православной веры, изучении Библии и святоотеческого наследия. «Со времен Феофана прошло много лет, — писал Флоровский, — оправдались его худшие предчувствия. Вся православная Церковь — не только в России — вовлечена в отчаянную борьбу против яростного наступления безбожия и неверия. Души людей подвергаются невероятному испытанию»⁵. В связи с этим отец Георгий подчеркивает необходимость богословской работы, чтобы дать ответ на вызов безбожия: «Заржавевшее оружие не помогает. Я говорю не о Священном Предании, не о святоотеческих творениях, а о неполноценных книгах прошлого века, часто недолговечных и редко обеспечивающих удовлетворительное истолкование Священного Предания. Наше богословское производство остановилось много лет назад, что свидетельствует о забвении педагогической миссии Церкви. Невежество в Церкви растет, а нас это не волнует!»⁶

Цитируемая статья была впервые опубликована посмертно только в 1989 г. в одном из экуменических сборников. Но к самому Флоровскому отмеченные им изъяны православной богословской мысли едва ли имеют отношение, поскольку именно отец Георгий выдвинул в контексте нашей эпохи новую богословскую концепцию «неопатристического синтеза». Она не имела особого отклика в Русском Зарубежье, хотя во многом продолжателем начинаний протоиерея Георгия Флоровского стал такой крупный богослов и ученый, как протоиерей Иоанн Мейендорф. Не было учеников у отца Георгия Флоровского и в Советском Союзе, однако его сочинения читали в духовных академиях и семинариях. Тем не менее, концепция «неопатристического синтеза» нашла заинтересованных приверженцев на Западе. В греческом православном богословии ее поддержали такие известные богословы XX столетия — и одновременно ученики протоиерея Георгия Флоровского, как митрополит Иоанн (Зизиулас) и протоиерей Иоанн Романидис.

Правда, в рассматриваемом нами сборнике немного работ отца Георгия, в которых его концепция «неопатристического синтеза» нашла свое выражение. Зато в нем много статей об условиях, возможностях и конкретном опыте экуменического диалога. Не будем утверждать, что суждения Флоровского в этом отношении бесспорны, но аргументы русского богослова и мыслителя заслуживают внимания и основательного осмысления.

В этом отношении очень показательна опубликованная посмертно статья отца Георгия «Представители экуменической мысли XX столетия», где содержится очень акцентированная критика взглядов таких известных русских мыслителей, как Николай Данилевский, Лев Карсавин, протоиерей Сергей Булгаков, Владимир Лосский, а также и некоторых западных авторов, в первую очередь — Арнольда Джозефа Тойнби. Пользуясь случаем, протоиерей Георгий Флоровский еще раз обосновывает необходимость христианского экуменизма доводами не только духовного, но и историко-культурного порядка: «...теория независимых “христианских обществ” есть историческая фикция, греховная и опасная. Христианский мир действительно разделен. Но на части единого целого, ибо это просто “части” и “фрагменты”. И, соответственно, их можно понять только

в целом, в контексте и на фоне изначального христианского единства, которое было нарушено. Восстановление полного христианского видения, общей христианской перспективы — отнюдь не легкая задача после столетий отчужденности и напряженности. Но это неизбежная задача»⁷.

Другое дело, что опыт десятилетий, прошедших после кончины протоиерея Георгия Флоровского, существенно корректирует оптимизм его экуменических надежд. Ведь ныне многие «части» и «фрагменты» «христианского мира», равно как и отдельные «христианские общества», уже явно вступили в «постхристианскую» стадию своего существования.

В заключение отметим несомненную пользу усилий АНО «Духовное наследие» и составителя сборника А. А. Почекунина по публикации значимой части наследия протоиерея Георгия Флоровского. Досадно, что это доброе начинание не обошлось без огрехов. Несмотря на то, что сборник «Свидетельство Истины» имеет целых трех редакторов (ведущего редактора, научного редактора и редактора, осуществлявшей общую редакцию), он содержит немало стилистических погрешностей и даже ошибок в грамматике и терминологии. Например, в уже упоминавшейся статье «Свидетельство Православной Церкви» речь идет о «пасторском» послании святителя Феофана Затворника⁸. На самом деле это было пастырское послание, ведь епископ Феофан был православным пастырем, а не протестантским пастором. Этот существенный нюанс не был учтен при переводе. Конечно, всё это очевидно, но мнимое «пасторство» можно обнаружить в сборнике и в других местах⁹. Как бы то ни было, подобные огрехи по-своему лишь оттеняют тот высокий уровень, которого достиг выдающийся богослов и интеллектуал Русского Зарубежья протоиерей Георгий Флоровский.

Примечания

¹ Флоровский Г., *прот.* Пути русского богословия. 2-е изд. Париж, 1983.

² Флоровский Г. В. Восточные отцы IV века. Репринт. М., 1992; Флоровский Г. В. Восточные отцы V—VIII веков. Репринт. М., 1992.

³ Флоровский Г., *прот.* Догмат и история. М., 1998.

⁴ *Флоровский Г., прот.* Свидетельство Истины. СПб., 2017.

⁵ Там же. С. 229.

⁶ Там же. С. 230.

⁷ Там же. С. 336.

⁸ Там же. С. 228.

⁹ Там же. С. 142, 151.

References

1. *Florovskiy G., prot.* Dogmat i istoriya. M., 1998.
2. *Florovskiy G., prot.* Puti russkogo bogosloviya. 2-e izd. Parizh, 1983.
3. *Florovskiy G., prot.* Svidetelstvo Istiny. SPb., 2017.
4. *Florovskiy G. V.* Vostochnye ottsy IV veka. Reprint. M., 1992.
5. *Florovskiy G. V.* Vostochnye ottsy V—VIII vekov. Reprint. M., 1992.

АННОТАЦИИ

Баженов А. М., Мартынова Т. М. Тема «Интеллигенция и война» в контексте художественной литературы

Ключевые понятия: интеллигенция, война, художественная литература, военные действия, Тридцатилетняя война, Первая мировая война, Вторая мировая война, Отечественная война 1812 года, антигуманность, бесчеловечность.

В статье анализируется роль художественной интеллигенции в осмыслении феномена войны. С помощью литературных образов раскрывается весь ужас и бесчеловечность любой войны. Для достижения поставленной цели привлекаются принадлежащие выдающимся писателям произведения, в которых воспроизводятся события Тридцатилетней войны (1618—1648), Отечественной войны 1812 года, Первой мировой войны (1914—1918) и Второй мировой войны (1939—1945).

Достойное место в этом ряду занимает роман немецкого писателя Ганса Якоба Кристофа Гриммельсгаузена «Симплициссимус». Это своеобразное и неповторимое полотно, полное горечи и юмора, отразившее бедствия и ужасы Тридцатилетней войны, после окончания которой был подписан Вестфальский договор. Он положил начало формированию системы национальных государств и государственно-центристской модели мира.

Особый статус в исследовании войны занимает роман-эпопея Льва Николаевича Толстого «Война и мир». Одним из лучших произведений, посвященных Первой мировой войне, является роман Эриха Марии Ремарка «На Западном фронте без перемен». В отдельном сюжете статьи рассматривается исследование событий Второй мировой войны писателями — лауреатами Нобелевской премии — Генрихом Беллем, Гюнтером Грассом и Светланой Алексиевич. Причем первые два писателя сами были участниками Второй мировой войны, что придало большую убедительность при освещении ими описываемых событий.

Всех названных писателей объединяет стремление раскрыть и показать антигуманное содержание военных действий. Умозаключения автора подтверждаются фрагментами из произведений писателей.

Кислицын С. В. Модель внешнеполитической идеологии американского неоконсерватизма

Ключевые понятия: неоконсерватизм, идеология, внешняя политика США, Республиканская партия США.

Неоконсерватизм является одним из наиболее влиятельных политических течений внутри Республиканской партии США. Его внешнеполитические подходы оказали значительное воздействие на деятельность администраций Рональда Рейгана (1981—1989) и Джорджа Буша-младшего (2001—2009). В основе неоконсервативной идеологии лежит совмещение двух основных парадигм американской теории международных отношений — политического реализма и либерализма. Веря в необходимость установления демократического мира посредством американского глобального лидерства, неоконсерваторы не считают демократизацию результатом эволюции государственных институтов. Наоборот, они полагают, что наиболее эффективным инструментом для ее продвижения является применение тактики смены режимов путем силы. Для неоконсерваторов характерен скептицизм по отношению к международному праву и надгосударственным организациям. С их точки зрения, Соединенные Штаты, преследуя идею построения демократического миропорядка, должны реализовывать ее силовым путем в мире, анархичном по своей природе.

Несмотря на достаточную изученность неоконсерватизма как в России, так и за рубежом, задача теоретической систематизации, моделирования его подходов до сих пор не ставилась. Данное исследование основано на принципах системно-исторического анализа, что подразумевает рассмотрение как отдельных элементов неоконсервативной идеологии, так и их взаимодействия с окружающей средой. В связи с этим работа поделена на две соответствующие части.

Первая посвящена непосредственно самой модели внешнеполитической идеологии неоконсерватизма. Ввиду того что идеология стремится к принятию парадигмальных черт, исследование построено на основе таких ключевых определений, как природа международных отношений, суть национального интереса, соотношение фактора силы и международного права, взаимосвязь внутренней и внешней политики государства, значимость надгосударственных международных институтов и роль Соединенных Штатов в глобальном мире. Во второй части статьи приводится отображение построенной модели на примере реальных конфликтов рубежа XX—XXI вв. Делается вывод о статичности неоконсервативной идеологии и ее неспособности к парадигмальным изменениям.

Исследование проведено на основе подходов и идей, высказываемых ключевыми идеологами неоконсерватизма, в первую очередь — Э. Абрамса, Дж. Болтона, М. Бута, Р. Кейгана, Ч. Краутхаммера, И. Кристола, У. Кристола, Д. Муравчика, Н. Подгорца.

Воронов Ю. М., Ерова Т. В., Рожкова А. С. Мудрость толпы: дискурсивные стратегии и нарративы

Ключевые понятия: коллективный разум, цифровая толпа, мудрость толпы, интеллигенция, экспертная сеть, профессиональный любитель, прекариат, краудсорсинг, ноосорсинг.

В статье представлен обзор современных дискурсивных стратегий и нарративов о коллективном разуме в цифровом обществе. Рассматриваются оптимистические и пессимистические прогнозы развития сетевого общества. Обсуждаются такие новые социальные явления, как «цифровая толпа», «профессиональное любительство», «прекариатизация», «посткраудсорсинговые технологии». Показано, что современные споры возрождают как либеральный, так и критический дискурс о массовом обществе. «Мудрость толпы» определяется в качестве особого типа рациональности, реализующегося при определенных условиях. В проектах третьего тысячелетия формируются представления об обществе знаний, креативной экономике, технологической революции, цифровых сервисах и т. д. Драйверами этих общественных процессов многие исследователи считают интеллигенцию.

Целью настоящей статьи является компаративистский анализ современных дискурсивных практик и нарративов, объясняющих происходящие инновации в социальном пространстве сетевого общества.

Теоретические и методологические основы работы укоренены в классическом наследии отечественной и западной традиций философской мысли. Ведущими принципами исследования выступают интегративные и рефлексивные установки социальной философии, междисциплинарный и трансдисциплинарный синтез. Используется инструментарий концептуального моделирования, дискурс-анализа, компаративных методов.

Проведенное исследование приводит к следующим выводам:

— футурологический ракурс анализа дискурсивных стратегий и нарративов по проблемам становления сетевого общества, мудрой толпы, коллективного разума не имеет единой доминанты. Социальный оптимизм конкурирует с пессимистическими прогнозами;

— метафорическое выражение «мудрость толп» (the wisdom of crowds) появилось в двойном полемическом контексте: с одной стороны, как опровержение традиционных представлений об иррациональном поведении толпы, ее безумствах, с другой стороны, как оппонирование современным краудфобам, критикам цифровой культуры и массового общества;

— радикальная смена ракурса наделяет массу совершенно иными характеристиками. Толпа разумна и мудра, поскольку обладает «выдающимся коллективным интеллектом и способна продуцировать ре-

шения, которые гораздо более проникательны, чем выводы самых умных участников».

Калистратов А. Ю., Черноперов В. Л. Образы-представления о Черном континенте и африканцах у германского колониального офицера Рудольфа Ганссера

Ключевые понятия: Р. Ганссер, колониальный офицер, колониализм, Черный континент, Германская Восточная Африка, образ-представление.

Германская империя, включившись позже других великих держав в колониальную гонку, к началу XX в. сумела утвердиться на относительно небольших территориях в разных регионах мира. Самые крупные ее владения лежали в Африке. На востоке Черного континента немцам принадлежали Руанда-Урунди и Танганьика, на западе — Камерун, Тоголенд и Юго-Западная Африка.

О германском владычестве в Африке написаны десятки работ, однако представления германских офицеров-колонизаторов о значении собственной миссии в странах пребывания, туземном населении и отношениях с ним изучены недостаточно. Частично восполнить обозначенный пробел призвана настоящая работа. Ее цель — реконструкция образов-представлений у колониальных офицеров Германской империи, которые предопределяли их поведение на Черном континенте.

Источниковой базой статьи послужили материалы личного происхождения и официальные документы офицера Рудольфа Ганссера (дневник, письма и рапорты), охватывающие период с 1896 по 1902 г. Учитывая типичность Р. Ганссера, его представления (при поправке на индивидуальные знания и особенности мировосприятия) можно распространить на всех младших германских колониальных офицеров конца XIX — начала XX в.

Методологической базой публикации выступили наработки в имиджологии (имагологии) и интеллигентоведении. Понимание содержания образов-представлений и этапов их формирования (этнические, внешнеполитические, инокультурные стереотипы и образы) базируется на разработках Центра по изучению отечественной культуры при ИРИ РАН, а определение офицерского корпуса, к которому принадлежал Р. Ганссер, как автономного социального и интеллектуального сообщества — на достижениях школы интеллигентоведения при ИвГУ. Прежде всего, на определении интеллигенции как составной части более широкого понятия — интеллектуалов и на моделях поведения западных интеллектуалов («бессильные люди», «независимые эксперты», «аутсайдеры-нонконформисты»).

Результаты исследования следующие. Представления офицера Р. Ганссера о Черном континенте и аборигенах укладываются в традиционный для его времени дискурс: стремление служить Родине в колониях сочеталось с желанием карьерного роста и материального благополучия, чувство превосходства над местными жителями и патернализм вели к появлению и развитию расистских воззрений, что формировало соответствующее поведение в отношении африканцев. Параллельно у Ганссера под влиянием провалов разрабатываемых проектов и отсутствия карьерного роста на смену энтузиазму приходило разочарование. Свои неудачи он объяснял самыми разными факторами, но только не признанием, хотя бы частично, собственной вины.

Костякова Ю. Б. Сибирский областник Н. М. Ядринцев о «коренной» и «пришлой» сибирской интеллигенции (По письмам к Г. Н. Потанину за 1872—1873 гг.)

Ключевые понятия: Н. М. Ядринцев, сибирское областничество, Сибирь, интеллигенция, космополитизм, патриотизм.

В настоящее время наблюдается усиление внимания к регионализации как форме социально-культурной и политической самоидентификации. Это актуализирует изучение истории, идеологии и опыта деятельности сибирского областничества — общественно-политического движения второй половины XIX — начала XX в. Целью настоящего исследования является анализ отношения одного из лидеров областников — Н. М. Ядринцева к «коренной» и «пришлой» интеллигенции, к ее роли в возрождении Сибири и формировании региональной интеллигентской среды.

Рассматриваются письма, адресованные областником к своему единомышленнику Г. Н. Потанину в период ссылки 1872—1873 гг. Выявлено, что критическое отношение Н. М. Ядринцева к столичным «образованным людям» было обусловлено их космополитизмом, пренебрежением к провинции и ее населению, непониманием «восточного» вопроса и специфики жизни сибиряков.

Анализ писем позволил определить главные недостатки представителей провинциальной интеллигентской среды с точки зрения областника: отсутствие духовной связи с Сибирью и потребности в улучшении местной жизни. Дана оценка программе Н. М. Ядринцева по воспитанию патриотизма у «коренной» сибирской интеллигенции с помощью периодической печати и культурно-просветительской работы.

Составлен собирательный образ «пришлой» интеллигенции, в которую Н. М. Ядринцев включал ссыльных, чиновников, предпринимателей-хищников, проходимцев, приехавших в Сибирь из европейской части стра-

ны. Определено, что главными причинами его отрицательного отношения к представителям такой интеллигенции являлось отсутствие уважения к Сибири, ее жителям и негативное влияние на местное население.

Иеромонах Тихон (Захаров), Иванов Ю. А. «Шуйский» период Иоакима Шартомского — подвижника благочестия и иконописца XVII века

Ключевые понятия: Иоаким Шартомский, Смутное время, православное подвижничество, традиции иконописания, церковная интеллигенция, региональное почитание.

В статье рассматривается начальный этап деятельности Иоакима Шартомского — одного из подвижников благочестия XVII в. Задача данного исследования — показать, как личный жизненный пример монаха-затворника, его молитвенное делание и служение народу в виде иконописания оказало значительное влияние на местный социум в трудные годы завершения Смуты. Приводится краткое жизнеописание подвижника, показаны мировоззренческие основы его иконописной традиции. Дается обзор источников, освещающих различные периоды жизни инока Иоакима, в особенности его ранний период, когда он проживал на шуйской земле, в Николо-Шартомском монастыре. При анализе приведенных сведений отмечается, что Иоаким Шартомский был почитаемым на местном уровне, но малоизвестным в исторической науке подвижником благочестия, и он заслуживает внимания не только как объект агиографического исследования, но и в историческом и иконографическом аспектах.

Соединение в личности инока-подвижника глубокой аскетической жизни и иконописного дарования является достаточно редким в истории русской иконописи. Подчеркивается, что от созданных им образов произошло не только много исцелений, но и сами чудотворения стали фактором духовного просвещения народа в сложный исторический период. Делаются выводы, что именно святость подвижника даровала его иконам благодать исцелений и что чудотворные иконы становились знаками и символами возрождения региона. Особо отмечается исторический факт влияния личности Иоакима Шартомского и его чудотворных икон на духовный облик шуйской земли во время, последующее неоднократным ее разорениям, а также признание того, что русские монахи способствовали сохранению государственности в России во времена шатания уютов.

Козляков В. Е. Великая российская (русская) революция и судьбы интеллигенции Беларуси: некоторые аспекты историографии вопроса

Ключевые понятия: интеллигенция, интеллектуалы, интеллигентоведение, Беларусь, Великая российская (русская) революция, БССР, белорусизация, наука, образование, культура, советское общество.

В статье поставлена цель раскрыть актуальные вопросы белорусской историографии, показывающие влияние Великой российской (русской) революции на судьбы и роль интеллигенции Беларуси в революционных преобразованиях и строительстве нового общества. Осмысление вклада одного из национально-региональных отрядов интеллигенции на разных исторических этапах дает возможность выявить роль интеллектуальных сил в становлении и развитии советской цивилизации, их значение в преобразованиях на постсоветском пространстве. Для достижения поставленной цели автор решает следующие задачи: рассмотреть основные политические ориентации интеллигенции Беларуси накануне и в период революционных событий начала XX в.; проанализировать главные аспекты в содержании белорусской историографии по участию интеллигенции Беларуси в строительстве нового общества в довоенный период; выявить тенденции в историографии, посвященной участию интеллигенции Беларуси в Великой Отечественной войне; раскрыть наиболее важные направления в белорусской историографии, касающиеся деятельности интеллигенции Беларуси в послевоенный и «перестроечный» периоды. В решении обозначенных задач автор руководствовался принципами историзма и объективности с использованием историко-генетического, историко-сравнительного, историко-типологического и ретроспективного методов, что дало возможность обобщить достижения историографии и выявить разноплановую роль интеллигенции Беларуси в развитии советского общества. Рассматривая содержание некоторых работ историков, автор выясняет политические ориентиры интеллигенции Беларуси накануне революции и в период революционной борьбы в первые десятилетия XX в., показывает формы и методы привлечения старых специалистов к строительству нового общества, формированию советской интеллигенции и ее деятельности в производственно-технической, образовательной, научной и социокультурной сферах. Делается вывод о весомом вкладе подавляющей части интеллигенции Беларуси в победу над фашизмом. Важная роль принадлежала интеллигенции в восстановлении народнохозяйственного и культурного потенциала республики после войны. Вместе с тем отмечены

негативные тенденции, наблюдавшиеся в интеллигентской среде в послевоенный период. В статье определяются актуальные сюжеты для дальнейшего научного исследования в целях творческого развития интеллигентоведения. Следует обратить внимание на взаимоотношения между отрядами интеллигенции, проблемы между старыми специалистами и новыми работниками умственного труда, процессы передачи опыта дореволюционных профессионалов молодым строителям нового общества и преемственности поколений. Требуется дальнейшего изучения роль межреспубликанских связей, прежде всего с Россией, ее научно-образовательными учреждениями в формировании и развитии интеллектуального потенциала обеих стран.

Мазалецкая Е. Н. Вклад городской интеллигенции в сохранение архитектурного наследия Рыбинска в 1960—80-е годы

Ключевые понятия: охрана памятников, активисты, интеллигенция, ВООПИиК, Рыбинское отделение.

Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), основанное в 1965 г., стало первой организацией, которая имела общественный статус и занималась популяризацией, реставрацией и сохранением памятников истории и культуры. Хронологические рамки исследования охватывают период 1960—1985 гг. Именно в это время началось активное движение общественности в защиту памятников истории и культуры. Источниковая база исследования содержит опубликованные и неопубликованные материалы. Работы по данной тематике делают уклон в область государственного управления памятниками истории и культуры. В контексте статьи рассмотрена деятельность членов Рыбинского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры по сохранению облика города, популяризации и реставрации памятников истории и культуры. Охарактеризованы методы работы интеллигенции, делаются выводы о вкладе отдельных членов общества в сохранение и популяризацию истории и культуры Рыбинска. В исследовании поднимаются вопросы взаимодействия власти и общественности по вопросам сохранения и изменения характера использования, популяризации объектов наследия. Как свидетельствует изученный материал, местная интеллигенция оказала большое влияние на сохранение памятников города. В целом методы работы членов общества были успешны, в частности, публикации активистов способствовали популяризации среди населения знаний о родном крае и находящихся на его территории объектах культурного наследия. Опыт работы Рыбинского отделения ВООПИиК показывает, как много было

сделано интеллигенцией для сохранения исторического облика города Рыбинска.

Усманов С. М. Актуальное свидетельство богослова и мыслителя

Ключевые понятия: протоиерей Георгий Флоровский, богословие, экуменизм, история Церкви.

В статье рассматривается сборник научных статей протоиерея Георгия Флоровского, вышедший в свет в 2017 г. под названием «Свидетельство Истины». Из 41 публикации отца Георгия только одна работа представлена в оригинальном варианте на русском языке, а остальные сорок — в переводах с английского, немецкого и французского языков составителя сборника, петербургского исследователя Алексея Анатольевича Почекунина. Рецензируемое издание имеет также вступительную статью и послесловие. В качестве предисловия публикуется статья известного знатока русского богословия А. А. Ермичева. Послесловие было написано специально для данного издания французским переводчиком Ивом-Ноэлем Лелувьером и составителем сборника А. А. Почекуниным. В целом сборник «Свидетельство Истины» получился очень содержательным. В него вошли многие работы протоиерея Георгия Флоровского по христианскому Священному преданию, истории Церкви и проблемам экуменизма. Есть в сборнике и статьи отца Георгия, посвященные отдельным личностям в истории и современной ему церковной жизни. Всё это может быть очень актуальным в изысканиях историков, религиоведов, философов, культурологов. Стоит принять во внимание характер и стиль научных трудов протоиерея Георгия Флоровского. Глубина и острота мысли, отточенность формулировок, обширная эрудиция придают его сочинениям настоящую фундаментальность, а укорененность в основах христианского вероучения — значительную устойчивость в контексте изменчивой конъюнктуры научных поисков. Поэтому зачастую мнения и оценки отца Георгия с годами становятся всё более вескими и значимыми. Несмотря на то, что сборник «Свидетельство Истины» имеет целых трех редакторов, он содержит немало стилистических погрешностей и даже ошибок в грамматике и терминологии переводов сочинений отца Георгия на русский язык. Подобные огрехи по-своему лишь оттеняют тот высокий уровень, которого достиг выдающийся богослов и интеллектуал Русского Зарубежья протоиерей Георгий Флоровский.

Bazhenov A. M., Martynova T. M. The topic «Intelligentsia and War» in the context of fiction

Key notions: intelligentsia, war, fiction, military action, Thirty years' war, world war I, world war II, Patriotic war of 1812, inhumanity, inhumanity.

The article analyzes the role of the artistic intelligentsia in understanding the phenomenon of war. With the help of literary images reveals the horror and inhumanity of any war. To achieve this goal, works belonging to outstanding writers are involved. These works reproduce the events of the Thirty years' war (1618—1648), the Patriotic war of 1812, the First world war (1914—1918) and the Second world war (1939—1945). Worthy place in this series is the novel «Simplicissimus», owned by the German writer Hans Jakob Christoph Grimmelshausen. His work is a peculiar and unique canvas, full of bitterness and humor, reflecting the disasters and horrors of the Thirty years' war. After the end of the war, the Treaty of Westphalia was signed. It marked the beginning of the formation of the system of national States and the state-centrist model of the world.

A special status in the study of war is occupied by the novel-epic of Leo Tolstoy «War and peace». One of the best works devoted to the First World War, is a novel by Erich Maria Remarque «On the Western front without changes». A separate story in the article is the study of the events of the Second World War by the Nobel Prize — winning writers Heinrich Bell, Gunter Grass and Svetlana Alekseevich. And the first two writers were themselves participants in the Second World War. This gave them a reason to use their own military experience, which gave more convincing coverage of the events of the war. All conclusions are confirmed by the given fragments from the works of writers.

All these writers are united by the desire to reveal and show the anti-human content of military operations.

Kislitsyn S. V. The model of the foreign policy ideology of the American neo-conservatism

Key notions: neo-conservatism, ideology, US foreign policy, the US Republican Party.

For many years neo-conservatism has been one of the most influential political movements inside the US Republican Party. Its influence can be traced in foreign policy approaches of presidents R. Reagan (1981—1989) and George W. Bush (2001—2009). The neo-conservative ideology is based on the combination of the two main paradigms of the American theory of international relations — political realism and liberalism. Based on the need to establish a democratic peace through American global leadership, neo-conservatives do not consider democratization the result of the evolution of state institutions. On the contrary, they believe that the most effective tool for its promotion is the tactics of nation building. The neo-conservatives are characterized by skepticism to international law and supranational organizations. From their point of view, the idea of building a democratic peace must be realized by force in a world that is anarchistic by its nature.

Despite sufficient knowledge of neo-conservatism both in Russia and abroad, the task of theoretical systematization, modeling of its approaches has not been put to this day. This study is based on the principles of systematic historical analysis, which involves studying both individual elements of the neo-conservative ideology and their interaction with the environment. In this connection, the work is divided into two corresponding parts.

The first part of the article is dedicated to the model of neo-conservative foreign policy approaches. Since ideology tends to adopt paradigmatic traits, the study is based on such key definitions as the nature of international relations, the essence of national interest, the relationship between the factor of power and international law, the interrelationship between the domestic and foreign policies of the state, the importance of supranational international institutions and the role of the United States in the global world. In the second part, the constructed model is considered on the example of real conflicts of the turn of the XX—XXI centuries. The conclusion is made about the static nature of neo-conservative ideology and its inability to paradigmatic changes.

The model is based on the approaches and ideas expressed by key neo-conservative ideologists, first of all — E. Abrams, J. Bolton, M. Boot, R. Kagan, C. Krauthammer, I. Kristol, W. Kristol, D. Muravchik, N. Podhoretz.

Voronov Y. M., Erova T. V., Rozhkova A. S. Wisdom of the crowd: discourse strategies and narratives

Key notions: collective mind, wisdom of crowd, expert networks, professional amateur, precariat, crowd-sourcing, noo-sourcing, intelligentsia.

The review of modern discourse strategies and narratives about collective intelligence in digital society is presented in the article. Optimistic and pessimistic forecasts of development of network society are considered.

Such new social phenomena as «digital crowd», «professional amateurism», «precarization», «post crowd-sourcing technologies» are discussed. It is shown that modern disputes revive both the liberal and critical discourse about mass society. «The wisdom of crowd» is defined as the special type of rationality which is implemented under certain conditions. In projects of the third millennium ideas of society of knowledge, creative economy, technological revolution, digital services, etc. are formed. Many researchers consider intelligentsia as drivers of these public processes.

The purpose of the present article is the comparative analysis of modern discourse practices and narratives explaining the occurring innovations in social space of network society.

Theoretical and methodological bases of work are implanted in classical heritage of domestic and western traditions of philosophical thought. The leading principles of a research are integrative and reflexive arrangements of social philosophy, cross-disciplinary and trans-disciplinary synthesis. Tools of conceptual modeling, a discourse analysis, and comparative methods are used.

The conducted research leads to the following conclusions:

— the futurological foreshortening of the analysis of discourse strategies and narratives on problems of formation of network society, wise crowd, collective intelligence has no uniform dominant. Social optimism competes with pessimistic forecasts;

— metaphorical expression «the wisdom of crowds» appeared in a double polemic context: as denial of traditional ideas of irrational behavior of crowd, its madness, and as opposition to modern crowd phobias, critics of digital culture and mass society;

— radical change of a foreshortening allocates weight with absolutely different characteristics. The crowd is reasonable and wise as it has «outstanding collective intelligence and is capable to produce decisions which are much more acute than conclusions of the cleverest participants».

Kalistratov A. Y., Chernopyorov V. L. Images and Understanding of the Dark Continent and the African people in the writings of German colonial officer Rudolf Hansser

Key notions: R. Hansser, colonial officer, colonialism, The Dark continent, German West Africa, image and understanding.

The German Empire, having entered the colonial race of the Great Powers later than the other countries, by the beginning of the XX century could become established on the relatively small territories in various parts on the world, its biggest lands being situated in Africa. Rwanda-Urundi

and Tanganyika in the eastern part of the Dark Continent as well as Cameroon, Togoland and South West Africa in the west belonged to Germany.

There exists a number of works about the German dominance in Africa. However, understanding by German colonial officers of the importance of their own mission in the host countries, native inhabitants and relations with them have not been sufficiently studied. The given article is to partially compensate for these shortfalls. Its aim is to reconstruct the understanding of the Dark Continent by colonial officers of the German Empire which predetermined their behavior on the Dark Continent.

The sources of the current research are personal materials and official documents belonging to Rudolf Hansser (the diary, letters and reports) covering the period 1896—1902. Taking into consideration the fact that R. Hansser was a typical representative of colonial officers, while assumptions have to be made about his individual knowledge and worldview, his understanding and views on the Dark Continent can be spread to all junior German colonial officers of the late XIX — early XX centuries.

The methodological basis of the given research is the publications in the field of imagology and intelligentsia studies. The understanding of the images and the stages of their formation (ethnic, foreign-policy, stereotypes and images of a foreign culture) is based on the developments of the Centre for the Study of Russian History of the Russian History School (Russian Academy of Science). The definition of the officer case R. Hansser belonged to as an autonomous social and intellectual community is the achievement of the school of intelligentsia studies of Ivanovo State University. Intelligentsia is considered as a part of a broader notion that is intellectuals. The behavior patterns of western intellectuals (weak people, independent experts, outsiders and nonconformists) are in the focus of attention.

The results of the research are the following. The understanding by R. Hansser of the Dark Continent and the Aborigines are within the frameworks of the traditional for that time discourse: willingness to serve the native land in the colonies is combined with the desire to move up a career path and to reach material well-being. However, paternalism towards the natives and the feeling of superiority over them led to the appearance and development of racist ideas that formed a definite behavior towards the African people. At the same time, Hansser's enthusiasm turned into disappointment under the influence of a number of failed projects and the lack of career development. However, the officer explained his failures by different factors but he never accepted his own blame.

Kostyakova Yu. B. On views of Siberian regionalist N. M. Yadrintsev about «indigenous» and «new» Siberian intelligentsia (According to the letters to G. N. Potanin for the period of 1872—1873)

Key notions: N. M. Yadrintsev, Siberian regionalism, «indigenous» and «new» Siberian intelligentsia, cosmopolitanism, patriotism.

Currently, the focus of attention is on the phenomenon of regionalization as a form of socio-cultural and political self-identification. It raises a scientific interest in the history, ideology and activities of the Siberian regionalism — the social and political movement of the second half of the XIX century and the beginning of the XX century. The research is aimed at studying the attitude of N. M. Yadrintsev, a leader of the regionalists, to the contribution of «indigenous» and «new» intelligentsia to the revival of Siberia and development of the regional intellectual environment.

The author analyzes the regionalist's letters to his fellow G. N. Potanin during the exile in 1872—1873. The article reveals N. M. Yadrintsev's critical attitude to the «educated people» of the Russian capital that was caused by their cosmopolitanism, neglect to the province and provincial population, misunderstanding of the «east» matter and specifics of the Siberians' life.

The analysis of the letters showed the main drawbacks referred to the provincial intelligentsia from the view point of the regionalist, such as lack of the spiritual unity with Siberia and the absence of desire to improve the local life. The author assesses N. M. Yadrintsev's program for fostering Siberian intellectuals' patriotic views by means of periodicals and cultural educational work.

The article depicts a generalized image of the «new» intelligentsia as N. M. Yadrintsev saw it. According to his views the «new» intelligentsia included the exiled, officials, exploitative businessmen, easy riders that came to Siberia from the European part of Russia. The author concludes that the main reasons for his negative attitude to such intelligentsia members were a complete lack of respect for Siberia on their part and their negative impact on the local population.

Hieromonk Tikhon (Zakharov), Ivanov Yu. A. «Shuya» period of Joachim Shartomsky — ascetic of piety and icon painter of the XVII century

Key notions: Joachim Shartomsky, Time of Troubles, orthodox self-sacrifice, traditions of painting of icons, church intelligentsia, regional honoring.

In the article the initial stage of selfless activity of Joachim Shartomsky — one of ascetic of piety of the XVII century is considered. World outlook

bases of his icon-painting tradition, spiritual influence on local society in the years of end of the Troubles, the reason and feature of his special honoring in the region are shown.

The article discusses the early stage activities of Joachim Shartomski one of the ascetics of the XVII century, the Objective of this study is to show how a personal life example of a monk-recluse, making his prayer and service to the people in the form of icon painting has had a significant impact on the local society during the difficult years of complete Turmoil. A brief life description of the ascetic is given; the ideological foundations of his iconographic tradition are shown. The article provides an overview of sources covering different periods of the life of the monk Joachim, especially his early period when he lived in Shuya, Nikolo-Shartomsky monastery. When analyzing the above information, it is noted that Joachim Shartomsky was revered at the local level, but little known in the historical science of ascetic piety, and his personality deserves attention not only as the object of hagiographic studies, but in the historical and iconographic aspects.

The combination in the personality of the monk-ascetic of deep ascetic life and iconographic talent is quite rare in the history of Russian iconography. It is emphasized that from the images written by the monk there were not only many healings, but also that the miracles themselves became a factor of spiritual enlightenment of the people in a difficult historical period. The conclusions drawn are that the Holiness of the ascetic gave him an icon of the grace of healing themselves of the miraculous icon became the signs and symbols of the Renaissance of the region. The basic conclusion is the historical fact of the influence of the personality of Joachim Shartomsky and his miracle-working icons on the spiritual aspect of Shuya at the time subsequent to repeated ruin, as well as the acknowledgement that Russian monks contributed to the preservation of statehood in Russia at the time of the vacillation of mind.

Kozliakov U. Ye. The Great Russian Revolution and the Fates of Belarusian intelligentsia: Some Aspects of the Question of Historiography

Key notions: intelligentsia, intellectuals, intelligentsia studies, Belarus, the Great Russian Revolution, the BSSR, Belarusization, science, education, Soviet society.

The aim of the article is to reveal actual issues of Belarusian historiography, showing the influence of the Great Russian revolution on the fate and role of Belarusian intelligentsia in revolutionary reforms and the construction of a new society. Understanding of the contribution of one national-regional intelligentsia's groups at different historical stages makes it

possible to reveal the role of intellectual forces in the formation and development of Soviet civilization, their significance in transformations in the post-Soviet space.

For goal achievement, the author solves the following tasks: to consider the main political orientations of the intelligentsia of Belarus on the eve and during the revolutionary events of the beginning of the XX century; to analyze the main aspects in the content of the Belarusian historiography on the participation of the intelligentsia of Belarus in the construction of a new society in the pre-war period; to find out the tendencies in historiography devoted to the participation of the intelligentsia of Belarus in the Great Patriotic War; to reveal the most important directions in the Belarusian historiography concerning the activities of the intelligentsia of Belarus in the postwar and «perestroika» periods. The author was guided by the principles of historicism and objectivity, using historical-genetic, historical-comparative, historical-typological and retrospective methods, which enabled him to generalize the achievements of historiography and to reveal the diverse role of the intelligentsia of Belarus in the development of Soviet society.

Considering the content of some historical publications, the author elucidates the political orientations of the intelligentsia of Belarus on the eve of the revolution and during the period of revolutionary struggle in the first decades of the twentieth century, shows the forms and methods of attracting old specialists to the construction of a new society in the formation of the Soviet intelligentsia and its activities in the production, scientific and socio-cultural sphere. The conclusion has been done about weighty contribution of the overwhelming majority of the intelligentsia of Belarus to victory over fascism. An important role belonged to the intelligentsia in the restoration of the national economic and cultural potential of the republic after the war. At the same time, negative tendencies observed in the intelligentsia environment were noted in the postwar period. The article also determines the actual subjects for further scientific research with a view to the intelligentsia studies. Attention should be paid to the relationship between the intelligentsia detachments, the problems between old specialists and new intellectual workers, the processes of transferring the experience of pre-revolutionary professionals to the young builders of a new society, the succession of generations. It requires further study of the role of inter-republican ties, primarily with Russia, its scientific and educational institutions in the formation and development of the intellectual potential of both countries.

Mazaletskaya E. N. The contribution of the urban intelligentsia to the preservation of the architectural heritage of Rybinsk in the 1960—1980s

Key notions: protection of monuments, volunteer, intelligentsia, VOOPIK, Rybinsk department of VOOPIK.

The Russian social organization for the Protection of Historical and Cultural Monuments (VOOPIK) was founded in 1965. It was the first organization which had a public status and was engaged in preserving, restoring, popularizing the preservation of historical and cultural monuments. The chronological scope of the research covers the period 1960—1980s. It was time of beginning of the active movement for defense of monuments of history and culture. The work is based on published and unpublished sources. Studies on this subject stresses state management of monuments of history and culture, in the context of this article, the work of intelligentsia in the field of preserving historical and cultural monuments is considered. The article deals with the activities of members of the Rybinsk branch of the Russian social organization for the Protection of Historical and Cultural Monuments (VOOPIK) for the preservation, promotion and restoration of historical and cultural monuments. On the example of the Rybinsk city department of VOOPIK the article shows the work of the intelligentsia of preserving the town's image, describes the methods of work, draws conclusions about the contribution of individual members of organization to the preservation and popularization of the history and culture of Rybinsk. The study raises issues of interaction between the authorities and the public on the issues of preserving and changing the nature of use, popularization of heritage sites. As the studied material shows, the local intelligentsia had a great influence on the preservation of the monuments of the city. In general, the methods of work of members of the organization were successful, in particular the publications of activists of the organization promoted popularization among the population of knowledge about the native land and objects of cultural heritage located there. The experience of the activists of the Rybinsk department shows that during the time of their active work the VOOPIK has done much to preserve the historical appearance of the town of Rybinsk.

Usmanov S. M. Actual evidence of the theologian and thinker

Key notions: Archpriest George Florovsky, the theology, Ecumenism, history of the Church.

The article discusses the collection of scientific articles by Archpriest George Florovsky published in 2017 under the title «Testimony of Truth». From 41 articles of Father George in this collection, only one work is

published in the original version in Russian, and the remaining forty — in translations from English, German and French, the compiler of the collection, the St. Petersburg researcher Alexey Anatolyevich Pochekunin. The peer-reviewed publication also has an introductory article and an afterword. As a preface, the article is published by the famous expert on Russian theology, A. A. Yermichev. The afterword was written specifically for this publication by the French translator Yves-Noel Leluvère and the compiler of the collection A. A. Pochekunin. In general, the «Testimony of Truth» compilation turned out to be very informative. It includes many works of Archpriest George Florovsky on the Christian Sacred Tradition, on the history of the Church, on the problems of ecumenism. There is also a collection of articles by father George dedicated to individuals in history and the church life. All this can be very relevant in the research of historians, religious scholars, philosophers, and cultural studies. It is worth taking into account the nature and style of the scientific works of Archpriest George Florovsky. The depth and sharpness of his thoughts, the clarity of formulations, extensive erudition give his writings a real fundamental nature. A rooted in the foundations of Christian dogma — and significant stability in the context of the changing conjuncture of scientific research. Therefore, the opinions and assessments of Father George often become more weighty and significant over the years. Despite the fact that the collection «The Testimony of Truth» has as many as three editors, it contains many stylistic errors and even mistakes in grammar and terminology of translations of Father George's works into Russian. Such flaws in their own way only set off the high level reached by the eminent theologian and intellectual of the Russian abroad, Archpriest George Florovsky.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2018 ГОД

Наименование статьи	№
1	2

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

<i>Васильев Н. Н.</i> Интеллигенция и идеология в современной России	2
<i>Меметов В. С., Будник Г. А.</i> Высшее образование в России: традиции, преемственность, перспективы развития	3
<i>Сибиряков И. В.</i> Роль интеллигенции в сохранении культурной памяти советского социума о революции 1917 года	2

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

<i>Баженов А. М., Мартынова Т. М.</i> Тема «Интеллигенция и война» в контексте художественной литературы	4
<i>Золотарев О. В.</i> Сталинская модернизация и советская интеллигенция	1
<i>Зябликов А. В.</i> Политическое позиционирование российской художественной интеллигенции на рубеже XIX—XX веков: тенденции и стратегии	1
<i>Кабакова Н. В.</i> Повседневность советской интеллигенции в годы Великой Отечественной войны (На примере Сибирского автомобильно-дорожного института)	3
<i>Кислицын С. В.</i> Модель внешнеполитической идеологии американского неоконсерватизма	4
<i>Комиссаров В. В.</i> Научно-популярная книжная серия «Эврика» как источник по истории советской интеллигенции 1965—1976 годов	1
<i>Мокшин Г. Н.</i> Вопрос об интеллигенции в неонароднической публицистике начала XX века	2

<i>Москвина Р. Т.</i> Государственная интеллигенция — советский феномен XX века	2
<i>Послушаев П. П.</i> Н. М. Чернышевская и Дом-музей Н. Г. Чернышевского в годы Великой Отечественной войны	2
<i>Холяев С. В.</i> Интеллигенция — базовый фактор великой русской революции	3
<i>Яновский О. А.</i> Как шли белорусы к своему университету	3

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

<i>Бойко С. И.</i> Военные интеллектуалы в политическом режиме современной России	1
<i>Воронов Ю. М., Ерова Т. В., Рожкова А. С.</i> Мудрость толпы: дискурсивные стратегии и нарративы	4
<i>Гамкредидзе Г. А.</i> Российско-грузинский диалог на высшем уровне в 2004—2008 гг. в контексте анализа российских и грузинских интеллектуалов	3
<i>Уханова Ю. В.</i> Российская интеллигенция: образование как фактор формирования гражданской позиции	1

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

<i>Глазунов С. Р.</i> Российская интеллигенция в либеральных преобразованиях: И. И. Янжул и реформа фабричного законодательства в 1882—1914 годы	1
<i>Иеромонах Тихон (Захаров), Иванов Ю. А.</i> «Шуйский» период Иоакима Шартомского — подвижника благочестия и иконописца XVII века	4
<i>Калистратов А. Ю., Черноперов В. Л.</i> Образы-представления о Черном континенте и африканцах у германского колониального офицера Рудольфа Ганссера	4
<i>Костякова Ю. Б.</i> Сибирский областник Н. М. Ядринцев о «коренной» и «пришлой» сибирской интеллигенции (По письмам к Г. Н. Потанину за 1872—1873 гг.)	4
<i>Назаров И. Д.</i> Назаров Юрий Николаевич: философ, педагог, интеллигент	1

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ, РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ

- Соколовский К. Г.* Подвиг веры казахстанского священномученика Александра Дагаева: «новая власть» и провинциальная священническая интеллигенция в первые годы Гражданской войны 2
- Соловьев А. А.* Демифологизация идеи третьего Рима в контексте церковно-государственных отношений начала XX века 2
- Федотова И. Н.* К истории монастырских тюрем в России: Суздальская Спасо-Евфимиева обитель как место лишения свободы (конец XVIII — начало XX века) 2

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ

- Бушуева Л. А.* «Старая» профессура и «отличные техники»: научная интеллигенция Казани в первые годы советской власти 3
- Ерошкина О. Н.* Интеллектуально-творческий потенциал дореволюционной интеллигенции Петрограда — Ленинграда и его реализация в условиях нэпа 3
- Кривопалова Н. Ю.* Формы социальной активности молодой интеллигенции 1960-х годов в пространстве провинциального города 3
- Соколова Ф. Х.* Интеллигенция в социально-политическом пространстве Европейского Севера России, 1914—1918 гг. 3

ИСТОРИОГРАФИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Чередникова А. Ю.* Об изучении военной интеллигенции в научных кругах современных Вооруженных сил РФ 1
- Козляков В. Е.* Великая российская (русская) революция и судьбы интеллигенции Беларуси: некоторые аспекты историографии вопроса 4

ДИСКУССИЯ

- Коваленко С. В.* Педагогика как методология формирования духовных ценностей национальной идентичности 2

ДЕБЮТ

- Кучин Я. С.* Идея толерантности в «Макарии» Самуэля Гартлиба 2
- Мазалецкая Е. Н.* Вклад городской интеллигенции в сохранение архитектурного наследия Рыбинска в 1960—80-е годы 4
- Маслова А. И.* Отечественные ученые и инженеры в условиях судебного процесса «Промпартии» 1930 года: как цель оправдывала средства 2
- Павлова М. А.* Формирование собрания музея Костромского научного общества по изучению местного края (По отчетам 1912—1917 годов) 3

ИЗ АРХИВНЫХ ФОНДОВ

- Климович Л. В.* Первые годы в эмиграции: письма В. В. Вейдле Г. Л. Лозинскому 2

ПО СЛЕДАМ ПРОЧИТАННОГО

- Суслов А. Ю.* К юбилею Н. К. Михайловского 1
- Усманов С. М.* Актуальное свидетельство богослова и мыслителя 4

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по историческим, философским и политическим наукам. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.ceeol.com).

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим актуальным проблемам современной науки:

- ***Актуальные проблемы современного интеллигентоведения***
- ***Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции***
- ***Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран***
- ***Интеллигенция и общество в современных условиях***
- ***Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории***
- ***Международные отношения и личность***
- ***Роль религии в развитии мировой культуры***
- ***Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла***
- ***Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни***
- ***Из архивных фондов: публикация исторических источников***

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (40 000 знаков с пробелами или 20 страниц текста в формате А4 через 1,5 интервала, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: ББК; на русском и английском языках: инициалы и фамилия автора, название материала, аннотация (объемом не менее 200 слов), ключевые слова; текст статьи (сообщения), примечания, библиографический список на русском языке, транслитерация списка литературы ("**References**").

3. Аннотация должна включать **обоснование проблемы, краткое описание целей, задач, методов исследования, базовые выводы**. Текст статьи обязательно делится на внутренние разделы, например: **введение, цель и задачи, выводы** и т. п.

4. Сноски в статье концевые со сквозной нумерацией. Список сносок располагается после текста статьи под названием «**Примечания**». В примечаниях следует применять **сокращенное** библиографическое описание источников: авторы, название, место и год издания, страницы, отсылающие к конкретному месту источника. В ссылке на электронный ресурс обязательно указание даты обращения.

5. **Библиографический список** в алфавитном порядке **располагается дополнительно после примечаний**, сначала на русском языке, затем под заголовком "**References**" на латинице. Транслитерацию необходимо выполнить автоматически на сервисе: http://english-letter.ru/Sistema_transliterazii.html

В библиографических списках приводится только использованная в статье литература. В выходных сведениях обязательно указание издательства и общего количества страниц, для статей — диапазон страниц. Такие элементы, как [текст] или фамилии авторов через косую черту, тире между элементами описания, ISBN, указывать не следует.

6. Статья должна содержать авторские данные на русском и английском языках: ф.и.о. полностью, ученая степень, ученое звание, должность и место работы (с названием структурного подразделения), контактная информация (e-mail и телефон). Материал должен быть подписан всеми авторами и содержать дату отправления.

7. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2018 № 4

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *М. Б. Балябина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Н. Г. Юркина, Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 14.12.2018 г.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 9,77. Уч.-изд. л. 8,2. Тираж 100 экз.
Заказ № 166. Цена свободная

Адрес редакции (издателя): 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Факс: (4932) 32-66-00. E-mail: vs_memetov@mail.ru

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

